

Рудольф Штейнер

**ВУТРЕННЕЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА
И ЖИЗНЬ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ
И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ**

GA 153

*Цикл из шести докладов, прочитанных на пасху в
Вене
от 9 по 14 апреля 1914 года
с двумя предшествующими открытыми
докладами
в Вене 6 и 8 апреля 1914 года.*

Перевод с немецкого издания 1997 года.
Переводчик Л. Б. Памфилова ©

Издательство ТИТУРЕЛЬ ©

2011

© Все права защищены

СОДЕРЖАНИЕ

Открытый доклад, Вена, 6 апреля 1914 года.....4

Задачи и цель духовной науки и духовный поиск в современности.

Новый род познания духовной науки, сопоставимый с новым для своего времени учением Коперника. Методика духовной науки - прийти к внутреннему укреплению через возрастание обычных душевных сил: от внимания к имагинации, от силы речи к инспирации, от силы выпрямления к интуиции. Понимать духовные факты через свободное от предрассудков восприятие могут все люди. Спиритизм как материалистическое суеверие. Необходимость вернуться к активности души, чтобы преодолеть вывод материализма о том, что человек, будучи лишь высокоразвитым животным, не в состоянии различать между добром и злом.

Открытый доклад, Вена, 8 апреля 1914 года.....24

Что может сказать духовная наука о жизни, смерти и бессмертии человеческой души?

Внутренняя подготовка духовного исследователя; его «приход к вратам смерти». Появление по ту сторону памяти духовных фактов и процессов при имагинации. Образование в «сверхпамяти», находящейся позади памяти, душевного зародыша, который развивается только в следующей жизни. Бессмертие души. Возникновение панорамы жизни после смерти. Последующее высвобождение себя из того, что от последней жизни осталось неисполненным, неоконченным. Переход к душевной творческой силе, которая освещает душе духовных существ и процессы. Блаженство. Чередование духовного общения и уединения. Полночь духовного бытия. Взгляд на прошедшие земные жизни и активное желание создать в новой жизни уравнивание для них. Образование духовного прообраза новой земной жизни и тяга к новой родительской паре. Процесс организации нового тела в детстве. Преступник как духовно преждевременно рождённый. - Укрепление силы интеллекта через раннюю смерть по причине какого-либо несчастья, укрепление силы воли по причине смерти из-за болезни.

Параметры времени для переживаний между смертью и новым рождением.

ВНУТРЕННЕЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА И ЖИЗНЬ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ.

Первый доклад, Вена, 9 апреля 1914 года.....44

Четыре внутренние сферы человеческой душевной жизни: воспринимание, мышление, чувствование и желание. Духовные опыты через их усиление в пространстве вне тела.

Второй доклад, 10 апреля 1914 год.....55

Выход из тела через укрепление силы воспоминания; переживание чисто временного, предшествующего воплощению. Религиозность, искушение и воспитание в дорождённом потоке времени.

Третий доклад, 11 апреля 1914 года65

Образование фантомов при чувственных восприятиях. Теневой образ мышления; сокровище памяти. Нерождённое в чувстве и воле. Живой процесс восприятия и внутреннее созерцание в дохристианское время. Воздействие Христа.

Четвёртый доклад, 12 апреля 1914 года76

Различие переживаний в духовном мире и на физическом плане. Преобразование мудрости в жизненную силу; творческая сила чувствующего желания; возникновение вопрошания от вещей. Подготовка в земном к побуждению жизни в духовном.

Пятый доклад, 13 апреля 1914 года88

Процессы между смертью и часом мировой полуночи. Имагинативный взгляд на покинутые оболочки. Развитие сознания в духовном мире: выделение

связанных в земном душевных сил памяти, чувствования и желания, творческого душевного света. Общение и уединение в духовном. Мировой час полуночи. Новое захватывание себя в мировом бытии.

Шестой доклад, 14 апреля 1914 года
.....100

Переживания души, начиная с мирового часа полуночи: вневременное воздействие прошлого как духовного внешнего мира. Преобразование прошлых событий и фактов в способности. Образование карциномы в социальной жизни. Точка зрения на создание духовно-эфирного прообраза для следующей земной жизни. Духовный избыток сил благодаря воздействию импульса Христа.

В данном переводе опущены: Выступление Р. Штайнера в Вене 14 апреля 1914 года по поводу строительства Гётеанума, примечания и именной указатель.

ОТКРЫТЫЙ ДОКЛАД
Вена, 6 апреля 1914 года

*Задачи и цель духовной науки
и духовный поиск в современности.*

Кто хочет придать определённое значение той форме духовнонаучного мировоззрения, о которой мне будет позволено говорить сегодня и послезавтра, должен всё-таки однажды познакомиться с тем своеобразным, заложенным в человеческом развитии противоречии, заключающемся в том, что с определённой высокой точки зрения духовное течение, духовный импульс может быть своевременным в самом выдающемся смысле и что это своевременное, стало быть, всё-таки сначала решительно отвергается современностью, отвергается, можно сказать, вполне понятным образом.

Своевременным был импульс к новому воззрению о пространственной вселенной, который дал Коперник на заре нового времени, несомненно своевременным с той точки зрения, что развитие человечества, чтобы пришёл этот импульс, именно ко времени Коперника сделало необходимое. Несвоевременным этот импульс, несомненно, оказывался ещё длительное время, поскольку против него выступали все те, кто стремился придерживаться старых мыслительных привычек, столетних и тысячелетних предубеждений. В таком же смысле своевременным это духовнонаучное мировоззрение предстаёт сторонникам подразумеваемой здесь духовной науки, и оно несвоевременно с точки зрения, с которой ещё должны судить многие наши современники. Однако я надеюсь, что в ходе сегодняшнего и послезавтрашнего докладов я сумею показать, что в подсознательных душевных глубинах современного человечества существует нечто, подобное стремлению к этому духовнонаучному мировоззрению, и в них живёт нечто, подобное надежде.

Эта духовная наука, какой она предстаёт в настоящее время, хочет быть подлинной продолжательницей естественнонаучной умственной работы, как её совершали в последние столетия. И было бы совершенно неправильно, если бы полагали, что эта духовная наука как-либо из себя самой проявляет враждебность к великому триумфу, к огромным достижениям и дальновидным истинам, к которым привело естественнонаучное мышление последних столетий. Наоборот, для познания духовного мира эта духовная наука

хочет быть тем, чем была и является естественная наука для познания внешнего мира. Так её можно было бы назвать именно чадом естественнонаучного способа мышления, хотя в этом сегодня ещё сомневаются в самых широких кругах.

Чтобы привести некое представление, не доказательство, но пока некое представление, которое должно вызвать взаимопонимание, представление об отношении подразумеваемой здесь духовной науки к естественнонаучному мировоззрению, следует сказать следующее: Посмотрев на великое, огромное развитие естественнонаучного познания в последние три-четыре столетия, мы скажем себе, что, с одной стороны, оно провело необъятные истины через широкий горизонт человеческого сознания, и что, с другой стороны, это мышление влилось в практическую жизнь. Повсюду мы видим, что в области технического, промышленного, нам навстречу светит то, что привело нас к законам и познаниям естествознания, втекающим в жизненную практику. Желая создать себе некое представление о том, как подразумеваемая здесь духовная наука относится к этому прогрессу, сначала приведём одно сравнение. Можно посмотреть на крестьянина, который возделывает свою пашню, который собирает плоды с пашни. Огромная часть этих плодов пашни будет взята для человеческой жизни и использована для питания человека $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ останется лишь малая часть. Она используется для нового посева плодов. Лишь об этой последней части можно сказать, что она может следовать движущим силам, внутренним жизненным и образующим силам, которые находятся в самом произрастающем зерне, в самом произрастающем плоде. То, что привозится в зернохранилище, преимущественно отвлекается от своего прогресса, лежащего в собственных законах формирования, словно направляется в некий боковой поток и используется для человеческого питания, не продолжает непосредственно то, что лежит в зародышах, и что находится в собственных движущих силах.

Подразумеваемой здесь духовной науке примерно так представляется то, что привело естествознание к познаниям в последние столетия. Гораздо большая часть по праву использовалась для получения результата во внешних чувственно-пространственных фактах, использовалась для того, чтобы принести пользу людям. Но как раз от идей, которые в последние столетия поставляло рассмотрение природы, в человеческой душе может оставаться нечто уже

не используемое для постижения того или иного во внешнем чувственном мире, того, что не используется для построения машин или для занятий промышленностью – но это нечто оживляется, так что оно сохраняется в своём собственном направлении, подобно зерну, которое снова используется для посева и может следовать своим законам формирования. Когда именно таким образом человек проникается тем, что показало нам естествознание в прекрасных познавательных плодах, когда он этому даёт жить в своей душе, и когда он чувствует необходимость спросить об этом: Как можно осветить душевную жизнь и познавать её в понятиях и идеях, которые дало нам естествознание, как можно жить с этими идеями, как можно постигать из них, где находятся основные движущие силы человеческой душевной жизни? – если человеческая душа чувствует необходимость поставить эти вопросы с помощью завоёванного духовного богатства – поставить не в теории, но всей полнотой душевной жизни, – тогда явится то, что только в наше время может переходить в человеческую культуру, поскольку о естествознании некоторое время, так сказать, заботились на его собственной почве.

И даже в другом отношении эту духовную науку можно называть чадом естественнонаучного способа мышления, вот только дух необходимо исследовать иным способом, чем природу. Если хочешь именно на таком же надёжном, методическом научном базисе, на каком естествознание противостоит природе, противостоять духу, то должен преобразовать естественнонаучное мышление и создать его таким, чтобы оно стало пригодным инструментом для познания духа. Каким оно может стать, об этом кое-что будет сообщено в этих докладах. Именно когда довольно твёрдо стоишь на почве естествознания, тогда видишь, что теми способами, которыми оно работает, нельзя получить духовное познание. Всё снова и снова просвещённые умы говорили о том, что, исходя из надёжной почвы естествознания, человек вынужден осознать, что сила его познания якобы ограничена. Естествознание и кантианство – назовём только их – внесли свой вклад в то, чтобы поверили, что познавательные силы человеческого духа якобы ограничены, что человек посредством своего знания не может проникать в области, где лежит источник, с которым должна себя чувствовать связанной душа; где человек осознает, что сюда воздействуют не только силы, которые можно обозревать с помощью естествознания, но и другие силы. Здесь духовная

наука полностью признаёт правоту естествознания. Именно для познавательных способностей, сделавших естествознание великим, на которых как таковых естествознание и вынуждено остановиться – для них нет никакой возможности проникать в духовную область.

Но в человеческой душе дремлют другие познавательные способности, познавательные способности, которые не могут быть применены в повседневности и в суеете обычной науки, но которые могут быть извлечены из этой человеческой души, и когда они извлечены, когда они извлечены словно из подпочвенных глубин человеческой души, тогда они из человека делают нечто иное: они его пронизывают силами (*durchkraften*) некоего нового рода познания, такого рода познания, которое может проникать в области, закрытые для голого естествознания. Это – я не придаю этому выражению никакой особенной ценности, но оно проясняет вопрос, – некий род духовной химии, через которую можно проникать в духовные области бытия, но химии, которая, разумеется, с внешней химией имеет сходство только в отношении надёжной логики и методического мышления: это химия самой человеческой душевной жизни. – И с этой точки зрения, договоримся, я снова в качестве сравнения скажу следующее: Если мы имеем перед собой воду, то эта вода имеет определённые свойства. Приходит химик и показывает, что в этой воде внутри существуют водород и кислород. Возьмём водород: он горит, он газообразен, он совершенно иной, чем вода. Разве смог бы кто-либо, ничего не знавший о химии, когда-нибудь, рассматривая воду, увидеть, что в ней есть водород? Вода жидкая, не горит, даже гасит огонь. Водород горит, является газом, короче: Мог ли кто-либо увидеть в воде, что в ней содержится водород? – Однако приходит химик и выделяет из воды водород. В нём соединены физически-телесное и духовно-душевное. Внешняя наука и мировоззрение, построенное на ней, совершенно правы, когда говорят: Да, этот человек, стоящий здесь напротив нас, не может увидеть, что в нём есть духовно-душевное; и это понятно, если полностью отрицать мировоззрение этого духовно-душевного. Но это именно то, как если бы отрицали природу водорода.

Конечно, необходимо доказать, что в душевно-духовной химии может быть представлено духовно-душевное, действительно выделенное из человеческого существа, отделённое от физически-телесного. Это возможно. Сегодня духовная наука может сказать человечеству, что такая

душевно-духовная химия существует, так же, как учение Коперника могло говорить человечеству, удивлённому этим, что Земля не находится в покое, но в быстром темпе движется вокруг Солнца, а Солнце находится в покое. И как ещё вплоть до XIX столетия сочинения Коперника находились под запретом, так долгое время в определённом отношении будут запрещены другими мировоззрениями и познания духовной науки, теми мировоззрениями, которые не могут освободиться от столетних предрассудков, от привычек мышления. И то, что эта духовная наука до определённой степени уже теперь может охватывать сердца и души, что она как раз не находится вне поиска нашего времени, для этого мы имеем одно маленькое доказательство, которым я не буду хвалиться, но которое может быть упомянуто как свидетельство, я бы сказал, скрытой в душах соответствующей духу времени духовной науки. Ведь уже в наше время мы в состоянии создать для этой духовной науки свободную высшую школу на свободной швейцарской земле; и мы всё-таки можем благодаря пониманию друзей этого духовного течения увидеть признак, судя по архитектурному стилю, того же самого в новом с двойным куполом круглом здании, которое на дорнахском холме, у Базеля, должно возвышаться как первый внешний памятник того, что эта духовная наука должна включить в современную культуру. Что это здание уже существует в процессе установки, что формы его куполов уже возвышаются над круглым строением, это позволяет нам сегодня с ещё гораздо большей надеждой и внутренним удовлетворением говорить о духовной науке, несмотря на всю враждебность, несмотря на всё непонимание, которое сегодня встречает её и ещё будет встречать в широких кругах.

То, что я представил духовной химией, разумеется, мелочь, которая может быть достигнута внешними методами, которую можно увидеть глазами и которая достигается внешними совершенствами (Verrichtungen). То, что может называться духовной химией, совершается исключительно в самой человеческой душе, и совершенства являются интимным душевно-духовным способом, это совершенства, которые душа не оставляет такими, какими они являются в повседневной жизни, но которые на душу действуют так, что она себя преобразует (umartet), что она становится совсем другим инструментом познания, чем обычно. И это не какие-то, я бы сказал, удивительные совершенства, какие-то заимствованные из суеверия совершенства, которые, стало быть, используются

в духовной химии, но это абсолютно внутренние духовно-душевные свершения, строящиеся на том, что существует также и в повседневной жизни, $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ на силах души, которые всегда присутствуют, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, но которые в этой повседневной жизни применяются, я бы сказал, только мимоходом, но должны бесконечно усиливаться, должны неограниченно укрепляться, если человек действительно хочет стать духовно познающим.

Одну силу, которая во всей нашей душевной жизни действует больше мимоходом, но должна быть безмерно усилена, мы можем назвать её – внимание. Что же это такое – внимание? Итак, мы позволяем жизни, протекающей в душе, протекать не так, как это складывается само по себе; мы собираемся с силами в глубине души, чтобы направить духовный взор на то или иное. Мы выхватываем отдельные вещи, ставим их в поле зрения нашего сознания и концентрируем душевные силы на этих деталях. И мы можем сказать: Наша душевная жизнь, которой необходима активность, даже в быту возможна только благодаря тому, что мы можем развивать такой интерес, который выделяет отдельные события, факты и существ из утекающего потока бытия. Это внимание абсолютно необходимо в обычной жизни. Всё больше и больше будешь осознавать, именно когда духовная наука действительно самую малость проникает в души, что, собственно говоря, то, что люди называют проблемой памяти, есть лишь проблема внимания, и само это обратит серьёзный взгляд на все проблемы воспитания. Можно прямо-таки сказать, что чем больше стараются уже у подрастающего и даже у более взрослого человека всё снова и снова приводить душу к деятельности внимания, тем больше усиливается память. Не только то, что это лучше действует в интересах вещей, на которые мы обратили внимание, но чем чаще мы можем осуществлять эту деятельность внимания, тем больше возрастает наша память, тем интенсивнее она формируется. И ещё другое: кто не слышал сегодня о том печальном душевном явлении, которое можно назвать прерывистостью сознания. Сегодня есть люди, которые не имеют полной ретроспективы своей жизни, когда они задним числом не знают: присутствовал ли ты со своим «я» при тех или иных событиях; они не знают, что они испытали. Может случиться, что такие люди покидают свою родину, потому что они утратили последовательность в своём душевном переживании; что они покидают свой дом

бессмысленно и безрассудно, что они проходят по миру, потеряв своё собственное «я», так что они только спустя годы снова находят своё «я» и могут продолжить то, что пережило здесь «я». Никогда такие явления не могли бы приводить к той трагедии, к которой они часто приводят, если бы знали, что даже эта целостность, это полное сознательное сохранение в себе сознания зависит от правильного развития способности внимания.

Таким образом, способность внимания есть нечто, в чём мы непременно нуждаемся в обычной жизни. Духовный исследователь должен опираться на неё, должен развивать её особым внутренним усилием души, должен углублять её до того, что мы могли бы назвать медитацией и концентрацией. Это технические выражения в интересах дела. Как в обычной жизни нас побуждает сама жизнь обращать внимание на тот или иной объект, так духовный исследователь, исходя из внутренней душевной методики, все душевные силы обращает на представление, образ, ощущение, волевой импульс, душевное состояние, которые он может обзреть, которые совершенно ясно находятся перед его душой, и на которых он концентрирует все душевные силы; но концентрирует таким образом, что всё мышление и стремления, все заботы и волнения жизни приводит в состояние покоя так, как это обычно бывает лишь в глубоком сне, он заглушает всю чувственную деятельность, направляющуюся на внешнее, $\left[\begin{smallmatrix} F \\ D \end{smallmatrix} \right]$ как это обычно бывает лишь в глубоком сне. Относительно обычной жизни человек на самом деле становится таким, как обычно бывает в глубоком сне; вот только он не утрачивает своего сознания и сохраняет его полностью бодрствующим. Но все силы души, которые обычно рассеяны на внешние переживания, тревоги и заботы бытия, сконцентрированы на одном, произвольно установленном в средоточии человеческой душевной жизни представлении, ощущении или прочем. Благодаря этому душевные силы уплотняются и то, что иначе лишь дремлет, лишь как-то участвует между полосами жизни ради этой жизни, проявляет себя как сила и извлекается наружу из человеческой души (*kraftet sich heraus, prägt sich heraus aus der menschlichen Seele*); и фактически наступает то, что эта душа через это внутреннее усиление человеческой души в концентрированной деятельности, в неизмеримо возросшем внимании учится переживать себя в себе так, что становится способной сознательно вырвать себя из физически-

чувственного тела подобно тому, как водород посредством химического метода выделяется из воды.

Разумеется, это внутренняя душевная работа, которая длится годы, если духовный исследователь хочет путём такой деятельности внимания и концентрации сделать свою душу способной вырваться из физического тела. Но затем наступает время, когда духовный исследователь может связать со словами некий смысл (einen Sinn), о, с так парадоксально звучащими в современном мире словами, с кажущимися такими фантастическими в этом мире словами: Я переживаю себя как духовно-душевное существо вне своего тела и знаю, что это тело находится вне моей души – вот так, как стол находится вне моего тела. Я знаю, что душа, усиленная внутренне, может таким образом переживать себя, хоть она перед собой и имеет тело, как некий чуждый объект, это тело со всеми его судьбами, которые оно проходит в обычной внешней жизни. $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ Человек становится для себя в том, чем он обычно является, полностью внешним бытием, и он переживает себя как духовно-душевное существо в изоляции от своего тела, и это духовно-душевное существо обнаруживает затем совсем другие свойства, чем оно обнаруживает, когда оно связано с физически-чувственным телом и пользуется связанным с мозгом рассудком.

Прежде всего, от физического переживания отделяется сила мышления. – Так как я не хочу говорить абстрактно, а хотел бы сообщить о реальных фактах, то вы не смущайтесь тем, что я хочу без прикрас, свободно от предрассудков описать то, что сегодня звучит ещё так парадоксально. – Когда духовный исследователь начинает соединять некий смысл со словами: Ты теперь живёшь в своей душе, ты знаешь, что твоя душа действительно является духовным существом, в котором ты переживаешь себя, когда ты существуешь вне своего разума и мозга, $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ тогда он вначале почувствует себя со своим мышлением как-то вне своего мозга, окружая свою голову и живя вокруг (umlebend). Ну конечно, он знает, что, пока находишься в физическом теле между рождением и смертью, тогда всё снова и снова должен возвращаться в тело, – духовный исследователь точно умеет наблюдать момент, когда он, после того как он жил со своим чисто духовно-душевным, снова возвращается со своим мышлением в свой мозг. Он переживает, как этот мозг оказывает сопротивление, чувствует, как он (духовный исследователь) словно с волнами прежней чисто духовной жизни погружается и затем ускользает в свой физический

мозг, который уже в его собственной деятельности снова следует тому, что осуществляет это духовно-душевное. Это переживание вне тела и это вновь погружение в тело принадлежат к самым потрясающим переживаниям духовного исследователя.

Однако это чисто переживающее себя в себе самом мышление, протекающее вне физического мозга, представляется иным, чем обычное мышление. Обычные мысли являются расплывчатыми относительно мыслей, которые отныне как новый мир предстают перед духовным исследователем, когда он находится вне своего тела. Эти мысли проникаются внутренней образностью. Поэтому то, что устанавливается здесь перед духовным взором, мы называем имагинацией, но не потому, что мы полагаем, что они содержат нечто фантастическое, придуманное, а потому, что воспринимаемое здесь на самом деле переживается образно, имагинируется; но эти имагинации являются неким погружением в сами вещи, переживаешь вещи и процессы духовного мира, и вещи и процессы духовного мира устанавливаются перед душой в имагинациях. – Так мышление может отделяться от физически-телесной жизни, и духовный исследователь может узнавать себя в мире духовных процессов и существ.

Но также и другие силы человека могут отделяться от чисто телесно-физического. Когда отделяется мышление, тогда сначала после всего того, что уже было охарактеризовано, духовный исследователь переживает сам себя в своём чисто духовно-душевном существе; однако то, что он переживает здесь в духовном мире вместе с вещами и процессами, есть совсем другой род и способ восприятия, чем обычные восприятия. Когда обычно воспринимаешь вещи, они находятся там, а ты сам – здесь; вы им противостоите. Это не так с того мгновения, когда в духовно-душевном переживании имеешь вокруг себя духовный мир, который действительно возникает с той же необходимостью, с какой возникают цвета и свет вокруг слепорождённого, когда его прооперировали. Нет, духовный мир не переживаешь так же, как внешний мир. Это переживание таково, что не только имеешь перед собой вещи и существ духовного мира, но и всем своим существом погружаешься в них. В таком случае знаешь: ты воспринимаешь вещи и существ, когда ты в них вытек вместе со своим существом, и то, что в них есть, ты воспринимаешь так, что они копируются в образах, которые ты созерцаешь. Чувствуешь, что всякое восприятие есть

копирование. Чувствуешь себя в непрерывной деятельности. Поэтому это оживление имагинативного мыслительного мира можно было бы назвать духовной мимикой, духовной пантомимой. Своим духовно-душевым вырываешься из телесности; но это духовно-душевное находится в непрерывной деятельности и погружается в процессы духовного мира и копирует то, что в них живёт как их собственные силы; чувствуешь себя связанным с существами так, что это погружение можешь сравнить с тем, как если бы некто, стоя напротив человека, мог бы догадаться, что в нём живёт, и такое внутреннее сопереживание обладало бы тем, что он в своей собственной мимике должен был обнаружить выражение скорби, если бы другой был скорбным, и в своей собственной мимике должен был обнаружить выражение радости, если бы другой был радостным. Так духовно-душевно испытываешь то, что переживает другой – сам становишься выражением этого. В духовном выражении сам проявляешь сущность вещи. Активное восприятие – это то, к чему тебя приводят. Можно сказать: Духовное исследование предъявляет совсем другие требования к человеческой душе, чем внешнее исследование, принимающее вещи пассивно, требования, чтобы душа была внутренне активной и могла погружаться в вещи и существ и становилась самовыражением того, что ей предлагают вещи.

Так же, как мыслительная сила в качестве духовно-душевного может выделяться из физически-телесного именно в духовной химии, так из этого тела может выделяться и другая сила, которую человек использует обычно только в теле, которая, так сказать, вливается в тело. Это звучит так странно: эта другая сила есть сила речи, сила, которую в обыкновенной жизни мы используем обычно при разговоре.

Как же это происходит, когда мы говорим? Наши мысли живут в нас, наши мысли заставляют наш головной мозг вибрировать вместе с ними; мозг имеет свою связь с речевым аппаратом, мышцы приводятся в движение; то, что мы переживаем внутри, вытекает в слово и живёт в словах. Мы могли бы этого не говорить – но мы должны это сказать именно с точки зрения духовной науки: – То, что существует в нашей душе в высказывании, мы изливаем наружу в телесно-физические органы. – Благодаря тому, что человек достигает внимания таким образом, как это было охарактеризовано, и добавляет ещё нечто иное – опять такую деятельность, которая обычно уже существует и даже

должна быть усилена до безграничного – возникает освобождение силы речи от физически-чувственного тела. Эта сила есть самоотверженность.

Мы знаем её в моменты, когда мы ощущаем религиозно, когда в любви преданы тому или иному существу, когда мы в строгом исследовании можем следовать вещам и их законам, когда можем забывать самих себя со всеми своими ощущениями и мыслями. Мы знаем её – эту самоотверженность. По сути дела, она лишь расплывается между строк обычной жизни. Духовный исследователь должен увеличить эту силу до бесконечности; он должен укрепить её безгранично. На самом деле он должен уметь отдаваться потоку бытия так, как обычно – сам не делая ничего для того, что он переживает, – он отдан этому потоку бытия в глубоком сне, когда вся подвижность его членов покоится, когда все органы чувств молчат, когда человек находится лишь в полном самоотвержении и ничего не делает; но тогда во сне он обречён на бессознательность. Но когда человек через внутренний произвол собирается с силами для того, чтобы всё вновь и вновь упражнять свою душу, чтобы заглушить чувственную деятельность, заглушить всю подвижность членов и привести свою физически-чувственную жизнь в состояние, которое обычно существует только в глубоком сне, но при этом остаётся бодрствующим, полностью сохраняет светлым своё внутреннее сознание и развивает чувство, ощущение

F0
2D

 существовать излитым в потоке бытия, ничего не хотеть, кроме того, чего хочет мир вместе с потоком: когда он всё снова и снова вызывает это чувство, но когда он вызывает его обособленно от внимания, тогда как раз душа укрепляется всё больше и больше.

Только необходимо проделывать оба упражнения – упражнение на внимание и упражнение с самоотверженностью – отдельно друг от друга; ибо они противоречат друг другу. Если внимание требует наивысшего напряжения, концентрации по отношению к объекту – глубокой медитации, то самоотверженность, пассивная самоотверженность по отношению к потоку бытия, требует беспредельного усиления того чувства, которое мы находим в религиозном переживании или в обычной самоотверженности по отношению к любимому существу. Плоды, которые человек создаёт из такого беспредельного усиления самоотверженности и внимания, существуют именно для того, чтобы он выделил свою духовно-душевную жизнь из физически-телесного. И таким образом сила,

которая обычно изливается в слово, которая действует благодаря тому, что она не остаётся в себе, но приводит в движение нервы, эта сила может отделяться от внешней речевой деятельности, может в духовно-душевном оставаться в себе самой. Тогда сила речи – мы можем называть её так – вырывается из своего чувственно-физического, и человек переживает то, что можно назвать словами Гёте – духовный слух, духовное слушание.

С другой стороны происходит так, что человек переживает себя вне своего тела, но уже таким образом, что он погружается в вещи и воспринимает внутреннюю суть вещей; но и воспринимает так, что копирует это в себе самом, а именно внутренней миной, не только неким выражением, но и внутренней миной, неким внутренним жестом. Вырванное из тела духовно-душевное действует так, как если мы пытаемся благодаря особому задатку в отношении нашего таланта подражания выразить посредством нашего жеста то, что нас занимает. То, что здесь совершается благодаря особым задаткам, душа, вырванная из тела, совершает, чтобы воспринимать. Она погружается в вещи и активно подражает тому, что здесь внутри разыгрывается со стороны сил. Весь этот процесс восприятия в духовном мире является приведением в действие себя, и воспринимая эту деятельность, в которую должен переместиться, поскольку подражаешь внутреннему тканью и характеру вещи, воспринимаешь эту вещь. Во внешнем чувственном мире слушание пассивно, мы слушаем. – Говорение и слушание стекаются в духовное слушание. Мы погружаемся в бытие вещи; мы слушаем её внутреннее тканье. То, что Пифагор назвал музыкой сфер, есть нечто, чего действительно может достигать духовный исследователь. Он погружается в вещи и бытие духовного мира и слушает, но слушает, высказываясь. То, что переживаешь, – это говорящее слушание, слушающее говорение при погружении в бытие вещей. Истинная инспирация – это та, которая получается таким образом.

И третья внутренняя деятельность, третий вид внутреннего переживания может прийти к духовному исследователю, если он продолжает дальше развивать одухотворённое внимание и самоотверженность. О том, что здесь появляется около духовного исследователя и в нём (an und in), когда он переживает себя внутри своего тела, я мог бы говорить следующим образом.

Рассмотрим ребёнка. Он являет характерное свойство человека – я не могу говорить об этом подробно, но хочу лишь обозначить то, что является важным для цели сегодняшнего доклада, – являет характерное свойство в подрастающем человеке $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ в течение детской жизни он должен сам себе придать своё направление в пространстве, чтобы таким способом быть встроенным в пространство. Человек рождается, не умея ни ходить, ни стоять, пользуясь вначале, как принято говорить здесь в Австрии, всеми четырьмя. Затем он развивает те внутренние силы, которые я бы назвал распрямляющими силами, и благодаря этому в человеке выступает то, что многие глубокие умы ощущали во всём его значении, когда говорили: Благодаря тому, что человек может поднимать себя в вертикальное направление, он умеет направлять взгляд в дали небесного пространства, его взгляд уже не застревает на земном. Но существенно то, что человек благодаря внутренним силам, благодаря внутреннему усилию и переживанию развивается определённым образом из своей беспомощной горизонтальной жизни в прямую вертикальную жизнь. Естествоиспытатель всё-таки согласится, что существующее здесь во внутренней деятельности человека есть нечто совсем иное, чем силы наследования, которые животному дают его направляющие силы в мире. В животном силы, которые приводят его к вертикали в том или ином направлении, действуют совсем иначе, чем в человеке, в котором действует сумма сил, вырывающих его из его беспомощного положения и действующих внутренне, чтобы предоставить ему то направление пространства, благодаря которому он собственно является в истинном смысле слова земным человеком, благодаря которому он только и становится тем, чем он как человек является на Земле. Эти силы действуют очень скрытно. К ним приближаешься только тогда, когда уже немножко углубляешься в духовную науку; но это целая система, огромная сумма сил. Не все они расходуются в детском периоде человека, когда он учится стоять и ходить. Именно силы этого рода пока дремлют в человеке; однако они остаются неиспользуемыми во внешней чувственной жизни и во внешней научной жизни.

Посредством того, что совершает душа в упражнениях повышенного внимания и самоотверженности, человек обнаруживает внутри, что в нём находятся те силы, которые распрямили его, когда он был ребёнком. Он осознаёт в себе духовные распрямляющие силы, духовные силы движения, и

из этого следует, что к внутренней мимике, к внутренней способности жеста, к внутреннему жесту он в состоянии добавить также внутреннюю физиономию своего духовно-душевного. Когда человек таким образом выходит наружу из физически-телесного, когда человек, будучи духовным исследователем, получает возможность соединять некий смысл со словами: Ты переживаешь себя в духовно-душевно-м, – тогда и приходит время, когда он осознаёт в себе силы, которые его выпрямили, которые его как физически-чувственное существо поставили на Земле в вертикальное положение. Теперь он использует эти силы в духовно-душевно-м и благодаря этому приходит в состояние использовать эти силы иначе, чем обычно в жизни; он достигает того, чтобы давать этим силам другие направления, делать из себя самого другой облик, нежели он сделал в физическом переживании во время своего детства. Теперь он умеет развивать внутренние движения, умеет приспособляться ко всем направлениям, умеет придавать своему духовному другие физиономии, нежели у земного человека; он достигает того, что погружается в другие духовные процессы и в других существ; он умеет соединяться так, что силы, превращающие его обычно из ползающего ребёнка в выпрямленного человека, он изменяет их во внутреннем духовных вещей и существ, так что он становится подобным этим вещам и существам и таким образом сам их проявляет и благодаря этому воспринимает. Это и есть реальная интуиция. Ибо истинное восприятие духовных существ и процессов есть погружение в них самих, есть принятие их собственной физиономии. В то время как посредством внутренней мимики переживаешь то, чем являются процессы в существах, в то время как подвижность духовных существ переживаешь благодаря тому, что в состоянии подражать их жестам; теперь сам в состоянии превращаться в вещи и процессы, в состоянии принимать собственный облик духовного; воспринимаешь это благодаря тому, что сам определённым образом стал этим.

Я хотел не в общих философских выражениях охарактеризовать вам способ, каким духовный исследователь вживается в духовные миры, но по возможности конкретно охарактеризовать, как это духовно-душевно переживание вырывается из телесного, из физически-чувственного процесса восприятия и погружается в духовный мир, становясь активно воспринимающим в нём самом. Но очевидным стало то, что каждый шаг в духовный мир должен

сопровождаться активностью, что при каждом шаге мы должны знать, что вещи не несут нам навстречу своё существо, но что о вещах и процессах духовного мира мы можем знать только то, чему мы в состоянии подражать, создавать по образцу, когда мы можем вести себя активно воспринимая. Духовное познание сильно отличается от обычного внешнего познания тем, что это внешнее познание отдаётся вещам пассивно, тогда как духовное познание должно жить в непрерывной активности, и человек должен становиться тем, что он хочет воспринять.

Сегодня ещё, или можно даже сказать, сегодня уже, напротив, кто-то поморщится, когда говоришь о духовном мире в общем и целом. С этим люди ещё мирятся. Но на наше время по-прежнему действует парадоксально, что кто-то может сказать: Человек может отделиться от всякого видения, слышания, от всех чувственных восприятий, всякого мышления, связанного с нервами и мозгом, и затем, когда перед ним полностью исчезает всё, что переживается в физическом бытии, может почувствовать себя окружённым, окружённым неким совершенно новым конкретным миром, да, неким миром, в котором существуют процессы и существа чисто духовного рода так же, как здесь в физическом мире существуют процессы и существа физического рода. То, о чём может говорить духовная наука, – это не расплывчатый пантеизм, не общий соус духовной жизни. По сравнению с духовной наукой, когда говоришь только о каком-либо пантеистическом духовном существовании, происходит так, как если бы сказал: Я веду тебя на луг, здесь нечто произрастает, это и есть природа. Затем ведёшь его в лабораторию и говоришь: Это природа, всеприрода (Pan-Natur)! Все цветы и жучки, и деревья, и кустарники, все химические и физические процессы – это всеприрода! Люди были бы мало удовлетворены такой всеприродой, ибо они знают, что с делом справишься только тогда, когда реально можешь пронаблюдать единичное. Точно так же, как внешняя наука не говорит о всеприроде, так и духовная наука не говорит о всеобщем духовном соусе; она говорит о реальных, воспринимаемых, конкретных духовных процессах и существах. Она не вправе страшиться бросить вызов времени, говоря: Как, находясь в физическом мире, мы видим вокруг нас прежде всего людей как физических существ, среди, можно бы сказать, иерархий физических существ: минералов, растений, животных и людей, – так это исчезает вокруг нас с нашего духовного горизонта, когда мы

вживаемся в духовный мир; однако появляются духовные царства, духовные иерархии: существа, прежде всего равные человеку, существа, находящиеся выше человека; и так же, как в физическом мире от человека вниз идут животные, растения и минералы, так, поднимаясь от человека в высшие царства бытия, здесь находятся существа и творения F0
2D отдельные, индивидуальные духовные существа и творения.

Как человеческая душа сама себя встраивает в духовный мир, как согласно духовному исследованию, которое сегодня было обозначено в принципе, существует её жизнь внутри этого духовного мира; как человеческая душа может жить в этом духовном мире, когда во время смерти она слагает своё физическое тело, когда она проделывает путь в чисто духовном мире, после того как прошла через врата смерти F0
2D об этом речь будет идти послезавтра утром. Темой доклада послезавтра утром будут отдельные познания духовной науки по поводу этой жизни после смерти.

То, что духовная наука уже образовала в качестве своих методов очень существенно отличается – и это сразу замечаешь – от того, с чем наши современники могут согласиться как с таковым, исходя из мыслительных привычек, которые однажды образовались в ходе столетий и завязли перед этой духовной наукой подобно тому, как мыслительные привычки прошлых столетий завязли перед системой мира Коперника. Однако, как должна мыслить духовная наука в отношении искания времени, если она хочет быть правильно понятой и если она хочет правильно вести себя в отношении этого искания времени?

Первое возражение, которое так легко может быть приведено, исходя из нашего времени, такое: Да, значит, духовная наука говорит о том, что душа вначале должна развить особые силы, потом она может смотреть в духовный мир. Кто эти силы ещё не развил, кто ещё не достиг духовного образного формирования, отделения мышления, отделения сил речи, отделения направляющих пространственных сил, направляющих сил бытия (Wesenrichtekräfte), тому, стало быть, вовсе нет дела до духовного мира! Такое возражение прямо подобно тому, как если бы говорили: Тому, кто не умеет рисовать, нет дела до картин. – Рисовать картины может только тот, кто учился рисовать. Разумеется, рисовать может только художник; но когда картина находится перед человеком, тогда происходит так, что человеческая душа имеет в себе вполне естественные силы понять картину, даже если он и не в

состоянии её нарисовать. И человеческая душа имеет в себе язык, который связывает её с живым искусством. Так происходит это и с духовной наукой. Находить факты, процессы и существ духовного мира и описывать их может только тот, кто сам стал духовным исследователем; если же духовный исследователь постарается облачить в слова обычных мыслей и идей то, что он исследовал в духовном мире – как например, сегодня была сделана попытка относительно духовно-научных методов, – тогда представленное им таким образом понятно каждой душе, даже если она и не стала духовным исследователем, если только она в состоянии устранить всё то, что приходит из современного образования, из образования, которое даётся так, как будто оно стоит на твёрдой почве естествознания, но которое в действительности отнюдь не стоит на ней, но только верит в это. Если же душа отказывается от всех предубеждений, если она действительно непредвзято, подобно рассмотрению некой картины, отдаётся тому, что может сообщить духовный исследователь, в таком случае результат духовного исследования понятен каждой душе. Человеческие души имеют склонность к истине и к ощущению истины, а не к ощущению лжи и неправильного, если только они устраняют весь мусор, накопившийся из предубеждений. Глубоко в человеческих душах есть некий тайный, интимный язык, язык, благодаря которому каждый на любой ступени образования, на любой ступени развития может понять духовного исследователя, если только он захочет.

Это и есть то, что духовный исследователь как раз обнаруживает в искании нашего времени. В истекшие столетия люди верили лишь только в то, что о духовном мире они могут нечто знать через представления веры; в последнее время эти души могли полагать, что достоверное знание можно построить только на внешних фактах; только в наше время души ещё не знают своим высшим сознанием, как можно это выразить – в том, что они могут делать в понятиях, представлениях и чувствах, это ещё не укладывается, – но для духовного исследователя ясно: Мы живём в некое время, когда в глубинах человеческих душ, в тех глубинах, о которых сами эти души знают ещё немного, подготавливается стремление к духовной науке, надежда на эту духовную науку. Всё больше и больше будут осознавать, что старые предубеждения должны исчезнуть. В особенности относительно мышления тогда так много будет осознано. Так

сегодня найдётся ещё много людей – именно тех, которые полагают, что стоят на прочной философской почве, – которые тут говорят: Не доказал ли Кант, не доказала ли физиология, что человек не может своим знанием погружаться за чувственный мир? И вот приходит сюда такая духовная наука и хочет бороться с Кантом, хочет показать, что неправильно то, что так ясно показывает современная физиология! – Только духовная наука вовсе не хочет показать, что якобы неправильно то, что говорит Кант со своей точки зрения, и что со своей точки зрения говорит современная физиология; но время, искания времени, действующие сегодня ещё тайно, будут учить, что относительно правильного и неправильного есть ещё и другая точка зрения, нежели та, к которой привыкли. Возьмём, как к этим вещам относится истинный жизненный опыт – жизненный опыт, который является плодотворным.

Некто мог бы определёнными аргументами подтвердить, что человек своими глазами неспособен видеть, например, клетки. Такой ход доказательства мог бы быть вполне правильным, насколько правильно кантово доказательство, что человек со способностями, известными Канту, не может проникать в сущность вещей. Допустим, что ещё нет никакого микроскопического исследования, и следует доказать, что человек не может видеть мельчайшие частицы $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ возможно это правильно. В любом отношении доказательство может быть безусловно верным и ничего нельзя будет возразить против строгого доказательства, что человек своими глазами в настоящее время не может видеть мельчайшие долевы организмы большого организма. Однако, в действительном дальнейшем ходе исследования дело не в этом; здесь дело в том, чтобы вопреки правильности этого доказательства показать, что могут быть найдены физические инструменты: микроскоп, телескоп и другие для достижения того, чего нельзя достичь вполне доказуемо, если способности, которые имеет человек, остаются невооружёнными. Правы те, кто в таком случае говорит: Человеческие способности ограничены; но духовная наука не возражает против этого, она лишь показывает, что как есть некое физическое усиление, точно так же есть духовное усиление и укрепление человеческих познавательных сил, и что, несмотря на правильность противоположного хода мыслей, плодотворное духовное исследование должно поставить себя прямо по другую сторону такого правильного и неправильного. Люди научатся больше не кичиться тем,

что можно доказать лишь ограниченными средствами имеющихся доказательных сил; они осознают, что жизнь ставит другие требования к развитию человечества, нежели то, что порой называют так непосредственно логически надёжным.

И необходимо сказать следующее, если надо связать реальное, не одно лишь воображаемое искание времени с тем, что действительно является задачей, целью духовной науки. Здесь ещё раз можно указать на поистине мощный прогресс естествознания. Не удивительно в отношении этого великого, мощного прогресса естествознания, что сегодня есть умы, которые тут полагают, что на твёрдой почве естествознания можно соорудить мироздание, которое, разумеется, не рассчитывает на такие силы, о которых сегодня говорили. Сегодня уже есть широко распространённое, я бы сказал, материалистически окрашенное духовное направление; но называется оно несколько благороднее, поскольку выражение «материалистически» пришло к дисгармонии, – монистическое духовное течение: это монистическое духовное течение, главой которого совершенно определённо является значительный в своей естественнонаучной области Эрнст Геккель, а его фельдмаршалом – Вильгельм Оствальд. Это духовное воззрение пытается путём развития того, что может быть добыто достижениями, исходящими только из познания природы, построить некое мировоззрение. Искание времени относительно этой попытки приведёт к следующему результату: пока естествознание останавливается на исследовании законов внешнего чувственного бытия, представляет связи душ в этом внешнем чувственном бытии, до тех пор естествознание будет стоять на твёрдой почве. И оно поистине совершило великое; оно совершило то великое, что основательно отправило на тот свет старые предрассудки. Как сам Фауст ещё стоял перед природой и ловил внешнюю, материальную магию, так сегодня тот, кто понимает естествознание, уже больше не может ловить такую материальную магию. – Но происходит несколько иначе, так, что сама духовная жизнь требует внутренней магии души на тех путях, которые были охарактеризованы. – По отношению ко всем тем суеверным духовным течениям, в отношении всего того, что стремится объяснять внешнюю природу примерно так, как мы объясняем часы, когда говорим: здесь внутри находятся маленькие духи, $\begin{bmatrix} \text{F} & \text{O} \\ \text{2} & \text{D} \end{bmatrix}$ в отношении всякого объяснения природы, которое позади явлений природы

находит тех или иных существ, естествознание совершило своё великое, отклонив это, даже как мировоззрение. И давайте-ка посмотрим, как действует так называемое естественнонаучное созерцание природы, пока умы могут заниматься устранением древних нездоровых понятий о всяких духовных существах, которых выдумывают позади природы. Пока можно оказывать противодействие такому духовному стремлению, до тех пор естественнонаучное мировоззрение будет жить борьбой с тем, с чем необходимо было бороться.

Но в определённом отношении эта борьба уже перешагнула свою высшую точку, уже сделала своё доброе дело; и сегодня искание времени идёт к тому, чтобы спросить: Какими способами мы можем построить себе образ мира, в котором есть место человеческой душе? Здесь, если человек правильно себя понимает, это естественнонаучное мировоззрение, этот геккель-оствальдовский материализм, оказывается полностью несостоятельным. Исканием времени, можно сказать, всё больше будет проясняться, что приверженцы чисто материалистического мировоззрения, как солдаты, достигли успеха в борьбе со старыми суевериями, что они, однако, подобны воинам, которые выполнили свои обязанности, но только не имеют таланта развивать искусства мира, развивать промышленность, заниматься земледелием. Естествознание не может достигать своего величия, когда оно становится мировоззрением для борьбы с суеверными представлениями. До тех пор, пока такие мыслители мировоззрения могут оставаться борцами, в борьбе они ещё имеют в душе нечто, что их поддерживают, но если в таком случае человек хочет построить истинный образ мира, в котором есть место душе, тогда он подобен воину, который не имеет таланта для мирных искусств. Тогда, скажем, в мирные времена жизни мира, он противостоит вопросу своей души, - и образ мира не выстроится.

Такое настроение всё больше и больше будет добиваться признания в душах; такие настроения духовный исследователь уже может созерцать в подосновах душ. Там, где эти души ещё ничего не знают об этом, там господствуют стремления к тому, что духовное исследование хочет принести миру. В этом тайна настоящего времени. Но если оно, это духовно-исследовательское созерцание мира, с высшей точки зрения, можно сказать, абсолютно своевременно, то оно несвоевременно в отношении многих

современников, которые пока не заглядывают глубоко в то, чего они сами собственно хотят. Поэтому эта духовная наука приносит прежде всего образ мира, который выглядит так, как если бы он не стоял на твёрдой естественнонаучной почве. Другой образ мира, образ мира так называемого монизма, хочет быть построенным исключительно на основе внешней науки. Сегодня можно увидеть оборотную сторону этого образа мира, куда это должно вести, если душа действительно хочет видеть исполненными свои надежды, свои стремления. В той активности духовного исследования, о которой было сказано, для души следует то, что действительно поднимает душу к духовному общению, духовный мир даётся в осязаемой активности, в активном восприятии. Через духовную науку человек снова может узнать об истинном духовном мире, о духовной действительности. Так называемый монистический образ мира ничего не может сказать об этом духовном искании времени.

Это искание времени, это искание человеческих душ, однако нельзя заглушить, и таким образом, часть наших современников уже привыкла мысли о духовном направлять в себе самих так, что эти мысли, так сказать, протекают как естественнонаучные мысли: внешний вид созерцается в пассивной отдаче. Что же возникло? Возникло то, что части наших современников – которые занимаются этим, которые знают это, – собственно говоря, пришло на ум желать рассматривать духовное так, как рассматривают чувственное. Я не говорю, что на этом пути не может осуществляться иное вполне истинное; но метод такого продвижения иной, чем метод духовной науки. То, что называют спиритизмом, стремится внешне, без активного внутреннего восприятия, не поднимаясь в духовные миры, пассивно внешне созерцать духовных существ и процессы, как созерцают физически-чувственные процессы. Чьё же дитя этот чисто внешний, мы можем сказать, материалистический спиритизм? Он дитя того духовного течения, которое стоит на так называемой монистической точке зрения и на суеверии материализма, который посвящает себя голой действительности внешних законов природы. Что же – так скажет иной современник – спиритизм есть дитя подлинного монизма Геккеля? Искание времени убедится в том, что с этим ребёнком как раз происходит то же, что и с другими детьми. Иной отец и иная мать имеют самые прекрасные мысли обо всём том, что должно развиваться в ребёнке, и всё-таки порой может

возникнуть настоящий озорник. Дело не в том, о чём грезит монизм, будучи истинным ребёнком культуры; дело в том, что реально возникает. Одна лишь голая вера в материальное создаёт веру в то, что и духи могут действовать и проявляться только материально. И чем больше развивался бы чисто монистический материализм, тем больше повсюду процветали бы спиритические общества и спиритические воззрения как необходимый противоположный образ. Чем больше удаётся слепым приверженцам направления Геккеля и Оствальда, удаётся в вопросах мировоззрения, оттеснить истинную духовную науку, тем скорее они увидят, что они будут культивировать спиритизм, обратную сторону истинного духовного исследования. Если духовный исследователь уверенно стоит на почве исследуемой, познаваемой, допускающей знание ($w\frac{F}{62}b\text{aren}$) духовной жизни, то он мало будет придерживаться метода, который хочет материализовать дух и хочет пассивно отдаваться тому, что является духом, между тем как переживать это можно только активно.

Но всё-таки искание нашего времени, которое пока нельзя понять внутри себя, я хочу охарактеризовать в отношении другого. Человек, который как философ заслуживает определённого уважения, написал странную статью в одном из широко читаемых журналов. В ней он, например, пишет, что для многих людей должно быть очень трудно читать Спинозу и Канта. В них вчитываешься, но понятия здесь так и кружатся, и вертятся вокруг; что ж, отнюдь не должно оспариваться, что для многих людей это так, что когда они хотят вчитаться в Канта или Спинозу, понятия здесь вертятся для них как попало. Но тот философ советует, как можно оформить это иначе сообразно исканию нашего времени. Он говорит: Ведь мы имеем сегодня некое устройство, некий технический прогресс, благодаря которому то, что стоит перед душой в чисто абстрактных мыслях Канта и Спинозы и смущает эту душу, может быть проведено перед душой чисто наглядно, так что ему можно будет отдаваться пассивно в восприятии. Философ хочет показать некий род кинематографа, как Спиноза присутствует, сначала шлифует стекло, как затем через него приходит мысль о протяжённости – это *показывается* в изменяющихся картинах. Картина протяжённости превращается в картину мышления и так далее. И таким образом можно было бы наглядно, кинематографически построить всю этику и мировоззрение Спинозы. Так в расчёт было бы принято

внешнее искание времени. Удивительно, что ответственный редактор упомянутого журнала даже сделал примечание: Так благодаря выдумке, которая иным кажется игрой и которая вполне соответствует духу времени, можно было бы удовлетворить древнюю метафизическую потребность человека.

Так с определённой стороны, пожалуй, это вполне соответствовало бы исканию нашего времени, но только внешнему, если бы могли читать перед кинематографом: «Этика» Спинозы или «Критика чистого разума» Канта. Почему же нет? Это принимало бы в расчёт пассивную отдачу, которую любят сегодня. Любят так, что не могут поверить, что духовное должно иметь реальность, и освоиться с духовным можно только таким образом, что соучаствуешь каждым шагом. Выражать в самом себе, в своём духовно-душевном, то, что является сущностью вещей, наше время пока не любит. Давайте повнимательнее рассмотрим тумбу для афиш! Попробуем угадать мысли людей, стоящих перед ней. На лекцию, во время которой не представляют ни одного диапозитива, но рассчитывают только на то, что души соучаствуют в мыслях, которые высказываются, придёт гораздо меньше людей, чем на лекцию, где духовно-душевное якобы демонстрируется в диапозитивах, где отдаваться можно лишь пассивно.

Кто всматривается в искание нашего времени, когда действительными делают свои глубочайшие, ещё неосознанные надежды и стремления, тот знает, что в глубинах душ всё-таки покоится импульс к активности; импульс – снова найти себя как душу в полной активности. Человеческие души могут быть свободными, наделёнными надёжной внутренней стойкостью только тогда, когда они могут развивать внутреннюю активность. Разбираться в жизни и ориентироваться человеческая душа может лишь благодаря тому, что она не только является тем, что ей пассивно дарит мир, но когда она знает, что принимает участие в том, что она в состоянии переживать в деятельности; и в отношении духовного мира она в состоянии понимать только то, чем она в состоянии овладеть в деятельности. В размышлении о том, что сообщает духовная наука, должно развиваться понимание сотрудничества, совместной деятельности; а благодаря этому духовная наука становится удовлетворением глубочайшего, подсознательного стремления в душах современности, и благодаря этому она приходит навстречу самому интимному исканию нашего времени. Ибо в

отношении соприкасающихся здесь вещей наше время – время переходное. О, это легко сказать, и даже можно сказать тривиально: Мы живём в переходное время, ибо каждое время является переходным. Поэтому это всегда правильно – говорить, что мы живём в переходное время. Но если подчёркиваешь, что живёшь в некое переходное время, вопрос скорее в том, в чём состоит переход какого-либо времени. Если же хочешь охарактеризовать, в чём переход нашего времени, то должен сказать: Было необходимо – ибо только благодаря этому естественная наука и всё ставшее через неё великим смогли прийти к своим достижениям, – чтобы однажды, сквозь столетия, человечество прошло через воспитание пассивностью; ибо только так, через преданность материалистическим истинам, могло быть достигнуто то, что необходимо было достичь именно на естественнонаучной почве. Но происходит так, что жизнь разыгрывается ритмически. Как маятник взмывает вверх, снова отклоняется вниз и отклоняется на другую сторону, так человеческая душа, если она некоторое время оправданно должна воспитываться в преданной пассивной отдаче, снова должна собраться с силами, чтобы снова найти себя самоё; чтобы схватить себя в себе, она должна решиться на активность. Ибо чем же она стала благодаря пассивности? Так вот, то, чем она стала благодаря пассивности, я безбоязненно выражу радикальным известным тезисом, который для многих, вероятно, прозвучит слишком парадоксально. Но, с другой стороны, именно вживание в духовную науку, что по сути дела является лишь фактом, показывает, что не поднимешься к последствиям естественнонаучного мировоззрения, если не подчёркиваешь этот радикальный вывод. Не имеешь мужества привести действительные последствия, даже не те, которые позволяют стоять исключительно на почве того, о чём свидетельствует истинное естествознание. Если бы получили эти последствия, то услышали бы через искание времени нашёптывание странных слов. В начале ветхозаветного документа стоят слова – сегодня я не буду говорить об их внутреннем смысле; каждый может понимать слова в качестве того, для чего он их воспринимает; одному нравится считать их образом, другому выражением некоего факта: тому, что я могу сказать по поводу этих слов, может соответствовать всё, – эти слова означают: «Вы будете, как Бог, и познаете – или распознаете – добро и зло!» Эти слова предстают нам в начале Ветхого Завета. Как же это понять: необходимо согласиться с тем,

что для человеческой природы и человеческой души это выражает нечто многозначительное. Это приписывается искустителю, который приближается к человеку и шепчет ему на ухо: «Если ты последуешь за мной, ты будешь, как Бог, и будешь распознавать добро и зло». Можно догадаться, что склонность не только к добру без этого искушения не проявилась бы в человеке; что без этого искушения возникла бы склонность только к добру, так что вся человеческая свобода определённым образом связана с тем, что выражается этими словами. Однако они выражают, что человек до известной степени был призван искушителем за пределами себя рассматривать себя другим существом, чем он есть: относиться к добру и злу, как Бог. Как говорится, об этих словах и об искустителе можно думать, что хочешь, я ведь действительно не прошу сейчас, чтобы его сразу приняли за реальное существо, хотя на деле для того, кто видит вещи, довольно верным оказывается высказывание: «Никогда не чувствуют людишки чёрта, даже если он хватает их за глотки» (F_{B2}⁰ Den Teufel spurt das Völkchen nie, und wenn er sie beim Kragen hätte (F_{B2}⁰)). Тот, кто в состоянии немножко подслушивать искание времени, тот сегодня в этом искании времени всё-таки вновь слышит его шёпот. Он приближается. Назови теперь это голосом души или как хочешь: он *присутствует* – это может быть сказано без всякого суеверия. И для тех, кто имеет мужество извлечь последние выводы из одного чисто естественнонаучного мировоззрения, он порождает слова большого своеобразия, удивительной мудрости. Только люди, которые здесь отговариваются тем, что стоят на почве чисто естественнонаучного основания, не обладают мужеством для последнего вывода. Они всё-таки включают в своё чувствование и мышление веру в различение добра и зла, которую они должны были бы, по сути дела, отрицать, если они хотят стоять чисто на почве естествознания. Однако происходит так, что, как только ставишь себя на почву одного лишь естествознания, не только солнце одинаково сияет над добром и злом, но что в соответствии с природной закономерностью, исходя из человеческой природы, зло совершается точно так же, как и добро. И таким образом он, искуститель, извлекая вывод, шепчет человеку: Хоть вы этого и не осознаёте, вы ведь лишь подобны высокоразвитым животным. Вы подобны животным и не можете различать между добром и злом. – Для переходного периода нашего времени характерно то, что искуститель снова говорит в наше время, но с настроением

противоположным тому, с которым он говорил, судя по Ветхому Завету: Вы ведь только развитые животные и значит, если вы понимаете сами себя, не можете различать между добром и злом.

Если бы имели мужество для этого вывода, то он был бы следствием чистого, данного в пассивности мировоззрения. Защитить время от этого настроения (это говорится только образно), внести знание о духовной жизни в искание времени – такова задача, такова цель духовной науки. Те, кто сегодня ещё борются против этой духовной науки с позиции какой-либо науки, будут убеждаться, что с этой борьбой дело обстоит так же, как с борьбой против учения Коперника. Теперь множатся голоса противников, когда благодаря сооружению в Дорнахе нашей свободной высшей школы для духовной науки на нас уже больше обращают внимание в мире, который раньше нас не замечал. И когда я в последнее время возразил на это в сочинении: «Что должна делать духовная наука и как её трактуют её противники?», сказав, что противники духовной науки стоят сегодня на той же точке зрения, на которой стояли противники Коперника, тогда некто, кто почувствовал себя по праву смущённым, сказал: Да, разница только в том, что высказанное Коперником соответствует фактам, между тем как духовная наука высказывает только утверждения. Он вовсе не замечает, что для людей его образа мыслей факты Коперника тогда тоже были ничем иным, кроме как утверждениями, пустыми утверждениями, и он не замечает, что сегодня пустыми утверждениями он называет то, что для истинного исследования является именно фактами, разумеется фактами духовной жизни. И таким образом как от науки, так и со стороны религиозной жизни можно находить возражения за возражениями именно против этой духовной науки. Как люди говорили во времена Коперника: Мы не можем поверить во вращение Земли вокруг Солнца, ибо этого нет в библии, F0
2D так сегодня люди говорят: В то, что хочет сообщить духовная наука, мы не верим, ибо этого нет в библии. – Но люди справятся с тем, что должна сказать духовная наука, как они справились с тем, что должен был сказать Коперник.

И всё снова и снова необходимо вспоминать об одном одновременно глубоко образованном муже и священнике, который работал в здешнем университете и который, когда он держал свою ректорскую речь о Галилее, сказал прекрасные слова: Когда-то здесь находились люди, которые тогда веровали, были потрясены религиозными

представлениями, и они были против Галилея; но сегодня – так сказал этот учёный во время своего вступления в должность ректора – сегодня истинно религиозный человек знает, что благодаря каждой новой истине, которая разубаждает, к древнему откровению божественного мирового управления и к величию божественного миропорядка добавляется некая часть. – Так противникам духовной науки хорошо бы обратить внимание на кое-что, что, вероятно, могло существовать, хоть оно реально и не существовало. Допустим, кто-то подошёл бы к Колумбу и сказал: Эту новую землю – которую он тогда обнаружил – мы не вправе открывать, мы хорошо живём на старой земле, сюда так прекрасно светит солнце. Разве мы знаем, сияет ли солнце так же на той земле, которая может быть вновь открыта? – Такими же духовному исследователю в отношении их религиозных представлений кажутся те, кто полагает, что разрушает свои религиозные ощущения через открытия духовной науки. Кто может полагать, что солнце его религиозного ощущения якобы не озаряет каждую вновь открытую страну, тот, должно быть, и в духовной области также имеет некое шаткое религиозное представление, некую малодушную веру, так же, как Солнце, которое освещает Старый свет, также освещает и Новый свет. И тот, кто рассматривает факты непредвзято, может быть уверен, что так оно и есть. Но время, если оно всё больше и больше пронизывается духовной наукой, будет в своём искании затрагиваться ею так, как иной сегодня ещё не может себе и вообразить. Духовная наука имеет, разумеется, ещё много противников. Но в этой духовной науке всё-таки чувствуешь себя в гармонии со всеми теми умами человечества, которые, хоть они и не обладали ещё духовной наукой, предчувствовали те связи человеческих душ с духовными мирами, которые открываются именно через духовную науку. Так, например, как раз в отношении того, что было сказано о новом высказывании искусствителя, чувствуешь себя в созвучии именно с Шиллером и его предчувствием относительно духовного мира. Несомненно, исходя из своих собственных естественнонаучных исследований, Шиллер получил впечатление, что он может извлечь человека из одной лишь животности, и что человеческая душа участвует в духовном мире. Словами Шиллера можно охватить то, как именно на почве духовной науки чувствуешь себя в более глубоком созвучии с этим ведущим духом развития нового

мировоззрения, если можешь охватить также и в чувстве то, что сегодня хотят вывести с помощью пространных фраз:

Падают теперь животности тупые преграды,
И человечность выступила на прояснённом челе!
И возвышенный пришелец, мысль,
Прыжок из удивительного мозга!

Подтверждая, что животность отступила, и человек принадлежит духовному миру, подтверждая такие положения, духовная наука стоит сегодня перед исканиями нашего времени.

И совсем в заключение можно вспомнить об одной душе, которая действовала здесь в Австрии, чувствуя глубоко внутри в своей живой душе подобно неясному стремлению то, что духовная наука возвела до достоверности. Он чувствовал это, я бы сказал, будучи одиноким со своим мышлением и видением, придерживаясь духовных перспектив, несмотря на то, что как врач он мог полностью стоять на почве естествознания. С ним, с Эрнстом Фрайхерн фон Фойхтерзибен (Ernst Freiherrn von Feuchtersieben), с ним, попечителем душ и педагогом душ, пусть это говорится как признание духовной науки, соединилось бы то, что было приведено в сегодняшнем докладе, соединённое именно со словами Фойхтерзибена, в которых звучит нечто из того, что душа может почувствовать как свою высшую силу; но почувствовать может только тогда, когда она знает о своей связи с духовным миром. Эрнст фон Фойхтерзибен говорит – и это можно выдвинуть девизом ко всей духовной науке: F 0
2 D
«Человеческие души не могут утаить от себя, что они, в конце концов, могут постичь своё истинное счастье всё-таки только через расширение своего наивнутреннейшего владения и существа».

Расширение, укрепление, сохранение этого наивнутреннейшего существа, этого духовного внутреннего существа души должно быть дано исканию времени через духовную науку.

ОТКРЫТЫЙ ДОКЛАД
Вена, 8 апреля 1914 года

*Что может сказать духовная наука о жизни, смерти
и о бессмертии человеческой души?*

Если в определённом отношении трудно излагать уже основы духовной науки, какой она здесь подразумевается, то, пожалуй, можно сказать, что сообщения по поводу тех результатов исследования, которые должны образовать тему сегодняшнего доклада, в определённом отношении являются, по сути дела, неким рискованным предприятием в отношении способов представления и мыслительных привычек современности. Так как в том, что выражал позавчерашний доклад, вероятно, уже обнаружили благодаря этим способам представления и мыслительным привычкам много парадоксов, то, исходя из такой точки зрения, будет нелегко совершенно верно и правильно понять то, что будет сказано сегодня, и увидеть в этом серьёзное исследование. Много раньше в широких кругах современности были склонны видеть в этом лишь грёзы и удивительную фантастику. Надо полностью осознавать это, когда говоришь об этих вещах; осознавать, что всё, переходящее в более позднее время во всеобщее сознание, многое даже из того, что позже затем становится чем-то само собой разумеющимся, в то время, когда оно выступает впервые, является чем-то парадоксальным, чем-то фантастическим.

Это я хотел только предпослать, чтобы охарактеризовать, насколько духовный исследователь осознаёт то, что чего только, разумеется, ни воспринимают, когда он позволяет себе сообщать свои результаты исследования, кажущиеся для настоящего времени ещё абсолютно парадоксальными.

Прежде чем я буду говорить об этих результатах исследования, я хотел бы несколькими вступительными словами охарактеризовать основное настроение души духовного исследователя. Ведь это основное настроение совершенно иное, чем настроение в отношении другого поля исследования. В то время как в своём познании относительно внешней жизни, а также относительно обычной науки сегодня с определённым правом чувствуешь, что имеешь в себе силы познания, что стоит только их, так сказать, привести в действие, как можешь судить обо всём том, что предлагает сама природа и что предлагает из природы исследователь – в то время как при таком исследовании всё

усилие используют для того, чтобы именно исследовать, чтобы именно наблюдать вещи и посредством рассудка познавать их законы, настроение духовного исследователя в отношении истины, в отношении всякого познавательного стремления является совсем иным. Тогда, вработываясь в это духовное исследование, всё больше и больше получаешь потребность всю работу души, всё внутреннее стремление использовать прежде всего на подготовку; и всё больше и больше возникает чувство: если хочешь приблизиться к какой-либо истине из той или иной области, то в действительности всё ещё надо бы ждать, всё ещё продолжать готовиться, потому что осознаёшь: чем больше усилий и труда вкладываешь на том пути души, который должен быть пройден, до того как исследуешь, тем больше созреваешь для восприятия истины. Ибо восприятие истины – это то, о чём идёт речь в подлинной, действительной духовной науке. И это чувство, это настроение настолько сильно охватывает душу, что ощущаешь благоговение, чтобы позволить вещам приблизиться к себе, и всё вновь и вновь в отношении важных, существенных познаний духовного исследования охотнее ждёшь, чтобы вещам позволить пораньше войти в сознание. Это вызывает совершенно особое настроение в самом духовном исследователе, настроение, постепенно пронизывающее всю работу, о которой позавчера говорилось как о внутренней душевной работе в упражнениях, настроение, вызывающее у духовного исследователя определённую позицию в отношении истины, именно позицию благоговения в отношении истины.

После того как я предпослал это, я хотел бы теперь, можно сказать, войти непосредственно в то, что должно быть сказано о важной, многозначительной, такой естественной для каждой души теме сегодняшнего вечера. Не худшие умы нашей современности, пожалуй, всё ещё придерживаются мнения, что истины веры и истины знания существуют отдельно, и они в таком случае верят, что всё то, что человек может представлять себе как проходящее через рождение и смерть, что всё это якобы только предмет веры, наукой строго не доказуемый. Именно это строгое разделение между верой и знанием упраздняется благодаря духовной науке. И когда в сознании развиваешь истины, находящиеся по ту сторону смерти, как это должно происходить здесь, ведь чувствуешь себя в созвучии с тем, что с давних пор хотело войти в современное духовное стремление; чувствуешь себя в созвучии с ним, когда всё снова и снова удерживаешь

перед глазами то удивительное, что в одну из главных истин духовной науки всё-таки вникал великий Лессинг и изложил это в том сочинении, которое он, подобно своему духовному завещанию, написал незадолго до своей смерти как зрелый плод своих помыслов и размышлений (seines Denkens und Sinnens) в своём «Воспитании человеческого рода». Лессинг не испугался сказать, что воззрение о повторных земных жизнях не может быть ошибочным потому, что оно появилось как то первое, к чему пришёл человеческий род, прежде чем предрассудки школ и философов натянули нечто подобное туманной вуали над тем, о чём человечество знало в начале своего культурного развития как о потустороннем мире после смерти. – Так, кроме того, именно когда стоишь на почве этой духовной науки, чувствуешь себя в созвучии – можно было бы сослаться ещё на многие умы – с лучшими личностями, которые вкладывали свои стремления в культурное развитие человечества.

Позавчера уже было сказано, что вещи духовной жизни, её процессы можно исследовать только тогда, когда человек посредством описанного позавчера действительно приходит в своей душе к такому укреплению, такому усилению дремлющих в ней сил, что эта душа получает возможность – для сравнения было сказано: Как благодаря химику водород выделяется из воды, – что таким образом душа духовного исследователя получает возможность благодаря душевным упражнениям выделиться из физически-телесного и пережить себя отделённой от физически-телесного, так что в таком случае она может связать некий смысл со словами: Я переживаю себя как духовно-душевное существо вне своего тела, и моё тело со всем, принадлежащим к нему в чувственном мире, находится передо мной, как перед нами находится внешний объект, когда мы рассматриваем его глазами, касаемся руками. – И когда я в последний раз прочитал здесь несколько открытых докладов, я уже обратил внимание на значительный момент, который наступает в жизни духовного исследователя, когда этот духовный исследователь благодаря упомянутым позавчера упражнениям становится зрелым. – Кто хочет узнать более подробно об этих упражнениях, тот найдёт их в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» и в моём «Очерке тайноведения». Здесь тоже можно принципиально указать лишь на то, что переживает духовный исследователь. Если он довёл свою душу до того, что она может выходить из своего тела, тогда в какой-то день наступает это переживание,

можно было бы также сказать в какую-то ночь; ибо возможно и то и другое: среди обычных процессов дня, посреди ночи, и ни одно, ни другое этому не помешает, если правильно подготовлен. Это может возникать сотнями различных способов, я хотел бы описать только типичную особенность. Это может возникать так или иначе, но всегда будет возникать в некоем типичном роде, который я сейчас приведу: тут случается, что человек словно пробуждается ото сна; он знает $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ происходит нечто, не являющееся сновидением. Он отдалён от всякого внешнего воспринимания, всех забот, всех страстей, всего того, что связывает его с днём. Или среди дня наступает событие, когда надо остановиться со своим представлением, когда в представление, в сознание вступает нечто совсем другое. То, что вступает в таком случае, может быть таким – это всегда будет подобно тому, что я описываю; я хотел бы по возможности конкретно описать, как действительно может происходить для духовного исследователя это потрясающее событие, – здесь всегда можешь иметь чувство: ты теперь словно находишься в доме, в который ударила молния. Твоё окружение распадается подобно дому, в который ударила молния. Молния проходит через тебя самого. Чувствуешь, как всё, с чем связан материально, отделяется от тебя посредством элементов, так чувствуешь себя выделившимся из себя, прямо держащимся духовным существом. Это, возможно, самое глубокое, потрясающее впечатление. С этого момента, или с какого-либо подобного, знаешь, что это означает – переживать в душе самого себя вне своего тела. И духовные исследователи всех времён пользовались для этого переживания одним выражением, которое тому, кто знает это переживание, кажется вполне правильным. Ибо во все времена соответственно тому, как это обуславливали различные культуры, давался некий род духовного исследования. Нынешнее исследование отличается от тех прежних времён; оно приспособлено к прогрессу современного естествознания. Но то, что достигается благодаря ему, достигалось также методами, которые были возможны в различных культурах. Так именно указанное переживание духовные исследователи самых разных времён подтверждали словами: Следует приходить к вратам смерти как человек. – И фактически наступает то, что в настоящий момент можешь представлять себе как переживаемое благодаря смерти. Это не наступает непосредственно как некая реальность; ибо духовный исследователь ведь снова возвращается в своё тело

и всё происходит, как прежде $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ он снова воспринимает внешний мир. Однако всё то, что он переживает, является образом того, что действительно происходит, когда человек проходит через врата смерти, когда прекращается внешняя физическая жизнь и начинается жизнь после смерти.

Если же хочешь понять, как духовный исследователь приходит к вещам, о которых здесь идёт речь, то должен представить себе, что он путём добросовестной подготовки своей души, о которой было сказано, доходит до воспринимания совсем иного, нежели воспринимаешь внешними чувствами; что он действительно может заглядывать в те сферы бытия, о которых будет сказано.

То первое, к чему приходит духовный исследователь, когда он преодолел такой момент, благодаря которому он стоит у врат смерти, то первое в определённом смысле можно было бы назвать так: попадаешь по другую сторону человеческой памяти. Человеческая память, человеческая сила воспоминания ведь есть нечто такое, что до некоторой степени живёт в нашей душе как начало, можно сказать, духовного. Это осознаёт даже уже внешний философский исследователь, который ничего не знает о духовной науке. Французский исследователь Бергсон, добившийся таких блестящих результатов, уже в памяти человека видит нечто чисто духовное, не имеющее ничего общего с биологическими и физиологическими процессами. И если только минуешь предрассудки естествознания, преследующие ещё почти каждого, тогда осознаешь, что в сокровище нашей памяти для человеческой души всё-таки предстаёт нечто, что словно является началом для перехода того, что привязано к органам чувств и головному мозгу, к чисто духовно-душевному. В то время как мы словно отодвигаем наши представления в память, мы их берегаем не через какие-либо телесные процессы, но исключительно в душе. Это я могу лишь обозначить. Естественнаучное объяснение того, что сейчас было сказано, отняло бы очень много времени и специальных докладов. Так же, как воспринимаешь в обычной жизни образы воспоминаний, поднимающиеся из сокровища нашей души, которые так, как они появляются, не имеют ничего, что позволяло бы воспринимать их примерно как иллюзию или галлюцинацию, так и перед душой духовного исследователя появляются духовные процессы и духовные факты, однако теперь не из сокровища души, но из духовных миров; и тогда замечаешь, что позади того, что мы называем сокровищем памяти,

человеческая душа может переживать ещё нечто иное. Тогда духовный исследователь словно видит следующее: вот ты вышел из своего тела со своей душой; теперь ты тем более можешь рассмотреть, почему стало внешним объектом то, что ты приобрёл через чувственный мир – сокровище памяти. Но это сокровище памяти является вуалью, закрывающей нечто, что всегда живёт в душе, только бессознательно, что всегда в ней существует, но что закрывается благодаря воспоминанию или памяти, маскируется. Да, в этих глубинах человеческой души внизу существует нечто, всегда в ней живущее; однако, человек, расстилая свои воспоминания в своей душе, закрывает это подсознательное духовно-душевное. Духовный исследователь, поднимаясь сюда в духовно-душевное, разумеется, имеет прицепленными свои воспоминания, хотелось бы сказать, как хвост кометы своего духовно-душевного существа, но через эти воспоминания он может смотреть на нечто, что можно было бы назвать: силы более высокого рода, чем силы, которые сохраняют нам воспоминания. Если бы это выражение не так отвергалось, – но для этой области, которая не касается чувственного мира, трудно находить надлежащие выражения – то можно было бы сказать: от памяти восходишь к сверхпамяти. Постепенно входишь в то, что позавчера было названо имагинативным представлением. Между тем как для памяти всегда имеешь чувство: образы памяти восходят, они располагаются перед душой, между тем как ты пассивно отдаёшься им – теперь же погружаешься в то, что существует за памятью, и знаешь, что необходимо также активно порождать то, что в таком случае стремится вверх как имагинация, как содержание этой сверхпамяти. Но через подготовленную для этих вещей душу также знаешь, что обнаруживающееся здесь как лежащее за памятью, всегда существовало, что оно было только прикрито памятью, и знаешь, обнаруживая это в своём существе, что само то, что продвигается здесь вниз к основам, лежащим под сокровищем памяти, есть нечто такое, что сейчас работает в нашем физическом организме, что действительно в нём. Кроме того, делаешь совсем другое открытие. Делаешь следующее открытие – и это открытие чрезвычайно важно для связи духовного исследования с исследованием природы. Исследование природы сегодня выступает нам навстречу, говоря: всё, что человек ощущает, мыслит и хочет, связано с процессами его нервной системы. В этом оно право; но оно не может своими средствами разгадать способ, каким связана с нервной системой

душевная жизнь, как, например, мышление привязано к мозгу. Необходимо идти к гораздо более глубоким основам душевной жизни. Когда подходишь с духовным исследованием, тогда замечаешь: конечно, для обычных представлений повседневности, даже для научной работы абсолютно правильно, что все мысли, образуемые нами, даже, например, все ощущения, привязаны к мозгу; но как они привязаны к мозгу? Более глубокое душевное, о котором обычное сознание совсем ничего не знает и которое обнаруживается только через духовное исследование, оказывает воздействие только, скажем, на определённую часть мозга, оно посылает свои рабочие силы только вглубь в органы чувств и головной мозг; и благодаря тому, что это «подсознательное» («hinterbewußte») душевное оказывает воздействие на нервную систему, она преобразуется в зеркало, чтобы отражать то, что выступает в обычной жизни. Выступающее в обычной жизни есть отражённый образ душевно-духовного. Когда вы развиваете свои повседневные мышление, чувство и желание, с вами обстоит точно так же, как если бы здесь висело зеркало, и вы приблизились бы к нему, то увидели бы в таком случае не себя, а только свой отражённый образ. Это более глубокое душевное работает именно в нервной системе и в головном мозге, и вырабатываемое здесь делает так, что можно что-то воспринимать. Таким является душевно-духовное, воздействующее на глаз и вызывающее в глазу определённые процессы. Когда эти процессы вызваны, тогда глаз отражает в духовно-душевное то, что мы называем цветом. Таким является это более глубокое духовно-душевное, которое работает в теле. И духовное исследование ведёт человечество к тому, чтобы осознать, что это мы сами живём в глубине наших представлений и своим более глубоким существом сначала даже подготавливаем тело, чтобы оно стало аппаратом отражения для того, что потом переживает душа. Так это происходит в обычной, внешней, пространственной жизни. Но в то мгновение, когда наши представления превращаются в образы воспоминания, должно происходить ещё кое-что иное; мы должны использовать внимание, чтобы представления, если они не прошмыгнут в нас подобно грёзам, стали воспоминанием. Всё, что должно стать воспоминанием, что должно остаться у нас в душе, на этом мы должны концентрироваться дольше, чем необходимо, скажем, для одного только образа представления. Впечатление цвета не осталось бы у нас в воспоминании,

если бы мы его рассматривали лишь настолько долго, насколько это необходимо, чтобы вызвать цвет. Рассматривая его дольше, мы обращаемся к той силе, которая всё это сохраняет в нашей душе как воспоминание. Мы словно отодвигаем свою душевную деятельность в некое более глубокое существо и оно оказывается не физическим телом, но чем-то, являющимся более тонким, более эфирным, чем физическое тело; и его в духовном исследовании можно назвать именно тем, разумеется, предосудительным, сегодня вовсе непопулярным выражением «эфирное»

F0
2D

 однако это слово не имеет того смысла, который с ним обычно связывают – оно представляется эфирным телом, которое уже духовного рода.

Однако наша душа действует не только так, чтобы создавать эти образы воспоминания, но в жизни между рождением и смертью она гораздо больше действует внутрь себя благодаря сообщению с внешним миром. И тут духовный исследователь открывает нечто удивительное, он открывает, что наши воспоминания остаются представлениями лишь потому, что их удерживает эфирное тело и не впускает в физическое тело. Если бы они, эти представления, проникли бы в физическое тело и стали бы в нём деятельностью, то они перешли бы в образующие силы, в жизненные силы физического тела и стали бы его насквозь организовывать. Благодаря тому, что мы свои представления заставляем быть представлениями, им не нужно переходить в органические силы, они сохраняют характер воспоминания, мы содержим их в их силе представления. Они могут оставаться воспоминаниями.

Но душа в жизни развивает гораздо более крепкие силы, чем те, которые развивают воспоминания, и эти более крепкие силы равным образом сохраняются теперь прежде всего в душе. Но находятся они, как и сверхпамять, за обычным сокровищем памяти – они существуют в нас. Это то, что переживает теперь духовный исследователь, когда он сквозь память смотрит на это подобное сверхпамяти сокровище, и он знает: здесь в твоей душе живёт нечто, что не может действовать в твоём физическом теле, что находится под поверхностью памяти, но тоже не доходит до деятельности в твоём физическом теле, теперь, когда оно находится между рождением и смертью. Тут находится нечто, что не остаётся представлением, но, однако, и не становится органической действующей силой. Духовный исследователь переживает это, находясь вне своего тела. Но

одновременно он переживает и другое, о чём он, если уяснит себе факты, может сказать: Да, так в своей душе я переживаю нечто, что в ней присутствует и до известной степени не находит применения, потому что оно не может войти в тело, которое образовано со времени рождения или, скажем, зачатия, потому что оно не находит в нём пристанища. И между тем, погружаясь теперь в то, что я здесь охарактеризовал, духовный исследователь переживает это так, что он может это познавать, как познаёт зародыш, существующий в растении. Растение развивается от корня до плода, в котором есть зародыш. Но зародыш уже имеет склонность к целому растению. То, что является зародышем, для этого растения не имеет смысла, он не может посылать свои силы в это растение; однако он существует внутри, он является зачатком для следующего растения, скажем, следующего года. Погружаясь вниз, духовный исследователь погружается в нечто, что является в нём душевным зерном, душевным зародышем, о котором он знает, что зародыш образуется в этой жизни между рождением и смертью, но свои силы он развивает не в этой жизни; он погружается здесь в более глубокие слои души и лежит приготовленный для следующей жизни, как в растительном плоде лежит наготове зародыш для следующего растения, которое не смогло бы развиваться без предшествующего.

Так, умея таким образом погружаться в душевное, приходишь к пониманию согласованности следующих друг за другом человеческих земных жизней со всей внешней природой. Важно только, чтобы духовный исследователь никогда не упускал из виду: то, что ты здесь должен переживать, может быть только таким переживанием, во время которого ты всё снова и снова осознаёшь свою собственную деятельность; ибо если этого не осуществляешь, не обзираешь, как это возникло, тогда оно становится иллюзией, галлюцинацией или пустой фантазией. Это полное заблуждение, когда возражают: Да как же духовный исследователь может знать, что открываемое им не является ни галлюцинацией, ни иллюзией, ни фантазией? Это ведь могло бы быть даже внушённой галлюцинацией. F0
2D Если духовный исследователь к тому, что он переживает таким образом, как это было охарактеризовано, относится так, как относится больная душа к какой-либо галлюцинации, тогда это возражение было бы вполне справедливо. Ибо её противопоставляют себе в душе, как внешнее восприятие, F0
2D её не обзираешь. Однако благодаря правильной подготовке

– как вы можете прочитать о ней в моём сочинении «Как достигнуть познания высших миров?» $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ духовный исследователь учится точно узнавать, что он в состоянии отличать являющееся лишь реминисценцией внешнего мира и являющееся фантазией и галлюцинацией, к которым он относится пассивно; что он должен отличать их от того, что располагается таким образом, что он это точно так же распознаёт, как когда знаешь о какой-либо букве и слове: находящееся здесь на бумаге имеет значение не само по себе, а означает нечто иное. Ибо духовный исследователь не пользуется увиденным так, как пользуются галлюцинациями, но так, что он может это сравнить с неким духовным чтением в каком-либо письме имагинаций, которые располагаются перед ним. Только когда учишься обусловленное здесь благодаря собственной активности свободно применять в своей душе таким образом, что живёшь в этом, как живёшь в этих росчерках, сквозь которые смотришь на то, что они означают; можешь достичь реального видения процессов и существ духовного мира только тогда, когда поднимаешься таким внутренне усиленным образом к тому, что выступает здесь в душевном созерцании. Но затем, поскольку постепенно вживаешься в стихию своей души, которая не одно и то же с телом, входишь в существо, о котором можно сказать, что ему подходит свойство бессмертия.

Духовная наука не спекулятивная философия, где размышляют о том, какие могут проистекать основания для бессмертия души: духовная наука показывает, как приходишь к самой душе и из этой истинной души показываешь её – чем она действительно является. Духовная наука словно обнаруживает душу; и затем выявляется, что то, что раскрывается как душа, не является результатом внешней телесности, что скорее эта телесность есть результат того, что здесь открываешь. Ибо когда, с одной стороны, открываешь в себе душевное зерно, по которому чувствуешь, из которого узнаёшь, что оно является зародышем следующей земной жизни, то в этом лежащем за сокровищем памяти содержания сознания переживаешь также то, что вступило в человека как человеческое телесно-физическое, прежде чем он как физическое существо начал своё бытие с рождением или, скажем, с зачатием. Как сама душа является такой, что она, когда мы воспринимаем, пространственно готовит свой мозг, чтобы он отражал её содержание; так же переживаешь, что духовно-душевное слишком продвинуто (zu man vorgedrungen ist) и существовало в духовном мире до

рождения, до зачатия и в нём приобрело себе силы, чтобы связать себя с тем, что в физической субстанциональности даётся отцом и матерью, чтобы пронизать себя этой субстанциональностью, организовать её себе. Переживаешь, что человек, таким, как он вступает в мир, не только является последствием отца и матери, но что с материальным, с тем, что даётся отцом и матерью, соединяется духовное; это то духовное, которое спускается из духовных миров, где оно жило между последней смертью и этим зачатием. И духовный исследователь, узнавая таким образом в душе то, что находится по ту сторону памяти, может благодаря этому также учиться познавать, как душа ведёт себя, когда телесное, так сказать, уже не удерживает деятельность этого духовно-душевного, когда за человеком пришла смерть. Когда за человеком пришла смерть, тогда сначала душа живёт тем – это факт, который предоставляется духовным исследованием, – что во время жизни не стало физически-телесным; она живёт своим сокровищем памяти. В первое время после смерти перед душой простирается широкая картина воспоминания всего того, что человек пережил между рождением и смертью. Всплывают даже все те события, которые были забыты в жизни. Это переживание всего своего воспоминания продолжается лишь несколько дней. Духовный исследователь может просмотреть то, что как первое переживание наступает после смерти, потому что он ведь знаком с природой памяти. Когда душа выходит из тела, тогда для духовного исследователя в содержании сознания действительно нечто возникает так, как оно возникает для умершего, когда он прошёл через врата смерти. Перед духовным исследователем, как только он находится вне тела, тоже возникает то, что является его общим мыслительным содержанием, но теперь таким, как мир; как обычно имеешь вокруг себя горы и облака, и звёзды, и солнце, и луну, и реки, и города, так и вне своего тела имеешь сначала перед собой панораму того, что пережил; эту панораму можешь только обозревать, можешь убедиться в силе её действия. Привыкнув – воспользуемся тривиальным выражением – действительно обозревать вне тела эти вещи, постепенно достигаешь также того, что можешь действительно осознанно бросать взгляд на то, что душа переживает после смерти, что она пережила после последней смерти, и что ей предстоит после смерти, которая тогда наступит. Сначала присутствует эта картина воспоминания, которая

расширяется, мысли, которые сконцентрировались. Но позади этого выступает другая душевная сила. Теперь, когда смерть миновала, эта душевная сила уже не удерживается телом, теперь она действует так, что эта картина воспоминания через несколько дней исчезает из окружения человека.

Как уже сказано вначале, конечно приближаешься к рискованным вещам, если хочешь говорить о теме сегодняшнего доклада, но всё-таки нельзя не касаться этих вещей, если не хочешь рассыпаться в общих пустых фразах. Я пытался изобразить то, что выявил духовный исследователь по поводу продолжительности этого первого переживания после смерти. Здесь оказалось, что этот ретроспективный взгляд на мыслительные образы переживаний последней жизни для разных людей продолжаются по-разному: для одного человека дольше, для другого короче; но в общем приблизительно столько времени, сколько во время жизни может длиться сила, благодаря которой человек может оставаться бодрствующим, когда он лишён возможности заснуть. Один человек может едва оставаться бодрствующим одну ночь, не будучи побеждённым сном, другой – много ночей. Эта внутренняя сила побеждать сон есть критерий для количества дней, в течение которых продолжается эта ретроспективная память после смерти. Затем она исчезает и выступает нечто иное.

В то, что выступает теперь, можно углубляться, только если это уже знаешь благодаря внетелесным (au^{F 0}_{6 2}erleiblichen) переживаниям; но очень трудно находить слова для этих переживаний души, которые совсем иного рода, чем те, которые переживаешь в быту. Ведь наш язык создан для чувственного мира. Находящееся вне чувственного мира душа переживает совсем иначе, чем здесь в чувственном мире. Поэтому я прошу вас простить меня, если вам иное выражение покажется неуклюжим и парадоксальным; но вы можете быть уверены: если кто-то собирается описать вполне обычными словами языка то, для чего можно найти только тяжеловесные слова, то он не сможет непосредственно из переживаний души описать то, что переживается после обзора. – То, что отныне переживает душа, что переживает духовный исследователь вне тела, является тем, что я хотел бы сейчас обозначить следующим выражением, – а именно, это и не чувство и не желание, а нечто находящееся между чувством и желанием – я назвал бы это «желающее чувство»,

«чувствующее желание». Эту душевную силу, которую развиваешь внутри, отнюдь не имеешь в обычной жизни. Её знаешь, будучи духовным исследователем. В мире это происходит так, как если бы мы туда двигали волю; и как если бы эта воля, я бы сказал, в то время как она движется туда, несёт на своих крыльях или на своих волнах то, что теперь нам выходит навстречу как чувство так, что оно тоже существует вне нас, когда, продвигаясь, разыгрывается на волнах воли. В то время как обычно мы привыкли ощущать это чувство как нечто, связанное с нами внутренне, теперь это возникает как бы волнуясь и двигаясь на волнах воли; и, когда при этом переживании мы расширяемся в мир, мы всё-таки знаем, что мы находимся в том, что существует здесь снаружи как желающее чувствование и чувствующее желание, что существует снаружи подобно цветовым и звуковым восприятиям чувственного мира, и это пронизано нашим существом. Чувствование существует снаружи, мы его воспринимаем как свет; но мы наряду с этим знаем, что связаны с ним.

Но в первое время после обзора человек переживает это так, что его *единственным* миром, который он сначала воспринимает, по сути дела, является тот, из которого он, так сказать, вышел со смертью. После того как погасла панорама воспоминаний, в душе развёртывается, усиливается это чувствующее желание, желающее чувствование; но оно проявляет только вещи, которые ещё связаны с последней земной жизнью; так что эти вещи, переживаемые нами здесь, мы можем охарактеризовать примерно следующим образом: земная жизнь никогда не даёт человеку в его опыте всё то, что она могла бы ему дать. Масса вещей остаётся такой, что мы можем сказать: Мы насладились не всем, чем могли бы насладиться, что могло бы произвести впечатления между рождением и смертью. Между строк жизни всегда определённым образом остаётся нечто от стремлений, желаний, от любви к другим людям и так далее. Неисполненное (воспользуемся тривиальным выражением) в последней жизни – это то, к чему мы остались стремящимися духовно, притом теперь стремящимися духовно на многие годы. В эти годы происходит так, что свой мир мы имеем, так сказать, преимущественно в том, чем мы были. Мы заглядываем в своё последнее земное бытие, видим в нём то, что осталось неисполненным. И только благодаря тому, что долгие годы мы живём в сфере, в которой ничего из этого не может быть удовлетворено, как это удовлетворяется на

Земле, так как мы ведь сбросили телесные органы для этого, мы высвобождаемся в душе из такой связи с последней земной жизнью.

Также и здесь духовная наука может в свою очередь обозреть продолжительность этих переживаний, и тут можно сказать следующее: время, которое проживает человек в самом раннем детстве до момента, с которого он себя помнит (*sich zurückerinnert*), не имеет никакого влияния на продолжительность охарактеризованных сейчас переживаний. Точно так же время, которое мы проживаем дальше после двадцать пятого, двадцать шестого, двадцать седьмого годов, уже не имеет влияния. Годы примерно от четвёртого до двадцатых и указывают на продолжительность, в течение которой - примыкая таким образом к своей последней земной жизни - можешь собирать опыты в духовном мире, выпутываться из земной жизни. Для духовного наблюдения выявляется: пока нуждался в том, чтобы после предыдущей духовной жизни, после того как прошёл через зачатие и рождение, построить своё тело словно устремляющимися вверх силами, вплоть до середины двадцатых годов, то есть пока нуждался в том, чтобы пронизать жизнь телесными, органически-плодотворными силами, пропитать силами, которые в жизни жаждут, наслаждаются, примерно столько и продолжается время, через которое снова должен найти выход из последней земной жизни. Так что, если, скажем, возраст двенадцать лет, то, пожалуй, необходимо только пять лет, чтобы выйти из последней земной жизни, или семь лет; но если, скажем, возраст пятьдесят лет, то годы после середины двадцатых годов ничего особенного уже не несут для удлинения названного теперь периода.

Об этом периоде необходимо сказать, что в нём уже определённым образом вступает то, что можно обозначить: человек воспринимает духовные процессы и духовных существ в своём окружении. Ведь позавчера я уже дал понять, что, когда духовный исследователь переживает себя в своём духовно-душевном, он существует в истинном духовном мире. В этот духовный мир и входит умерший; но сначала он настолько занят своими связями со своим предшествующим миром, таким образом, как мы сказали об этом прежде, что получить некую связь с тем, что существует в его духовном окружении, он может только на кругном пути через свою прежнюю жизнь. Например, можно сказать: Допустим, что кто-либо прошёл через врата смерти. Миновал

обратный просмотр. Он живёт в период вырывания себя из связей с предшествующей земной жизнью. Некто, кого он любил, находится ещё в физическом теле. Тот, кто существует ещё в этой стадии переживания, о которой мы сейчас говорим, не может непосредственно смотреть на душу, находящуюся пока на Земле; но образуется словно род переключения: в последнюю земную жизнь мы любили человека, который остался; мы смотрим на чувство любви, когда находимся на этой стадии, о которой мы сейчас говорим. Нашим внешним миром являются *эмоции*. Глядя на них, мы находим путь к душе, которая ещё находится на Земле. Точно так же через эмоцию мы должны находить путь к некой душе, которая уже прошла врата смерти. Так можно сказать: человек, будучи душой после смерти, живёт с человеческими душами, но сначала на кружном пути через свою собственную жизнь.

Но в человеке всё больше и больше развивается сила, душевная сила, которую в свою очередь знает только духовный исследователь, когда он духовно-душевно переживает себя вне тела. Для неё уже совсем не существует никакого обозначения. Для другой силы ещё можно по крайней мере сказать: «желающее чувствование» или «чувствующее желание», потому что она имеет нечто подобное желанию и чувствованию. Пусть даже желание и чувствование объективированы, они всё-таки имеют нечто подобное, $\left[\begin{smallmatrix} F \\ D \end{smallmatrix} \right]$ вещи, которые здесь снаружи волнуются вокруг в желаниях и соприкосновениях (in Wollungen und Fühlungen), представляют собой нечто подобное импульсам эмоций и воли, которые обычно мы имеем в жизни. Но то, что отныне переживает душа, что в ней пробуждается как некая сила, чем больше она описанным образом удаляется от последней земной жизни, – это я могу обозначить только одним выражением, которое может неловко звучать относительно обыкновенного языка, но которое всё-таки характерно, я могу это только назвать: творческая душевная сила, душевная сила творца. Это нечто такое, что душа теперь переживает непосредственно. Душа полностью переживает, что переходишь к активности; но одновременно она переживает, что действительно развивается эта сила творца, действительно излучается из души в окружение и – снова это неуклюже, но это выражение должно быть использовано, чтобы можно было это понять – эта сила является чем-то таким, что излучается в окружение как духовный свет, что освещает вокруг духовные процессы и

существ, так что мы их видим; как при восходе Солнца мы видим внешние объекты, так и благодаря собственной внутренней силе света, которая изливается, мы видим духовные процессы и существ. Теперь наступает время, когда душа по мере того, как в ней пробуждается эта творческая сила, чтобы освещать этот мир, существует в духовном окружении. И здесь религии не употребляли ни одного незначительного выражения, когда они высказывались, характеризуя жизнь после смерти: это чувство себя в творческой силе, это вживание в духовное окружение, которое становится видимым благодаря тому, что посылаешь вглубь свою собственную творческую силу, это переживание себя в изливании света есть ощущение (Gefühl) блаженства. Даже страдания переживаются в этом мире так, как наслаждения. Здесь душа переживает теперь свою дальнейшую жизнь.

Теперь дело в том, что душа может осуществлять это описанное сейчас переживание только в переменных состояниях. – При этом я, разумеется, вступаю в область, которая для обычной жизни всецело плавает в фантастическом; но после подготовительных сообщений, данных теперь, я могу изложить также эти вещи; ибо должно быть ясно, что духовный исследователь никогда не будет утверждать ничего иного, кроме того, что ему такие вещи могут открываться только тогда, когда он переживает вне тела. – Итак, душа переживает переменные состояния. Она не всегда находится в том состоянии, что душевно излучает свою духовную силу света на окружение, так что тут вокруг неё существуют человеческие души и другие существа и ею переживаются духовные процессы. Не всегда происходит так, что душа живёт таким образом во внешнем духовном мире, но это состояние должно чередоваться с тем состоянием, когда это изливание духовной силы света душа чувствует в себе словно приглушённым. Душа становится внутренне притуплённой, она уже не может струить свой свет в окружение, она должна собрать всё своё бытие в себе самой. И теперь наступает тот момент, когда в промежутке между смертью и новым рождением душа живёт полностью уединённой жизнью. Это продолжается долго. Если хочешь сравнить это с обычной жизнью, то можно сказать: Как в обычной жизни человек должен чередовать между сном и бодрствованием, так и после смерти он должен чередовать между жизнью, которая изливается во внешний мир, и жизнью внутреннего уединения, когда внесено всё, что ранее

пережил в состоянии расширения, и когда душа знает: теперь ты полностью наедине с собой. Если во сне становишься бессознательным, то здесь, уединяясь в себе, бессознательным, однако, не становишься. Душа переживает усиленное сознание именно в этом периоде уединения, но переживает его так, что знает: здесь снаружи существует духовный мир, но ты находишься наедине с собой, всё переживаемое тобой ты переживаешь в себе. – То, что переживаешь в себе – это отголоски того, что пережил вне себя. Только благодаря этому внутренняя сила света может снова укрепиться и снова выступить из души. И тогда опять духовно пробуждаешься и опять переживаешь другое состояние.

Это относится к самым удивительным переживаниям F0
2D однажды действительно научиться соединять некий смысл с высказыванием о том, что для периода между смертью и новым рождением душа живёт и в духовном общении, и в уединении, что эта смена состояний переживания общения и уединения в духовном мире, эти посмертные переживания подобны сну и бодрствованию для физического переживания, конечно через гораздо большие промежутки, чем день и ночь. Об этих отношениях я дал понять в моей предпоследней книге «Порог духовного мира». Но душа, продолжая жить дальше между смертью и новым рождением, таким образом постепенно переживает приглушение и тление своей силы света. Можно сказать: переживания внутреннего уединения становятся всё сильнее и сильнее. Постепенно они становятся такими, что человек внутри переживает весь мир, можно бы сказать – весь космос. Мир поистине становится таким, что можно сказать: человеком овладевает нечто подобное чувству страха перед самим собой, когда он обнаруживает, что существует здесь всё ниже в подосновах души и что выходит теперь примерно в середине жизни между смертью и новым рождением.

И затем наступает период, который я попытался изобразить в моей четвёртой мистериальной драме «Пробуждение души»; я попытался изобразить его, это время, когда человек в состоянии иметь уже только внутренние переживания, когда ночи уединения становятся всё длиннее и длиннее, когда человек уже не может духовно пробуждаться в сознании, в котором он излучает вокруг свою силу света. Я попытался выразить переживаемое в таком случае человеком символическим выражением – выражением: полночь духовного бытия между смертью и

новым рождением. Это то время, когда человек всё, что существует в глубинах его души, переживает как свой мир, когда он лишь знает: на другом берегу твоей души существуют духовные миры, в которых есть все духовные существа, в которых находятся все человеческие души F0
20 развоплощённые и даже воплощённые, и в которых находятся все остальные существа; но это знаешь лишь потому, что имеешь в себе отзвуки этого. И теперь в душе возникает нечто, что снова невозможно обозначить обычным словом. Не правда ли, обычный язык имеет слово «страстное желание» («Sehnsucht») для самого пассивного в душе. Когда мы полны страстного ожидания в физическом переживании, то мы наиболее пассивны. Мы с нетерпением ждём чего-то, мы жаждем чего-то, чего мы не имеем, - и страстное желание, конечно, не производит того, чего мы с нетерпением ждём. Мы можем лишь пассивно вести себя. Однако, когда душа находится вне тела, душевные силы приобретают совсем другой характер. Из глубины уединения, из того, что душа по-разному переживает в мировую полночь духа, возникает страстное желание снова сродниться с миром, из которого вырвался в своём уединении. И теперь страстное желание становится активным, и из него возникает нечто, являющееся духовно реальным, - организующая сила. Она действительно становится новой силой восприятия. Это духовное страстное желание порождает новую душевную силу, опять-таки такую силу, которая теперь может воспринимать внешний мир, но некий мир, который одновременно является внешним и внутренним миром: внешним, потому что он действительно существует вне нашего существа, внутренним, потому что мы смотрим на него как на тот мир, который мы пережили в предшествующей жизни, мир нашего прежнего земного воплощения. Теперь, исходя из нашего страстного желания, это становится нашим внешним миром. Мы смотрим на всё то, что осталось неисполненным в прежней жизни, и страстное желание строит в нас силы для компенсации того, что в предшествующей земной жизни душа сделала плохого, безрассудного, злого, безобразного, чтобы создать этому компенсацию в новой жизни.

Это то время, когда каждый человек может оглянуться на свои прежние земные жизни, время, когда действительно между смертью и новым рождением перед взором человека - перед духовным взором - стоят все факты его прежних жизней, и в нём пробуждается тенденция создать в новой

земной жизни такую компенсацию, такое выравнивание, чтобы новые земные переживания изжили и исправили то, что было пережито в прежних земных жизнях. Я уже знаком с людьми, которые говорили, что с них хватит и одной жизни; знаком даже с одним человеком, который был близок к тому, чтобы найти нечто здравомыслящее в этих повторных земных жизнях, $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ но он написал мне открытку с ближайшей железнодорожной станции, что он всё-таки ничего не хочет знать о какой-либо следующей земной жизни. Но дело не в том, что мы можем создать себе некое представление об этих повторных земных жизнях, а в том, что каждая душа в том состоянии, которое сейчас было описано, оглядывается на свои прежние земные жизни и одновременно воспринимает в себя стремление пережить новую земную жизнь, являющуюся компенсацией для прежних земных жизней. И дальше переживаешь, что есть люди, перед которыми ты во многом провинился, или которые провинились в чём-то перед тобой: это выступает перед душой как дополнение к собственной земной жизни. И возникает стремление снова совместно жить с людьми, перед которыми провинился, чтобы компенсировать то, в чём провинился. И в других людях возникает подобная тенденция. Благодаря этому возникают силы у разных людей, которые прежде жили в одно и то же время; тогда возбуждаются духовные силы, имеющие тенденцию вниз к Земле. Благодаря этому происходит так, что в новой земной жизни сходятся такие люди, которые прежде были вместе. Должно компенсироваться то, в чём эти души остались виновны. Как говорится, тенденции здесь сходятся. И затем продолжаешь переживать дальше эту духовную жизнь между смертью и новым рождением: всё больше и больше запечатлеваются и укрепляются тенденции, о которых было сказано. Они становятся живыми тенденциями. И человек из того, что он таким образом пережил в отношении прежних земных жизней, создаёт себе прообраз, духовный прообраз новой земной жизни.

Вот так он создаёт это сам, между тем как время продвигается вперёд; здесь он сам создаёт теперь то, что соединяется с материальной субстанцией, которую дают отец и мать для вступления в новую земную жизнь. В зависимости от того, какие наследуемые свойства от отца и матери могут существовать в материальной субстанции и быть родственными с духовным прообразом, духовный прообраз притягивается к материальности до зачатия. Так что можно

сказать: родство по духу между наследуемыми свойствами и прообразом, оно решает, к какой родительской паре душа чувствует себя магнетически притянутой, с какой жизнью осваиваться. Благодаря этому человек снова возвращается на Землю, снова соединяется с земным телом. И духовное исследование может увидеть, что так таинственно, можно сказать, формируется в ребёнке – кто умеет наблюдать жизнь ребёнка, тот увидит, что это так, – когда постепенно выступают изнутри выразительные мины, из неловких развиваются умелые движения, когда то, что так явно работает из внутреннего, моделирует и пластически формирует тело; во всём этом духовный исследователь видит то, что испытало переживание между смертью и новым рождением, о чём сейчас была речь, как это всё больше соединяется с телом – это созерцает духовный исследователь. После этого он осознаёт, почему не могут существовать никакие воспоминания об этих переживаниях, прежде всего, до рождения: силы, которые могли бы быть силами воспоминания, используются для организации тела. Ребёнок вспоминал бы обо всём прежнем, ибо он имеет эти силы; но силы преобразуются; точно так же, как силы давления, которые я развиваю, когда вожу пальцем по столу, преобразуются в тепло, так эти силы воспоминания преобразуются в организующие силы. То, что ребёнка внутренне организует, что делает пластичным мозг, так что позже ребёнок может мыслить и развивать в физическом теле силы воспоминания, – это преобразованная ретроспективная сила; она скрывается в этом облике, в котором может развивать обратный просмотр, и организует тело. И духовное, которое организует тело, – это преобразованное душевное, оно влито в тело. И таким образом мы постигаем жизнь, в которой мы как раз находимся, понимая, что происходит за пределами жизни по ту сторону смерти. Что действует здесь в человеке в земной жизни, усвоило свои силы между смертью и новым рождением. Силы, проявляющиеся здесь чисто духовно, являются силами воспоминания, которые преобразовались и которые втекают в тело и его организуют.

Естествоиспытатель однажды догадается, что силы, полностью находящиеся в наследовании, действительно испытывают в человеке некое истощение в то время, когда появляется способность передачи по наследству. Некоторые низшие животные умирают, когда созревают для рождения другого существа; то, что человек должен развивать в силах,

чтобы иметь физических потомков и передать им что-то по наследству, это должно заканчиваться его половой зрелостью; на это я могу только намекнуть. Об этом естествознание и духовная наука совместно могут дать важные разъяснения. Но во всём том, что здесь в человеке действует в качестве физических сил, действует духовное. Духовные силы – это те, которые в физическом теле действуют так, что пронизывают это физическое тело. Физическое тело есть словно отражение духовного. И собственно говоря, это суть истинные процессы разрушения, которые вызывают упомянутое только что отражение. Процессы разрушения присутствуют всегда, когда мы видим цвета, когда слышим звуки; даже когда мы образуем представления воспоминания, мы совершаем в себе процессы разрушения. Необходимость сна основана на том, чтобы в человеке действовали не только процессы разрушения.

Так мы живём, пронизывая и укрепляя своё тело силами, которые вырабатываем вне тела, и жизнь понятна только тогда, когда мы внимательно посмотрим на это деятельное в жизни духовно-душевное. Духовной науке не так хорошо живётся, как другим, чтобы она говорила равным образом о смерти у растений и животных, как и у человека. То, что я сейчас говорил, имеет силу только для человека. Таким образом, духовное исследование расширяет взор за пределы того, что находится между рождением и смертью. Да, даже детали становятся понятными духовному исследованию. Мне очень приятно думать, что те из уважаемых слушателей, которые обладают несколько большим для этих результатов духовного исследования, охотно услышали бы подробности; но я могу привести только отдельные примеры.

Прежде всего, приведу пример, который в особенности самому духовному исследователю, несмотря на то, что это звучит парадоксально, может казаться истинной мистерией жизни. Это существование преступных натур. Не правда ли, духовное исследование отнюдь не стоит на точке зрения, что преступники заслуживают лишь сострадания и не должны быть наказаны. Духовному исследователю не надлежит вмешиваться во внешние дела мира; однако, духовный исследователь хочет понимать то, что противостоит нам в человеческой жизни, и он хочет говорить из глубин духовного мира. Здесь мы спрашиваем себя: Как же это связано с жизнью, которая проявляется преступно? Конечно, говорить об этом легко, однако духовный исследователь должен сначала решиться отвечать на такие вопросы, и он,

собственно говоря, и должен решиться говорить об этих вещах, потому что они являются настолько парадоксальными для жизни представлений современности. Когда смотришь на преступника $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ ясновидчески, $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ то выявляется, что преступные натуры имеют природу преждевременных духовных родов. Для каждой души есть возможность спуститься из духовных миров, связать себя с физической материальностью, которая до известной степени является нормальной; но тенденции, приводящие к этому нормальному, пересекаются с другими тенденциями, так что большинство людей – а преступник особенно сильно – нисходят в земную жизнь гораздо раньше, чем это должно происходить нормальным образом. Это выявляется странным образом. Теперь это имеет последствием нечто иное. Пронизать себя всей телесностью настолько правильно, чтобы стоять в телесности Земли как полный человек, $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ это возможно, если только воплощаешься снова, по крайней мере, приближаясь к нормальному моменту. Но если благодаря предшествующей земной жизни есть причины низойти на Землю раньше, то обессиливаешь нечто, что живёт в подсознании и что совсем не осознаёшь. Именно в глубинах души живёт нечто, являющееся легкомыслием земной жизни, потому что низошёл не в тот момент, когда мог бы самым совершенным образом связать себя с физическим. Таким образом, связываешь себя лишь поверхностно. Но об этом ничего не знаешь. Это становится внутренним душевным настроением – принимать жизнь не полностью. И может быть так, что в своём обычном верхнем сознании даже имеешь ненормально развитый инстинкт самосохранения, так что враждебно противостоишь социальному миру, развиваешь сильнейший эгоизм, так что становишься преступником – и всё-таки в своей внутренней природе, которую не знаешь, имеешь некоторое поверхностное, легкомысленное отношение к жизни, не хочешь высоко ценить эту жизнь. Причиной этого являются духовные преждевременные роды. Когда это происходит, тогда и в бытие эта жизнь вступает так, что человек может разжигать преобладающий инстинкт самосохранения благодаря тому, что он не знает, что представляет собой легкомысленное отношение к жизни, и это видишь восходящим в преступных душах. Только когда я узнал, что это происходит таким образом, мне стало ясно другое. Есть лексикон воровского жаргона. В глубине души понимаешь своеобразный характер речи преступников, это

легкомысленное отношение к жизни в словах, которые ведь исходят из подсознания души, – это понимаешь, если только знаешь то, на что сейчас было указано выше. Но всё снова надо указывать на то, что, с другой стороны, в совокупности человеческих земных жизней выравнивается то, что совершает некая земная жизнь, так что преступник именно благодаря тому, что он должен пережить как следствие своих преступных деяний, восходит в другую земную жизнь, в которой наступает выравнивание.

Но становится понятным и другое, когда с помощью духовного исследования мы рассматриваем мистерии жизни. Здесь мы видим людей, которые, допустим, были унесены из жизни (*hinweggerafft werden*) из-за несчастья. Удивительно выявляется, что у людей, которые уносятся из-за несчастья в то время, когда они иначе ещё не должны были бы покинуть Землю, то есть в некое время, по истечении которого ещё присутствуют земные физические силы; когда, например, кого-то на тридцать пятом году жизни, хоть он и не искал смерти, переезжает локомотив, то в его теле ещё находятся силы, которые могли бы ещё действовать. В то время как уходишь из физического мира, эти силы не переходят в ничто, но видишь, как духовно-душевное, интеллектуальные силы, силы точного мышления могут возрасти именно благодаря такому несчастному случаю, так что такой человек может снова родиться с возросшими интеллектуальными силами, чем другой, умерший естественной смертью. С этим уже необходимо ознакомиться, чтобы духовное исследование, обозревая жизнь некоего обширного горизонта, говорило кое о чём иначе, чем говорят в обычной жизни. Некто, кто умирает в земной жизни преждевременно, скажем, из-за болезни, кто многое испытал через эту болезнь, тот через это заболевание подготавливает свою душу так, что могут укрепиться его волевые силы. Преждевременная смерть через болезнь укрепляет силу воли.

Да, уже многое может показаться чистой фантастикой; но я также знаю – это я, пожалуй, могу вставить, – что я имею определённую ответственность, когда высказываю эти вещи, и что я не стал бы о них говорить, если бы не знал способа духовного исследования, с помощью которого эти вещи можно узнавать с такой же достоверностью, с какой можно узнавать о вещах внешнего мира. Я ощутил бы это как огромное легкомыслие, если бы говорил об этих вещах, не имея в душе знания, которое пронизано таким настроением, на которое только что было указано.

Так жизнь человека становится понятной именно через то, что находится за пределами физической жизни; и так как жизнь развивается между рождением и смертью, результатом жизни является тот, который находится по ту сторону рождения и смерти. Некоторым это может казаться обесцениванием жизни. Чтобы уважаемым слушателям так не казалось, я хотел бы совсем коротко кое-что повторить. Кто-то может сказать: Здесь обращают наше внимание на то, что переживаемое нами в земной жизни, мы подготовили себе сами. Это правда. Но мы переживаем несчастье – его мы переживаем, потому что прежде мы привили своей душе тенденцию войти в это несчастье. Как альпийское растение не развивается на равнине, а отыскивает высоту, так человеческая душа отыскивает себе ситуацию, когда с ней может случиться несчастье; она вырастает в то, что переживает как судьбу. Как для того растения является само собой разумеющимся жить в Альпах, так и для человеческой души само собой разумеющимся является ввергать себя в несчастье, когда она воспринимает в себя тенденцию благодаря осознанию: если только ты преодолеешь это несчастье, ты можешь стать более совершенным в некотором отношении, в то время как не постигни тебя это несчастье, ты остался бы более несовершенным. Если кто-то говорит: «Таким образом, мы становимся, однако, кузнецами собственного несчастья; и когда говорится, что мы должны не только переносить и терпеть своё несчастье, но мы определённо его заслужили даже неземным образом – это не может быть для нас утешением!» $\begin{bmatrix} F^0 \\ 2D \end{bmatrix}$ то против этого необходимо сказать то, что прежде я уже разъяснял через сравнение: если кто-то до своего восемнадцатилетнего возраста жил в излишке за счёт своего отца и ничему не учился, а его отец потом обанкротился, тогда извне это можно увидеть как большое несчастье, когда жизнь теперь грубо набросилась на него. И он прав, если находит теперь свою жизнь несчастливой. Но допустим, что он достиг пятидесятилетнего возраста и увидел свою жизнь с другой точки зрения, тогда он скажет себе: Если бы меня не постигло несчастье, я не стал бы тем, кем я являюсь теперь. Для моего отца это было несчастье, для меня это был фермент развития моей жизни. – Таким образом, мы тоже не всегда в состоянии находить правильную точку зрения на несчастье в тот момент, когда мы его переживаем. До рождения мы стоим совсем на другой точке зрения, чем позже: на той, что в новой жизни должно быть пережито то,

что создаёт компенсацию для происшедшего прежде. Мы подготавливаем себе несчастье, которое позже мы сами по праву исполненные страдания терпим, и о котором мы по праву сетуем, потому что тогда мы рассматриваем это с точки зрения физической земной жизни.

Я хотел бы ещё немного рассказать о времени, которое протекает между смертью и новым рождением. О коротком времени обратного просмотра после смерти, которое продолжается лишь дни, я уже сообщал; время, которое наступает позже, длится дольше, оно продолжается десятки лет. Духовный исследователь приходит к тому, как долго длится этот период, примерно следующим образом. Сначала, чтобы он вообще мог развить в себе силы увидеть нечто такое, он должен спросить себя: Что же есть в твоей душе, когда ты переживаешь себя вне тела, что из присутствующего здесь в душе кажется тебе тем, что она может пронести через смерть? И тогда удивительным образом переживаешь, что что-то берёшь из тела, в то время как иначе оставляешь всё. Как духовный исследователь, когда выходишь из тела, оставляешь страсти, воспоминания и так далее; но с собой берёшь свои усилия, с собой берёшь то, чем можно овладеть в земной жизни, скажем, только после двадцати лет. Сегодня это слышат неохотно, потому что сегодня людей считают уже в высшей степени зрелыми даже до двадцатилетнего возраста. Ведь это можно увидеть в газетах, что сегодня неоднократно пишут в строках и между строк (*über und unter dem Strich*) люди, которые не достигли двадцати лет. Но в действительности всё же происходит так: то, что правильно переживаешь через самого себя, переживаешь так, что это действительно становится накопленной жизненной мудростью, это происходит благодаря тому, что нечто уже пережил и с помощью более позднего переживания оглядываешься на более раннее. Это внутреннее пробивание себе дороги благодаря своим усилиям, это внутреннее переживание души есть то, что уже является неким проращиванием зародыша (*Vorkeim*) – так это выявляется – того, что потом душа переживает между смертью и новым рождением. И так необходимо жить в таком непрерывном преодолении, в преобразовании сил души. Душа естественным образом остаётся в духовном мире между смертью и новым рождением до тех пор, пока она может нечто преобразовывать. Рассматривая с другой стороны, следует привести следующее: мы вживаемся в определённое время; мы воспринимаем то или это, разужнаём то или это,

принадлежа к тому или иному племени. Пройдя через смерть, мы образуем из этого наш жизненный опыт. Но Земля изменяется. Изменяются не только физические отношения. Стоит только уважаемым слушателям мысленно вернуться назад и представить, как во времена основания христианства примерно выглядела местность здесь, где находится теперь Вена. Но в ещё более короткие промежутки времени изменяется культурный облик Земли, духовное содержание нашего окружения, откуда мы берём наше воспоминание, сокровище нашей памяти. Возвращается же душа в новую земную жизнь более естественным образом не раньше, чем она может вступить в совершенно новое духовное окружение. Оказывается, что душа рождается снова не без смысла, но так, чтобы она могла пережить новое. Для этого она должна изменить всё, что она пережила в предшествующей земной жизни, например, способность выражать себя на определённом языке. Она должна это преобразовать; она должна усвоить другую языковую способность. Таким образом проходит время – оно длится столетия. Нормальным образом оно охватывает примерно от одного до полутора тысячелетий. Но благодаря определённым отношениям, как сказано, возникают духовные преждевременные роды.

Время поджигает; я не могу предаваться дальнейшему изображению особых отношений. Мне бы только хотелось ещё сказать, что тот из уважаемых слушателей, который мог бы возвращаться примерно с таким чувством: Ведь всему этому в самом деле нельзя верить; ну как же человек может что-либо узнать об этом! – пусть обратит внимание на то, об этом я однажды уже упоминал, что на самом деле то, что позже станет само собой разумеющимся – переживания, которые проникнут во все души – сначала сообщается как парадокс земной культуры. И тот, кто сегодня стремится заботиться о духовной науке, должен конечно ознакомиться с тем, насколько это понятно, что можно принимать за нелепую фантазию то, что так достоверно переживается в духе, и как запечатлелось мировоззрение Коперника, после того как сперва оно многими рассматривалось как фантастика, даже как нечто вредное. Но я смею ещё раз обратить внимание на образ, который предстаёт духовному исследователю и тому, кто в состоянии понимать духовную науку в позавчера упомянутом смысле, чтобы дать ему сильное осознание истины, которой постепенно проникаешься. Если она должна пробиться сквозь самые

узкие расщелины пустой породы, поскольку на неё давит самый толстый слой пустой породы предрассудков, она всё-таки пробьётся. Сознание укрепится в этом, если склоняешься перед (hinbückt auf) Джордано Бруно; здесь перед собой имеешь образ: он выступил перед человечеством так, что разрушил столетние предрассудки, сказав: Люди верили, когда они смотрели вверх в далёкое пространство, что там простирается голубой небосвод; по нему вращаются солнце и планеты, и голубой небосвод является некой стеной, некой голубой стеной! – Тогда Джордано Бруно смог сказать: Это кажется вам стеной только потому, что до этого доходит ваша способность восприятия. Вы сами создаёте себе эту границу; её вовсе не существует. Простираются бесконечности пространства. И бесконечности пространства наполнены бесконечными мирами.

Сегодня духовный исследователь должен помнить об этом расширении человеческого взгляда в бесконечности пространства, он должен думать о том, как Джордано Бруно прежде всего обратил внимание на то, что границы пространства на небосводе созданы лишь ограниченностью самой возможности человеческого восприятия; он должен был указать на то, что для периода человеческого переживания тоже есть такой небосвод. Обозревая человеческую жизнь с помощью физических органов восприятия и рассудка, смотришь на эти границы, границы рождения и смерти, как когда-то смотрел на границы пространства на голубом небосводе, которых в действительности, однако, не существует. Так и границы для времени человеческого переживания между рождением или, скажем, зачатием и смертью поставлены лишь ограниченностью способности человеческого созерцания. По ту сторону рождения или зачатия и смерти простирается временная бесконечность и в эту временную бесконечность введены текущие назад и вперёд повторения человеческой земной жизни и той жизни, которая протекает между смертью и новым рождением. Я, конечно, не могу излагать то, что все повторения когда-то имели некое начало, что человек рождён из духовного и здесь нашёл место своего обитания – тогда сама Земля возникла из духовного мира, – и что человек, после того как он прошёл через повторные земные жизни, когда сама Земля отпадает от человеческих душ, что тогда человек переходит в другую, вновь одухотворённую жизнь. На это можно лишь намекнуть, об этом более подробно найдёте в моём «Очерке тайноведения».

Если с познаниями духовной науки и находишься обозначенным образом в противоречии с мышлением настоящего времени, то всё-таки должен сказать: В представлениях тех, кто были вождями человечества – позавчера я тем же завершил рассмотрение, – тем не менее, обнаруживаешь то, что сегодня снова возрождается в духовной науке. Духовную науку такой, как она подразумевается здесь, люди не имели, ибо она дитя нашего времени и будет формироваться из образования нашего времени; однако те, кто сумели в своей душе связаться с духом вселенной, который живёт и действует во всех людях, запечатлели в словах то, с чем духовная наука может полностью согласиться. Духовная наука показывает нам, что мы тогда понимаем жизнь между рождением и смертью, когда в этом физическом теле, во всей физической жизни видим, как живёт и действует то, что является бессмертным, то, что может жить и в духовном мире. Духовная наука показывает нам, что мы имеем жизнь в теле посредством жизни *вне этого* тела, так что никто не может понять жизнь между рождением и смертью, кто не понимает жизнь вне тела, в духовном небосводе. Гёте выразил это словами – предчувствуя более поздние познания духовной науки – словами, которые не только ясно доказывают признание Гёте бессмертной жизни, но также обнаруживают, что он знал, что истинная ценность в познании современной жизни, в переживании земного бытия зависит от того, что знаешь это земное бытие, как прокалённое, пронизанное светом и волнующееся тем, что является внеземным, сверхземным и бессмертным. Поэтому именно это познание духовной науки осуществляется так, что истинная внутренняя сущность смертного познаётся через бессмертное, как и в некоем ощущении, обобщённое в словах, которыми Гёте однажды выразил своё убеждение. В отношении тех, кто совсем не хочет из своеобразной сущности современной жизни создать себе воззрение о другой жизни, в отношении них я хотел бы сказать вместе с Гёте: «Я отнюдь не хотел бы быть лишённым счастья верить в будущее существование; да, я хотел бы сказать вместе с Лоренцо Медичи, что все те, кто не надеются на *другую* жизнь, являются мёртвыми и для *этой* жизни».

ЖИЗНЬ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ

Цикл лекций, прочитанный
доктором Рудольфом Штайнером в Вене
с 9 по 14 апреля 1914 года

Первая лекция
9 апреля 1914 года

Мои дорогие друзья-теософы, цель этого цикла лекций – изобразить внутреннюю человеческую жизнь в связи с жизнью между смертью и новым рождением, чтобы показать, как тесно связаны между собой эти две области бытия. И вместе с тем его цель – наметить основные линии, по которым люди действительно могли бы ориентироваться в некоторых тяжёлых жизненных положениях, линии, которые способны дать во многих отношениях верную опору для душевной жизни посредством соответствующего основательного понимания этой душевной жизни. Для этого будет необходимо, чтобы вы, мои милые теософские друзья, овладели бы первыми лекциями, которые должны создать основание. Они поведут в эзотерически-научные области, которые сначала могут показаться значительно отдалёнными от того, что человеческая душа охотнее восприняла бы непосредственно. Но когда мы достигнем цели этих лекций, тогда вы увидите, что эта цель может быть достигнута правильным образом только в том случае, если мы сначала овладеем отдалёнными эзотерическими познаниями.

Если человеческую внутреннюю жизнь рассмотреть сначала абстрактно, то она выступает в трёх формах, на которые мы часто обращали внимание – в формах мышления, чувства и желания, – но для полного рассмотрения этой внутренней жизни необходимо прибавить ещё четвёртую. Собственно, к внутренней жизни человека принадлежат не только эти названные области, но к ней принадлежит ещё и то, что он совершает из простого чувственного ощущения. Мы ведь не только даём возможность проскальзывать перед нашим сознанием краскам, звукам, впечатлениям тепла и так далее, но мы схватываем эти впечатления и превращаем их в свои восприятия. И действительно, мы можем вспоминать об этих впечатлениях и удерживать их, мы не только знаем, что роза красная, когда непосредственно находимся перед ней, но можем, так сказать, носить с собой красный цвет розы, сохраняя его в памяти как

представление. И этот факт доказывает, что и жизнь ощущений и жизнь восприятий, через которые мы соприкасаемся с внешним миром, тоже принадлежат нашей внутренней жизни. Так что мы можем сказать: восприятия внешнего мира мы должны отнести к нашей внутренней жизни, поскольку в самом процессе восприятия мы делаем их внутренними. Далее, сюда же мы должны отнести мыслительный мир, через который мы черпаем знание о ближайшем, а в науке – и о более отдалённом, и через который мы в ещё более широком смысле, нежели посредством восприятия, превращаем внешний мир в наш внутренний мир. Ведь мы не только живём во внешних восприятиях, мы размышляем о них и осознаём, что своим размышлением мы можем кое-что узнать о тайнах воспринятого.

Затем мы должны отнести к нашей внутренней жизни наши чувства, и тут мы тотчас оказываемся в той области человеческой внутренней жизни, которая включает в себе всё, что нас самих как людей приводит к соответствующему нашему человеческому достоинству соприкосновению с миром. То, что мы можем чувствовать относительно вещей, что мы можем радоваться окружающему, является истинной основой нашего человеческого бытия, в определённом отношении является всем тем, что составляет наше счастье и страдание. Всё это ведь разыгрывается на колышущихся вверх и вниз волнах чувств: чувства, которые возносят нашу жизнь, в которых мы чувствуем себя счастливыми и удовлетворёнными, теснятся в нас вверх или вперёд, укрепляют. Другие чувства, которые означают наше страдание и нашу боль, протискиваются вперёд через события жизни, через нашу судьбу, а также через нашу внутреннюю жизнь. И произнося слово «чувство», мы указываем на область, которая фактически включает в себя именно счастье и страдание человеческой жизни.

И когда мы указываем на четвёртое, на волю, то речь идёт о том, что в свою очередь делает нас ценными для мира и ставит нас в такое положение в мире, что мы живём, не только познавая, не только чувствуя в себе ради себя, но можем снова воздействовать на мир. То, что человек хочет, ^{F0}₂₀ он может хотеть, а то, что изливается из воли в поступках, составляет его ценность для мира. Итак, мы можем сказать: указывая на область воли, мы имеем дело с тем элементом, который показывает нам человека как члена мира, и это есть наша внутренняя жизнь, которая в таком случае в качестве

члена мира втекает в мир. Эгоистические ли это, враждебные обществу аффекты или страсти преступных натур, вливающиеся через воли в мир на гибель этого мира, или это высокие чистые идеалы, которые идеалист приносит из своего соприкосновения с духовным миропорядком и вливает их в свои поступки, возможно, только в слова, которые влияют на людей, воспламеняя их или указывая им на их человеческое достоинство – мы всегда в области воли имеем дело с тем, что даёт человеку его ценность. Так что всё богатство, каким собственно может обладать человек как одушевлённое существо, выражается в этих четырёх областях: восприятия, мышления, чувствования и желания.

Для того, кто несколько глубже входит в рассмотрение этих четырёх, хотелось бы сказать, внутренних сфер человеческой душевной природы, выявляется значительная разница между частями этой четырёхчленной человеческой природы, взятыми по двое. Но в обычной жизни эта разница в действительности не вполне доходит до сознания человека, в крайнем случае, она доходит до сознания тогда, когда мы следующим образом размышляем об этих четырёх сферах человеческой природы.

Говоря о восприятии и размышляя о нём, мы можем иметь ощущение: с восприятием мы непосредственно находимся в определённой связи с внешним миром. С помощью восприятия мы превращаем внешний мир во внутренний, оно поставляет нечто, что потом, когда мы переработаем ощущение, принадлежит нашему внутреннему. Но мы имеем чувство, что мы должны были устроить наше ощущение так, чтобы в определённом отношении оно давало нам верное отображение внешнего мира. И каждое заболевание жизни восприятий и жизни ощущений, каждое заболевание органов чувств указывает нам на то, что из-за такого заболевания наша внутренняя жизнь обедняется, обедняется вследствие того, что мы сами становимся беднее в том, что мы можем вбирать в себя из внешнего мира.

Если мы перейдём от воспринимания к мышлению, то можем заметить, что и в отношении мышления имеем ощущение: нас не может удовлетворить, когда это мышление копается в самом себе и предаётся само себе. В конце концов, для нас имеют значение только те мысли, которые представляют в нас нечто объективное, существующее вне нас, если они могут выражать нечто, находящееся вне нас. Наше размышление не могло бы нас удовлетворить, если бы

через это размышление мы ничего не могли узнать о внешнем мире.

Но если мы продвинемся к нашему чувству и немного поразмышляем об этом чувстве, то мы обнаружим, что это чувство или, лучше сказать, эмоциональная жизнь гораздо теснее связана с нашим непосредственным внутренним бытием, чем воспринимание и мышление. У нас есть представление, что мы должны сами себя, прежде всего чисто внешне, развивать на физическом плане, если хотим правильным образом ощущать, чувствовать определённые тонкости внешнего мира. Если мы имеем некую мысль и считаем её правильной, то о такой верной мысли мы говорим: она должна быть, по сути дела, действительной для всех наших собратьев. И если мы только найдём правильные слова для её выражения, то должна быть возможность убедить в этой мысли и других. Если мы стоим перед каким-либо явлением природы или, скажем, перед человеческим произведением искусства и притом развиваем по поводу него своё чувство, то мы знаем, что в действительности наша человеческая природа такая, какая она есть, не может нам ничем помочь полностью, так сказать, исчерпать то, что нам может здесь предстать. Могло бы быть так, что мы остались полностью глухими к какому-либо музыкальному или живописному творению просто потому, что не воспитали своё чувство так, чтобы ощутить его тонкости. И если мы проследим ход этих мыслей, то обнаружим, что эта эмоциональная жизнь есть нечто глубоко внутреннее, и что то, как мы переживаем её внутри, мы не можем посредством мыслей адекватно передать другим людям. В известном смысле в нашей эмоциональной жизни при всех обстоятельствах мы одиноки, но в то же время мы знаем, что эта эмоциональная жизнь является источником совершенно особого внутреннего богатства, некоего внутреннего факта развития именно благодаря тому, что это нечто такое субъективное, что так непосредственно, как живёт внутри, она не может изливаться на объект.

И то же самое мы должны сказать относительно воли. Люди различны как в отношении своих желаний, так и в отношении того, что наружу через волю может изливаться в их поступках! И всё разнообразие человеческих поступков проистекает лишь оттого, что один может хотеть одно, а другой – иное. Когда мы радуемся, что нашли хотя бы одного товарища, который чисто внутренне, субъективно пришёл к чувству, подобному нашему, и который определённые

тонкости внешнего мира может своим чувством внутренне пережить так, что существует независимое от нас, но совпадающее с нашим пониманием, тогда мы чувствуем, что наша жизнь возвышается через такую дружбу. Своё чувство мы должны развивать каждый только в себе, но мы можем находить людей, которым это чувство будет созвучно. И всё-таки хотя жизнь чувствования является внутренней, однако возможно, что в своём чувствовании люди бывают созвучны. Но не могут существовать две воли, которые стремились бы к одному и тому же объекту, то есть два человека, которые в один и тот же момент хотели делать одно и то же. Воли не могут сливаться в один единственный (ein einziges) объект. Самой рукоятки, которой человек касается, посредством которой вращает машину, он может касаться только один. И даже если при этом ему помогает другой, то часть работы, которую человек осуществляет своей волей, является именно половиной всей работы: один осуществляет свою половину, а другой – свою половину. Два волевых импульса не могут быть вместе в одном объекте. И хотя благодаря нашим волям мы вставляем себя во всеобщий мир, именно через эти воли мы вставлены в мир так, что благодаря волям каждый из нас является отдельной индивидуальностью. Так именно благодаря этому нам указывается на то, что воля составляет всю индивидуальную ценность человека, что воля с этой точки зрения является, так сказать, самым наивнутреннейшим. Отсюда мы можем заключить, что восприятие и мысль являются более внешним во внутренней жизни человека, что чувство и воля составляют самое глубокое – собственно внутреннее. Но для этих четырёх сфер человеческой душевной жизни выявляется ещё второе отличие через совершенно внешний, экзотерический способ рассмотрения.

Когда мы стоим перед миром с нашим восприятием, тогда мы совершенно определённо говорим себе: хотя это восприятие и сообщает нам о мире, но всё-таки только с одной отдельной точки зрения. Как мала часть мира, которую благодаря нашему восприятию мы можем преобразовать в нашу внутреннюю жизнь! В этом восприятии мы зависим от места и времени. Мы должны сказать, что через наше внутреннее восприятие в нашу внутреннюю жизнь входит очень немногое из того, что мы предчувствуем в мире. – И в отношении наших мыслей мы чувствуем: пусть мы даже очень стараемся, мы всегда можем делать ещё дальнейшие шаги, всегда можем через наши мысли проникнуть ещё

дальше. – Короче, мы имеем ощущение, что там снаружи находится мир, и мы благодаря своим восприятиям и своему мышлению овладеваем только малой частью этого мира.

С чувством обстоит уже иначе. С чувством происходит так, что говоришь себе: «О, какие возможности чувствования, возможности радости и страдания существуют в действительности во мне самом! Что мог бы я извлечь из глубин моей души! И если бы я это извлёк, насколько тоньше, насколько выше были бы мои чувства по поводу вещей мира!» Между тем как в отношении восприятия и мышления ощущаешь: там, в мире, существует многое, и только малую часть его можешь пережить в процессе восприятия и мышления; относительно же чувствования должен иметь ощущение: здесь, внизу, существуют бесконечные глубины; если бы я извлекал их, то моё чувствование становилось бы всё богаче и богаче. Я же могу поднимать наверх и превращать в реальное чувствование только самую малую часть. В то время как благодаря своему восприятию и мышлению я могу, стало быть, превращать в свой внутренний мир лишь малую часть мира, благодаря чувствованию я могу действительно доводить до бытия в сферу реального переживания только некоторую часть того, что как возможность покоится во мне.

И в гораздо большей степени это относится к воле. Я хочу это только обозначить. Как сильно мы должны ощущать, что мы отстаём в том, что осуществляем, относительно того, что мы могли бы совершить и к чему имеем способности.

Так мы ощущаем, что через наш процесс восприятия и мышление мы вносим в свою внутреннюю жизнь только некую часть внешнего мира, и ощущаем, что из того, что находится здесь в глубоком слое души, мы можем извлечь только некую часть посредством нашего чувствования и нашего желания. Этим четыре сферы нашей душевной жизни делятся, так сказать, на две части: с одной стороны – процесс восприятия и мышление, и с другой стороны – чувствование и желание.

Совсем иной свет проливается ещё на эти четыре сферы нашей внутренней жизни, если мы попытаемся теперь осветить эзотерически то, что благодаря размышлению человек может разъяснить себе экзотерически.

Вы знаете, мои дорогие друзья, что ночью, когда человек спит, связь между его «я» и его астральным телом, с одной стороны, и его физическим телом и эфирным телом, с другой стороны, определённым образом иная, чем при дневном

бодрствовании. При дневном бодрствовании физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «я» соединены, можно сказать, нормально. Эта связь во время сна ослаблена, ослаблена так, что из сферы органов чувств и из сферы мышления, то есть из всей сферы инструментов сознания, выходят астральное тело и «я», и поэтому прежде всего над нормальным сознанием простирается тьма ночи – бессознательное состояние. Если же человек через свои эзотерические упражнения настолько укрепит свою душу, что в духовно-душевном существе, которое ночью вне тела является бессознательным, он становится познающим и воспринимающим, $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ то есть духовно познающим и воспринимающим, $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ если он вне тела реально переживает духовно-душевное как своё человеческое, тогда для него открывается новый мир, духовное окружение, так же, как для человека существует физическое окружение, когда он пользуется органами чувств и своим мозгом, который ведь служит мышлению. Этот духовный окружающий мир, который потом можно созерцать, отнюдь не всегда один и тот же. Человек может переноситься в положение духовного исследователя в разные периоды, так сказать, по-разному. И тому, что человек видит духовно, в действительности всегда содействует намерение – однако, не собственно рассудочное намерение, а намерение, скорее бессознательно, инстинктивно лежащее во всей его душевной жизни, – что он на самом деле хочет познавать. Например, когда человек выходит из своего тела, чтобы отыскать связь с каким-либо умершим человеком, тогда это намерение влияет на всё духовное поле его сознания. Он словно не замечает ничего, что не относится к этому намерению. Он направляется, если ему это удаётся, к умершему и его судьбе, чтобы узнать то, что он хочет увидеть в умершем. Остальной духовный мир остаётся словно – что поделаешь, выражение неуклюже – незамеченным, неосвещённым, и именно тогда человек переживает связь только с умершим. Так от намерения человека зависит, что именно он видит в духовном мире. Отсюда понятно, что описание того, что ясновидящее сознание видело в духовном мире, может бесконечно отличаться у разных ясновидящих личностей. Каждый может совершенно правильно видеть то, что он должен видеть в соответствии с намерением, которое было заложено в нём, когда он вынес себя со своим духовно-душевым из физически-телесного.

Сегодня же, и вообще в этих докладах, я хочу охарактеризовать то, что видит ясновидящее сознание, когда оно отправляется в духовный мир с намерением познать внутреннюю жизнь человека, эти четыре душевные сферы воспринимания, мышления, чувствования и желания, чтобы разузнать, что собственно в этой человеческой душе колышется вверх и вниз и вызывает счастье и страдание этой человеческой души.

Итак, допустим, что ясновидящее сознание действительно привело бы к выходу с духовно-душевым из физически-телесного, как обычно человек делает это в бессознательном состоянии во сне; и этот выход он осуществляет с определённым стремлением, с импульсом – познать внутреннюю жизнь человека, почувствовать, как навстречу самому себе выступает внутренняя человеческая жизнь, тогда ему предстанет то, что я попытаюсь охарактеризовать.

Ближайшее, что выступает в таком случае ясновидящему сознанию, – это собственно полный переворот всего созерцания мира. Пока мы находимся в теле, окружающее нас мы созерцаем органами чувств и мыслим о нём нашим рассудком. Мы созерцаем вокруг нас мир гор, рек, облаков, звёзд и так далее, и в одной точке этого мира мы видим тогда сами себя, можно сказать, как нечто очень малое по сравнению с этим большим миром. В то время как ясновидящее сознание начинает действовать вне тела, это отношение прямо-таки переворачивается. Мир, простирающийся обычно перед нашими органами чувств, о котором мы размышляем нашим связанным с мозгом рассудком, этот мир исчезает из созерцания, из восприятия. Он не вызывает также никаких мыслей, если можно так сказать. Но чувствуешь себя как бы излитым в этот мир, если вышел из своего тела, действительно чувствуешь себя так, что это чувство выражено правильно, если говоришь: мир, который ты прежде созерцал, в него ты теперь излит, в нём ты находишься внутри. До определённой границы ты наполняешь всё пространство и сам движешься во времени.

Это некое ощущение, к которому ты должен сначала привыкнуть. Это некое ощущение, которое можно выразить, сказав так: то, что прежде было внешним миром, стало теперь внутренним миром. Не то чтобы этот прежний внешний мир несёшь во внутреннем, но присутствует чувство, ощущение – это стало внутренним миром. Ты живёшь в пространстве, в котором прежде простирались твои

чувственные восприятия, о вещах и процессах которого ты мыслил, здесь же ты живёшь внутри. – И маленькое существо, стоявшее словно в центре чувственного горизонта, человек, это существо, если определённым образом развиваешь ясновидящее сознание, становится теперь по сути дела миром. Мы смотрим на этот мир так, как прежде мы смотрели на весь простирающийся в пространстве и протекающий во времени внешний мир. В определённой мере мы стали для себя миром.

Только представьте, мои дорогие друзья, чем это является для поворота человеческого созерцания мира, когда то, что прежде совсем не было миром, и чему говорили «я», когда там, снаружи, действительно теперь существует мир, к которому всё имеет тенденцию. Это так, как если бы из всех точек пространства смотрели на единственный центр – и там видели бы себя самого. Это так, как если бы плавали во времени вперёд и назад – и в одной точке на одной волне этого потока времени находили бы себя самого. Сам для себя стал миром.

Это первое впечатление, когда, повторю это определённо ещё раз, развиваешь ясновидящее сознание с этим стремлением узнать внутреннюю жизнь человека. Тогда первое впечатление таково. Удивительно: выходишь из тела со стремлением познакомиться с внутренней жизнью человека и первое, что выступает навстречу – это сама человеческая форма (Gestalt). Но как изменена эта человеческая форма! Об этом надо всё время напоминать: надо выходить из тела с намерением узнать внутреннюю жизнь человека. Затем наступает всё то, что я теперь скажу. Поэтому при возникновении ясновидения это, разумеется, необязательно происходит всегда.

Эта человеческая форма, насколько иначе она представляется! Знаешь: то, на что смотришь, то, что здесь созерцаешь – это ты. Да, это ты, ты, который прежде чувствовал себя изнутри в своей коже, в своей крови – ты стоишь снаружи. – Но из того, что здесь стоит, видишь собственно пока только, я бы сказал, внешнюю форму, однако преобразованную. Глаза – то, что было глазом – светят, как два солнца, но внутренние, вибрирующие в световом сиянии солнца, сверкающие, вспыхивающие и погасающие в сверкании солнца, которые распространяют лучистый свет. Такими являются глаза в преобразованной человеческой форме. Уши начинают определённым образом звучать; то, что в физическом мире воспринимаешь ушами, ни в коем

случае не воспринимаешь, а чувствуешь определённый оттенок звука (Tönen). Вся кожа в некотором роде сияет лучами, которые больше угадываешь, чем созерцаешь. Короче, человеческая форма является как сияющая, звучащая, магнетически-электрическая, испускающая лучи. Но эти выражения, конечно, неловки, неумелы, потому что они заимствованы как раз из физического мира.

Так мир стоит перед нами. И в начале охарактеризованного ясновидческого переживания это теперь наш мир: сияющий светом человек, вся кожа в ощущаемом сиянии, глаза видимы, уши слышимы! И теперь знаешь, когда получаешь это впечатление: ты созерцал вне тела своё тело, своё физическое тело. Знаешь: с точки зрения духа так выглядит физическое тело.

Если затем пытаешься там снаружи, но вне тела, заняться внутренней деятельностью, которая может сравниться с размышлением – но это является чем-то иным, чем обычное мышление, это есть развёртывание внутренней творческой душевной силы, – если развиваешь эту деятельность, то там внутри, в этом светящемся существе, уже видишь: там внутри видишь движущие силы, которые, можно сказать, как некий род циркуляции сил пронизывают эту световую форму. И теперь знаешь: то, что ты увидел здесь внутри как некий род включения в это световое тело, $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ это увиденная извне жизнь твоих мыслей. Теперь это можно распознать как часть эфирного тела, которую как раз видишь. Видишь эфирное тело как ткущую жизнь мыслей. Это подобно циркулированию тёмных волн – можно бы сказать духовная циркуляция крови, – тёмных волн в световом теле, которые всему (dem Ganzen) придают своеобразный вид и именно навязывают сознание: здесь в твоём физическом теле волнуется и бурлит эфирное тело, которое ты созерцаешь теперь снаружи и которое теперь для тебя становится явным.

Обратите внимание, так, стоя вне своего тела, получаешь познание того, что действительно есть физическое тело и эфирное тело, и как они выглядят, видимые снаружи.

Но теперь развитие внутренней силы (Erkraften) может пойти ещё дальше. Если бы созерцал только то, что я сейчас привёл, то показался бы себе в духовном мире странным. Тогда показался бы себе подобным существу, которое на физическом плане хоть и могло бы воспринимать впечатления внешнего мира, но внутренне было бы совсем

бесчувственным, которое совсем не могло бы ничего чувствовать. Но и то, что соответствует этому чувству физического плана, может теперь внутренне оживляться здесь снаружи вне тела. Это не само чувство, ибо это чувство оправдано, только когда существуешь внутри физического тела; однако это то, что внутри духовного мира соответствует чувству. То есть, прежде ты только ощущал: ты находишься внутри пространства и волнуешься во времени (wogst hin in der Zeit). Ты находишься в пространстве, в котором прежде ты видел процессы и существ, и во времени, в котором ты воспринимал, $\left[\begin{smallmatrix} F^0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ здесь ты находишься внутри. Но когда теперь здесь снаружи вне тела пробуждается соответствующая чувству внутренняя душевность, тогда это душевное начинает раскрывать некое знание, благодаря чему здесь снаружи вспыхивает всевозможное, благодаря чему не только чувствуешь себя распространённым в пространстве, но воспринимаешь нечто, существующее в этом пространстве, волнующееся в этом временном потоке как существа (als Wesen). И теперь не находишь то, что прежде видел, созерцая во внешнем мире благодаря телу и его органам, но находишь, переживая себя во внутреннем этого внешнего мира, в духовном, которое струится и колыхается сквозь этот внешний мир. Происходит так, как если бы пространство, в котором прежде ты себя только чувствовал, наполнилось теперь бесчисленными звёздами, которые все движутся и к которым ты сам принадлежишь. И теперь ты знаешь: ты переживаешь себя в своём астральном теле. Переживаешь себя в своём астральном теле вне физического тела так, что с точки зрения содержания оживает то, в чём прежде только чувствовал себя.

Если теперь смотришь назад на то, что раньше видел из себя самого, что до этого было охарактеризовано, так сказать, как внешний мир, на это световое тело с тёмной мыслительной циркуляцией внутри эфирного тела, тогда в тот момент, когда, кроме тела, концентрируешься именно на астральном, на жизни звёзд астрального тела, предстаёт иначе то, что покинул $\left[\begin{smallmatrix} F^0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ оставленное тело. И теперь можно точно заметить разницу, выразив её следующим образом: ты имеешь возможность снова концентрироваться на себе, тогда ты видишь своё световое тело и своё мыслительное эфирное тело. Но если ты концентрируешься на самом себе так, что в тебе проявляется во всей полноте внутренний звёздный мир, о котором ты знаешь, что ты завладел им, и теперь смотришь

назад на своё физическое тело, которое ты покинул, тогда свечение может прекратиться, тогда прекращается циркуляция мыслей. Это несомненно можно делать произвольно, но на место этого вступает образ нашего собственного существа, который является нам – ничего другого и не скажешь – как наша персонифицированная карма. То в нас, что мы как люди несём в себе, за что нам уготована та или иная судьба, – это как бы свёрнуто. Наша карма, наша судьба персонифицирована и стоит перед нами. И мы знаем, созерцая это теперь: это ты, но такой, каким ты собственно являешься в твоём моральном внутреннем существе. Это ты, таким ты стоишь в мире как некая индивидуальность; это вполне ты сам.

Кроме того, возникает другое сознание. Это добавляющееся ещё здесь сознание имеет нечто очень тягостное. А именно, видишь эту всецело персонифицированную судьбу так, что чувствуешь её в теснейшей связи со своей телесностью, со своим земным человеком. И притом так, что получаешь непосредственное познание: то, как в твоём земном теле созданы мышцы, какой является вся твоя мускульная система, – это творение всей твоей судьбы, твоей кармы. Теперь, кроме того, наступает время, когда говоришь себе: как порой майя отличается от истины! Здесь, пока мы находимся на физическом плане, мы полагаем, что этот мускульный человек состоит именно из телесных мышц; в действительности эти телесные мышцы являются кристаллизованной кармой. И они так оформлены в человеке, так кристаллизованы, что человек вплоть до тончайшего химического состава несёт в своей мышечной системе свою кристаллизованную карму. Он несёт её настолько, что теперь по поводу этого духовный созерцатель вполне проясняет для себя: если человек, например, приводил в движение свои мышцы так, что отправлялся в какое-то место, в котором с ним произошло несчастье, то произошло это потому, что в мышцах была заложена духовная сила, которая привела его из себя самого к этому месту, где с ним произошло несчастье. Нашу судьбу мировой порядок кристаллизовал в нашей мускульной системе. И в нашей мускульной системе живёт дух, кристаллизованный для внешнего физического плана, который без нашего явного знания ведёт нас повсюду туда, куда мы именно в соответствии с нашей кармой должны идти $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ должны прийти.

Если это внутреннее укрепление идёт ещё дальше, когда человек вне своего тела продолжает переживать, так сказать,

своё внутреннее, тогда в нём наступает то, что в физической жизни, на физическом плане соответствует волевому импульсу. Как только эта волевая жизнь всплывает внутри – но вне тела, – человек чувствует себя не только как бы внутри звёздной системы, но он чувствует себя как бы внутри солнца этой солнечной системы, он осознаёт себя единым с солнцем своей планетной системы. Можно сказать, когда своё астральное тело переживаешь внутренне, ты осознаёшь себя единым с планетами своей планетной системы; когда вне тела переживаешь себя со своим «я», осознаёшь себя единым с солнцем своей звёздной системы, на которое всё направлено, к которому всё имеет тенденцию.

Когда оглядываешься теперь назад на то, что существует теперь не внутри, а снаружи, – ибо то, что существует снаружи, пока находишься в физическом теле, существует внутри, когда находишься вне тела, а то, что существует внутри, когда находишься в физическом теле, существует снаружи, когда находишься вне тела – стало быть, теперь, когда оглядываешься на самого себя, тогда навстречу выступает другое, тогда при взгляде на самого себя навстречу выступает неизбежность того, что находящееся снаружи в физическом мире как собственная телесность должно было возникнуть и должно исчезнуть: навстречу выступает возникновение и исчезновение физического тела. Как бы обнаруживаешь, что существуют духовные силы и существа, которые здесь направляют и руководят возникновением этого физического тела, и, в свою очередь, существуют другие, которые его, это физическое тело, ликвидируют. И осознаёшь, где в физическом мире снова кристаллизуется это собственное возникновение и исчезновение. Ибо знаешь, что это возникновение и исчезновение связано, собственно говоря, с костной системой человека. С встраиванием костной системы в человеческое физическое тело вынесен приговор, так сказать, над формой, в которой человек переживает в физическом мире рождение и смерть. Как костная система выкристаллизована в человеке, так через это формирование и определено, как человек как существо возникает и исчезает. Ты не мог бы в физическом бытии существовать таким существом, каким являешься, если бы весь мир не взаимодействовал для уплотнения внутри твоего физического бытия твоей физической природы так, чтобы это выступило тебе навстречу как костная система. И мы учимся чтить в этой костной системе, как бы странно это не звучало,

правлящие универсальные мировые силы, которые находят своё духовное выражение во всех существах, сконцентрированных в солнечной жизни. Словно учишься познавать, как в мировой порядок основного плана был вписан человек, эта его костная система, и как иное, являющееся его физическими органами, словно подвешено к ней.

Так ясновидящее созерцание того, что становится теперь внешним миром, заканчивает созерцанием символа смерти, можно бы сказать, созерцанием снаружи костного человека. Ибо через эти ясновидящие процессы достигаешь наконец познания того, как духовные миры словно создали себе физический внешний символ, эти духовные миры, которым в действительности ты принадлежишь своим внутренним и в которые встроил себя, выйдя за пределы своего тела. И теперь мы знакомимся со своим существом вне своего тела. И именно на этой четвёртой стадии мы теперь также узнаём: когда мы совершаем в мире свои поступки, когда мы проводим в жизнь свою волю, тогда в нас это является силой, которая действует бессознательно на физическом плане и о которой собственно только теперь мы знаем: когда мы просто лишь продвигаемся вперёд и для этого продвижения вперёд нам служит механика нашей костной системы, тогда в этом процессе ходьбы принимают участие универсальные космические силы, силы, в которых мы только тогда находимся на самом деле, когда мы таким образом на четвёртой ступени переживаем себя вне нашего тела.

Представьте-ка себе, мои дорогие друзья: человек совершает прогулку и передвигает вперёд свои члены с помощью костной механики; он думает, что делает это для своего удовольствия. Чтобы было возможным существование сил, благодаря которым мы можем продвигаться вперёд с помощью нашей костной механики, необходимо присутствие всего мира, и весь мир должен быть пронизан (*durchwellt sein*) божественно-духовными силами, о которых мы узнаём только тогда, когда находимся на этой четвёртой ступени. В каждом нашем шаге сосуществует божественно-духовный космос; и между тем как мы полагаем, что это мы можем передвигать наши ноги, мы бы этого не могли, если бы не жили в духовном космосе, в божественном мире.

Пока мы находимся в физическом теле, мы повсюду направляем вокруг себя наши взгляды. Здесь мы видим существ минерального, растительного и животного царств,

видим горы, реки, моря, озёра, облака, видим звёзды, Солнце, Луну; то, что мы видим здесь снаружи, имеет внутреннее, и мы сами вступаем в это внутреннее, когда описанным образом живём вне своего тела. Живя здесь внутри, мы знаем: то, что духовно существует в них, что таится позади излучающего Солнца, позади сияющих звёзд, позади гор, рек, морей, озёр, облаков – это живёт в нашей костной механике, когда мы движемся, и это всё должно там быть. Тогда мы получаем также большее понимание того, что предшествовало. Как наша воля стоит в тесной связи с нашей костной механикой, так же наши чувства (Gefühle) находятся в тесной связи с нашей мышечной системой; эта мышечная система есть символическое выражение нашей эмоциональной системы. Для того, как построены наши мышцы, как наши мышцы позволяют нам сокращать себя и удлинять, чтобы благодаря этому с другой стороны вызывать костную механику, необходима планетная система, о которой мы разужнаём, когда находимся в своём астральном теле. В нашей мышечной системе живёт вся планетная система, равно как и в нашей костной механике – весь космос. То, что необходимо сказать соответственно о мыслях и восприятиях чувств, будет ещё сказано в следующих докладах.

Такие вещи даёт духовное познание. Отсюда мы видим, что это духовное познание действительно является не только чем-то таким, что даёт нам мысли и идеи, но что может пронизать всю нашу душу, так что благодаря этому мы действительно учимся познавать самих себя и становимся другими людьми во всём нашем чувствовании (Erfühlen) и мышлении. Ибо если тому, что изложено сейчас как опыт ясновидящего сознания, позволяешь действовать на свой характер и уплотняешь (zusammendrängt) в основное жизненное ощущение души, то как же может выразить себя это основное жизненное ощущение души? Как надо сказать, если хочешь кратко выразить то, что как внутреннее чувство жизни возбуждено в нас благодаря такому знанию ясновидящего исследования?

Посмотришь на то, что является, кажется, самым будничным, что является выражением нашего самого будничного настроения, и получишь нечто подобное тому впечатлению, которое выражено устами Капезиуса и Бенедикта в первых предложениях «Испытания души»: как в человеке словно струятся цели, которые установили себе божественно-духовные существа, как то, что божественно-духовные существа мыслили сквозь миры, втекает в природу

человека. И теперь это хочешь соединить в одном жизненном ощущении: всю человеческую природу созерцаешь иначе, чем прежде, и знаешь, что теперь эта человеческая природа совсем иначе проникнута божественным космосом, чем прежде. И сознание этого воспламеняется, укрепляется, усиливается и говорит с душевным и эмоциональным пониманием (Gefühlsverständnis): если хочешь понять человека, то это возможно только благодаря тому, что учишься познавать, как весь этот человек исходит из божественно-духовного!

Когда мы созерцаем его, как его чувствование втекает в его мышечную деятельность, как божественно-духовное, космическое втекает в его кости, как весь мир живёт в движении его костей, как в стягивании и расширении и ослаблении мышц живёт вся планетная система, если это промыслишь и прочувствуешь, тогда с пониманием скажешь себе: Да, человек рождён из божественного.

Ex deo nascimur.

(Из Бога рождаемся).

ВТОРОЙ ДОКЛАД

Вена, 10 апреля 1914 года

Вчера в связи с рассмотрением мышления, чувствования, желания и восприятия моей задачей было сообщить несколько эзотерических опытов, которые получает человеческая душа, когда она, исследуя духовно, живёт вне тела с намерением испытать нечто по поводу душевного нутра и его существования. Сегодня моей задачей будет привести такие переживания с другой стороны, поскольку действительно получить разъяснения по поводу этой жизни мы можем только тогда, когда рассматриваем её с различнейших духовных точек зрения.

В самом деле, представьте-ка себе, как вчера была предпринята попытка показать: что видит человеческая душа, когда она вне тела оглядывается сначала на собственную телесность и на то, что физически с ней связано, и что она переживает затем впоследствии, то есть, что переживает астральное тело и «я» человека, когда они всё больше и больше усиливаются в пространстве, в которое они словно вошли вне тела. Есть ещё другой путь для рассмотрения до некоторой степени того же самого. Для действительного духовного способа рассмотрения это ведь является как раз важным, что посредством духовного рассмотрения, собственно говоря, догадываешься о загадках бытия только благодаря тому, что рассматриваешь вещи с самых разных сторон. А именно, есть ещё другой способ выйти из тела. Я бы сказал, что охарактеризованный вчера способ показывает нам: душа при этом способе покидает тело так, что просто выходит из тела в пространство и там начинает жить вне тела. Выход из тела может происходить ещё следующим образом. Можно, чтобы найти путь из себя наружу, попытаться как раз сначала глубже войти в себя. Можно попытаться при опытах связать себя с тем, что в душе, я бы сказал, является наиболее подобным духовному опыту. Можно попытаться в переживаниях связать себя с нашей памятью. Ведь неоднократно говорилось: благодаря тому, что мы как человеческие души способны не только что-то воспринимать, мыслить, чувствовать и желать, но способны также сохранять мысли и восприятия как сокровище памяти, и благодаря этому мы преобразуем нашу внутреннюю жизнь по сути дела уже в нечто духовное. И в своём открытом докладе я указывал на то, что французский философ Бергсон (Bergson) пришёл уже даже к тому, что,

определив существующее в душе человека в качестве памяти, нельзя рассматривать его как что-то непосредственно связанное с телесностью, напротив, это необходимо рассматривать как некую душевную внутреннюю сущность, как нечто, что развивает душа, что существует чисто духовно-душевно.

И действительно, когда в ясновидческом сознании возникает имагинация, когда из тьмы духовного бытия всплывают первые впечатления, то эти впечатления по своему качеству, по всей своей сути очень похожи на то душевное содержание, которое существует в нас как сокровище памяти. Как образы воспоминания, но, однако напротив как нечто гораздо более духовное, выступают теперь в нас откровения из духовного мира, когда мы начинаем воспринимать ясновидящим сознанием. Тогда мы словно замечаем, что наше сокровище памяти – это первое действительно духовное, это первое, благодаря чему мы до некоторой степени уже выдвигаемся из нашего тела, и что мы затем должны идти дальше, чтобы извлечь из духовных глубин плавающие в духовном образы подобные тем, какие предлагает нам память – разумеется гораздо более оживлённые, – которые не принадлежат к нашим переживаниям, как представления воспоминания; мы замечаем, что нечто находится как бы за памятью. Это необходимо удерживать: нечто поднимается из чуждых духовных областей, в то время как сокровище памяти поднимается из того, что мы пережили в физическом мире.

Если же мы, восходя к нашему воспоминанию, попытаемся обратить духовный взор на переживания нашего «я» во время тех лет, которые мы пережили с момента нашего детства, если мы попытаемся не принимать во внимание ничего внешнего и полностью вжиться в себя, всё больше входя в свои воспоминания и извлекая из сокровища нашей памяти даже то, что обычно в нас не присутствует, тогда мы всё больше и больше приближаемся к моменту, до которого мы в состоянии себя вспоминать. И если мы такое предпринимаем часто, если мы даже овладеваем в этом определённым опытом – а это возможно – извлекать обычно очень давно забытые воспоминания, так что развиваем более интенсивную силу самовоспоминания, если мы всё больше и больше извлекаем забытое, и благодаря этому наша сила, которая воссоздаёт (*heraufschafft*) воспоминания, укрепляется, тогда мы увидим, что потом подобно тому как, я бы сказал, на лугу между отдельными зелёными стеблями

травы и травянистыми растениями возникают цветы, между воспоминаниями возникают образы, имагинации кое-чего, чего мы прежде не знали. Это нечто такое, что действительно возникает так, как цветы на лугу между травянистыми растениями, но что появляется из совсем других духовных глубин, нежели воспоминания, которые всплывают именно только из нашей собственной души. И тогда мы учимся отличать то, что могло быть как-то связанным с нашими воспоминаниями, от того, что таким образом всплывает из духовных подоснов и духовных глубин. И таким образом мы постепенно учимся вживаться в возможность развёртывать некую силу, извлекать духовное из его подоснов.

Но благодаря этому мы достигаем выхода из тела другим, чем описанный вчера, способом. При описанном вчера способе мы покидаем тело до определённой степени непосредственно. При подразумеваемом сегодня способе мы вначале проходим в обратном направлении нашу жизнь, пробегаем нашу жизнь. Мы погружаемся в нашу внутреннюю жизнь, привыкаем благодаря укреплению силы воспоминания извлекать между нашими воспоминаниями из духовного мира духовное в нашей внутренней жизни и таким образом достигаем, наконец, выхода за пределы нашего рождения, через последовательность времён за пределы нашего зачатия, в духовный мир, в котором мы жили, прежде чем связали себя в нашей нынешней инкарнации с физической наследственной субстанцией. Пробежав нашу жизнь, мы попадаем наружу, в духовный мир, назад во время, предшествующее вступлению именно в эту инкарнацию. Это другой способ покидать тело и входить в духовное. И этот способ обнаруживает большую разницу относительно описанного вчера. Хорошо уловите эту разницу, ибо именно в этом цикле докладов я должен сообщить вам многие тонкости и интимности духовной жизни. Однако очень трудно указывать на эти тонкости и интимности подходящими словами. И только тогда, когда пытаешься постичь именно такие различия, правильноходишь в вещи и получаешь о них достоверные мысли.

Если тело покидаешь так, как я сейчас описал, то выходишь из своего тела совсем иначе. Если выходишь из своего тела описанным вчера способом, то чувствуешь себя во внешнем пространстве вне своего тела. Я мог бы описать, как наполняешь собой внешнее пространство, как оглядываешься на своё физическое тело. Выходишь из себя и

словно заполняешь пространство, выходишь в пространство. Но когда переживаешь то, что я теперь имел здесь в виду, тогда выходишь из самого пространства, тогда пространство перестаёт для тебя иметь значение; покидаешь пространство и в таком случае существуешь всего лишь во времени. Так что при таком покидании тела перестаёт иметь смысл высказывание: Я нахожусь вне моего тела, – ибо «вне» указывает на пространственное отношение. Именно тогда не чувствуешь себя в одном и том же времени со своим телом, переживаешь себя во времени. В том времени, в котором находился перед инкарнацией, в прежнем времени. И тело созерцаешь как существующее после этого. Действительно существуешь в устремляющемся прочь, текущем времени. И вместо «снаружи» и «внутри» выступило «прежде» и «после».

Благодаря этому, через такое выхождение из своей телесности, ты действительно в состоянии проникнуть в области, которые мы переживаем между смертью и новым рождением. Ибо возвращаешься во времени, вживаешься в жизнь, которую прожил перед этой земной жизнью. И эта земная жизнь является нам такой, что мы говорим: Что же там существует в будущем, что же нам явится там как последующее? Здесь вы видите более подробное сообщение того, что я не мог так подробно привести в своём открытом докладе: как именно в конкретном входишь в области, которые проживаешь между смертью и новым рождением.

Итак, этим путём мы вышли из своего тела, возвратившись в завершённую прежде в духе жизнь, но вместе с тем мы вышли также и из пространства. Благодаря этому такое покидание тела – из нынешнего в более раннее – имеет гораздо более высокую степень внутренней жизни, чем другое покидание, и для духовного исследователя это описанное сейчас покидание тела является на самом деле бесконечно более важным, чем описанное вчера, которое не выходит из пространства. Ибо собственно то, что касается довольно глубокой внутренней сущности души, по сути, постигаешь только на описанном сегодня пути. И здесь я хотел бы вам прежде всего привести кое-что, из чего вы увидите, как надо пытаться проникать в интимности и тонкости человеческой жизни.

Здесь в физическом теле мы живём своей физической жизнью. Мы пользуемся своими органами чувств, воспринимаем мир, мы представляем мир, чувствуем в нём, пытаемся в этом мире придать себе ценность через свои

поступки, мы сознательно действуем посредством своего тела. Так протекает повседневная жизнь, так протекает жизнь, поскольку мы принадлежим физическому плану. Но каждому человеку, который поистине хочет почувствовать в себе своё человеческое достоинство, должна быть дана высшая жизнь; и высшая душевная жизнь давалась всегда. Религии, которые наполняли человека высшей жизнью, существовали всегда. Духовная наука в будущем наполнит человека такой высшей жизнью. Чего хочет эта высшая жизнь? Чего хочет эта жизнь, которая в мышлении, в чувствах, в ощущениях превышает то, что может предложить физический план, которая превышает то, что могут созерцать органы чувств, что можно мыслить своим связанным с мозгом рассудком, что можно совершать в мире своим телом, у одного $\left[\begin{smallmatrix} F^0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ только в смутных представлениях в религиозной области, у другого $\left[\begin{smallmatrix} F^0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ в ясных очерченных линиях духовной науки?

Человеческая душа склоняется к духовной жизни. Почувствовать в себе духовную жизнь, кое-что знать о такой духовной жизни – это превышает физическую жизнь и, по сути дела, только это даёт человеку его достоинство. Можно было бы сказать: пока человек пребывает в физическом теле, он пытается повисить своё достоинство, пытается преодолеть своё собственное назначение через жизнь, которую он представляет себе как превышающую физический мир, через предчувствие, ощущение и познание духовного мира. Обрати взор к духу, почувствуй, что духовные силы действуют сквозь физические миры: в сущности, это звучания, которые должны давать человеку религиозную и близкую к ней жизнь. И заботой воспитателя, серьёзно относящегося к подрастающему человеку, будет не позволить этому человеку подрастать так, чтобы он жил только внешними материальными представлениями, но прививать ему представления о сверхчувственном мире.

Упомянем теперь, не желая этим указывать на узко ограниченное или догматически суженное религиозных систем, упомянем то, что так вытягивает человека из этого физического мира, религию, и спросим относительно того, что мы описали как раз как выход человеческой души через рождение и зачатие в духовный мир, предшествующий земной жизни, когда душа выходит также и из пространства, спросим в противоположность этому: Есть ли между смертью и новым рождением в мире, в который мы вступаем так, как мы это охарактеризовали, нечто, что можно было бы назвать

религией той духовной страны? Есть ли там, по ту сторону нечто, что можно сравнить с религиозной жизнью на Земле? Мы уже описали в некоторых деталях и должны будем продолжить описание этих процессов, которые человек переживает между смертью и новым рождением. Но сейчас мы спросим себя: есть ли в этой духовной жизни нечто подобное религии? Нечто, о чём можно сказать: это относится к переживаниям, которые мы описываем для страны духа, так, как указания на сверхчувственный мир относятся к повседневной жизни физического плана?

Тот, кто выходит из своего тела описанным образом, тот осознаёт, что нечто подобное роду религиозной жизни есть также по ту сторону в этой стране духа. И как ни странно, в то время как переживаешь всё находящееся вокруг тебя в стране духа, духовных существ и духовные процессы, так же, как переживаешь здесь физических существ и физические процессы, там во время той жизни, или, по крайней мере, во время большей части той жизни между смертью и новым рождением, непрерывно имеешь перед собой также мощное духовное изображение (Gebilde), образ идеала человека. Всё, что превышает человека, здесь на Земле имеешь как религию. Там, в духовном мире, в качестве религии имеешь идеал человека. Учишься понимать, что различные существа разных духовных иерархий дают взаимодействовать своим замыслам и своим силам, чтобы постепенно в мировом потоке способом, описанным в моём «Очерке тайноведения», сформировался человек. Богам представляется как цель их творения идеал человека, а именно тот идеал человека, который на самом деле проявляет себя не так, как ныне физический человек, но так, как могла бы проявлять себя высочайшая духовно-душевная жизнь человека при совершенных развившихся способностях этого физического человека.

Так богам представляется образ человечества как цель, как высочайший идеал, как религия богов. И словно на отдалённом берегу божественного бытия парит для богов храм, который в качестве высочайшего художественного достижения богов представляет изображение божественного бытия в человеческом образе. И особенность состоит в том, что человек, когда он обучается в стране духа между смертью и новым рождением, с созерцанием этого храма человечества, этого высокого идеала человечества, постепенно становится там всё более зрелым. И в то время как здесь, на Земле, мы ощущаем религиозную жизнь так,

что она должна быть нашим свободным деянием, что мы должны извлекать её из себя, что для материалистического разума возможно даже отрицать религию, в стране духа между смертью и новым рождением это является обратным. Чем больше мы живём во второй половине периода между смертью и новым рождением, тем отчётливее стоит перед нами высший идеал человека, божественная цель миров, так что мы не можем не замечать его, так что он всегда находится перед нашим духовным взором. Здесь, на Земле, человек может быть атеистом, так как его душа может не замечать дух в отношении физического. Там невозможно, чтобы человек не созерцал божественную цель, ибо это твёрдо стоит перед его взором. Так, главным образом во второй половине жизни между смертью и новым рождением, стоит здесь, как на берегу бытия, то есть на берегу устремляющегося (*dahinströmenden*) времени – примите теперь все выражения так, что мы имеем дело со временем вне пространства, – так стоит здесь этот идеал человечества. Там не может быть дана религия познания, ибо познавать должны то, что является религиозным содержанием. То, что я сейчас охарактеризовал, по ту сторону является религиозным содержанием. Ни один человек не может быть нерелигиозным в таком смысле, что он якобы не имеет перед собой религиозный идеал страны духа. Ибо то, что здесь находится само собой, – это цель богов и представлена она как мощная, величественнейшая имагинация, когда мы вступаем во вторую половину нашей жизни между смертью и новым рождением. Но хоть мы и не можем по ту сторону развивать религию познания, однако некий род религии мы развиваем под руководством высших духовных существ, которые там действуют ради человека.

Но пока нас нельзя обучать познанию, созерцанию (*Schauen*), так как это ведь является само собой разумеющимся, наше желание, наше желающее чувство, наше чувствующее желание побуждаются во второй половине жизни между смертью и новым рождением действительно устремляться к тому, что мы здесь видим. В наше желающее чувство, в наше чувствующее желание втекают воля богов и чувство богов, чтобы во второй половине нашей жизни между смертью и новым рождением мы избрали путь в этом направлении. Конечно, для этой совсем иного рода жизни все выражения неуклюжи, и всё-таки можно использовать такое выражение: здесь нас обучают относительно нашего разума; но только когда

учитель действует через представление, здесь на Земле далее он воздействует на наше чувство. По ту сторону, когда в описанный момент середины между смертью и новым рождением ты перешагнул ещё дальше, когда перешагнул то, что в своей последней драме-мистерии «Страж Порога» я назвал часом полуночи, происходит так, что тогда сначала существует некоторое притупление и относительно желаний и чувствования по отношению к тому, что находится в далях времён подобно великолепному храму. Здесь божественные силы воспламеняют и пронизывают теплом наши внутренние возможности: это то обучение, которое непосредственно затрагивает наше внутреннее и проявляется так, что мы всё больше и больше приобретаем способность действительно стремиться пройти путь к тому, что мы созерцаем таким образом как идеал. В то время как в физической жизни мы можем стоять напротив учителя или воспитателя, и он может стоять напротив нас, и мы, собственно говоря, чувствуем себя однако так, что он говорит к нашему сердцу извне, мы чувствуем, что наши духовные воспитатели высших иерархий, воспитывая нас таким образом, как я это сейчас охарактеризовал, своим собственным силам позволяют струиться непосредственно в наше внутреннее. Земные воспитатели обращаются к нам, духовные воспитатели в жизни между смертью и новым рождением передают нам в наши души свою жизнь, воспитывая нас духовно религиозно. И таким образом мы всё больше и больше чувствуем их в себе – этих воспитателей из высших иерархий; так мы чувствуем себя связанными с ними всё интимнее. А благодаря этому наша внутренняя жизнь всё усиливается и укрепляется. Ты всё больше принят богами, в тебе всё больше и больше живут боги и помогают тебе, чтобы внутренне ты становился крепче и крепче! Это то, что как основное чувство проходит через эту жизнь между смертью и новым рождением, главным образом в своей второй половине. Итак, мы видим, что на основании этого всё в этой жизни нацелено на то, чтобы наши переживания протекали непосредственно в глубинах самой нашей души. Но теперь мы, обучаемые таким образом богами, приходим к определённом моменту переживания между смертью и новым рождением. Мы приходим к важному моменту. Это, я бы сказал, происходит в периоды отдалённых далей, когда мы видим идеал человечества; но силы, которые могут быть заложены в нас этими нашими божественно-духовными воспитателями, зависят от того, что мы сделали из себя в

ходе наших инкарнаций, в ходе нашей предшествующей человеческой жизни. И таким образом, в то время как мы живём, приближаясь к мировой полуночи, именно в середине между смертью и новым рождением, и всё продолжаем жить во времени и видим в отдалённых временах идеал человечества, мы находимся, наконец, в некой точке, в последней перспективе идеала человечества. Но находимся мы в этой точке так, что теперь должны сказать себе (мы себе это, конечно, не говорим, а переживаем это всецело внутренне, но необходимо высказать себе словами обычной жизни): В тебе действовали божественно-духовные силы, становились в твоей душе всё более внутренними и теперь живут в тебе; но теперь ты находишься в точке, когда ты больше не можешь пронизывать себя этими силами, ибо ты должен быть гораздо совершеннее, если хочешь продвинуться дальше, чем до сих пор.

И теперь наступает важный кризис. В этот момент к нам подступает тяжёлое искушение! Боги желали нам добра, они дали нам всё то, что прежде всего они могли нам дать, они сделали нас сильными настолько, насколько это было возможно по мере сил, которые мы приобрели себе в предыдущей жизни. Таким образом, эти данные нам богами силы существуют в нас, и к нам подступает искушение, которое нам говорит: Да, теперь ты можешь следовать за этими богами, ты можешь теперь всему тому, чем ты являешься, позволить как бы втекать в то, что боги тебе дали в силах, ты можешь войти в духовные миры. Ибо боги тебе дали очень много.

Можно полностью себя одухотворить: эта перспектива стоит перед тобой. Но это возможно, только отклонив свой путь от дороги к великому идеалу человечества, сойдя с дороги. Другими словами это означает: ты вступаешь на путь в духовные миры, забирая также в духовные миры все свои несовершенства. Там они уже превратились бы в совершенства. Они действительно это совершили бы. Смог бы войти с несовершенствами и стал бы с ними неким существом, поскольку был бы пронизан божественными силами. Но это существо должно было бы отказаться от задатков, которые оно всё же имеет в себе, но ещё не сформировало на своём прежнем пути и которые направлены к великому идеалу человечества – от них оно должно было бы отказаться. Каждый раз, прежде чем мы идём к земной инкарнации, к нам подступает искушение остаться в

духовном мире, войти (вступить) в дух и в развитии продвигаться с тем, что уже есть, что уже полностью пронизано божественным, и отказаться от того, что могло бы по-прежнему всё больше становиться человеком на пути к далёкому религиозному идеалу божественно-духовного мира. Подступает искушение стать нерелигиозным для страны духа.

Это искушение подступает так сильно тогда, когда Люцифер обладает такой большой властью над человеком, какой в развития человечества он не имеет никогда, кроме того момента, когда он подсказывает человеку: Теперь воспользуйся случаем, ты можешь остаться в духе, ты можешь всё то, что ты развил, перевести в духовный свет! И Люцифер стремится заставить душу, насколько это только возможно, забыть то, что ещё существует как задатки, что находится там в отдалённом храме на далёком берегу временного бытия.

Человечество в настоящее время таково, что человек не мог бы противостоять Люциферу в этот момент искушения, если бы духи, являющиеся противниками Люцифера, не взяли бы теперь на себя дела человека. И за душу человека происходит борьба богов, направляющих человека вперёд к своему идеалу, богов, исповедующих религию богов, с Люцифером. И результатом этой борьбы является то, что прообраз, который человек сформировал себе из своей земной жизни, выбрасывается из времени в пространство и магнетически притягивается пространственным бытием. Это и есть тот момент, когда через родительскую пару наступает то магнетическое притяжение, и когда человек предстаёт в пространственной сфере, привлечённый родством с пространственной сферой. Но благодаря этому вокруг человека закрывается всё то, что могло бы внушать ему искушение $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ остаться только в духовном мире. И это закрывание проявляется как раз в окутывании его телесностью. Его вставляют в телесность, чтобы он не видел, что хочет воздвигнуть перед ним Люцифер. И когда он окутан телесной оболочкой и отныне рассматривает мир через свои телесные органы чувств и свой телесный рассудок, он не видит того, к чему иначе, соблазнённый искусителем, он хотел бы стремиться в духовном мире, он этого не видит, он созерцает этот мир духовных существ и процессов извне, как они открываются для органов чувств и для связанного с мозгом рассудка. И когда он находится в чувственном теле,

его развитие берут на себя духи, способствующие его развитию.

И теперь спросим себя: Много ли между рождением и смертью происходит с нами в подсознательных глубинах души, многое ли происходит с нами без нашего ведома об этом? – Если бы мы могли направлять себя так, что всё осуществляли бы осознанно, то мы вовсе не могли бы завершить земное бытие. Я уже указывал на это в моей книге «Духовное водительство человека и человечества»: человек, вступая в физическую инкарнацию, должен сам вначале пластически работать в своей системе мозга и нервов. Он работает, но работает он в этом бессознательно. Это всё является проявлением гораздо большей мудрости, чем та, которую человек может постигать своим чувственным рассудком. Между рождением и смертью в нас царит мудрость, которая существует позади мира, которую мы созерцаем своими органами чувств и о которой мыслим с помощью нашего, связанного с мозгом рассудка. Она, эта мудрость, существует позади этого; между рождением и смертью она закрыта от нас. Но она царит, живёт и творит в нас в подсознательных глубинах души, и она должна, так сказать, взять дело в свои руки в этих подсознательных глубинах души человека, поскольку человек на некоторое время должен отойти прочь от вида, который был бы для него искушающим. Всё время, в течение которого мы живём в своём физическом теле, при обычных нормальных условиях без того чтобы нас провели как раз через заботливое обучение в духовном мире, если бы Страж порога не удерживал нас от созерцания в духовных мирах, всю нашу жизнь нас шаг за шагом искушали бы бросить наши ещё несовершенные, ещё не проявленные человеческие задатки и последовать разом вверх (Hinaufschwung) в духовные миры, но со своими несовершенствами. Нам необходим период нашей земной жизни, чтобы в это время быть удалёнными от искушения Люцифера.

До указанного момента, когда нас выводят в пространство, Люцифер ещё не имеет власти, ибо здесь всё ещё есть возможность продвигаться вперёд, но он подходит как раз в тот момент, когда мы дошли до решающей точки. Благодаря нашей предшествующей жизни мы не можем продвигаться дальше, а хотим отклониться с несовершенствами и остаться в духовном мире. Прогрессивные боги, противником которых является Люцифер, защищают нас от этого, удаляя от нас этот

духовный мир, закрывая его перед нами, и то, что должно в нас совершаться, исходя из этого духовного мира, осуществляют позади нашего сознания.

Так мы как люди стоим здесь в мире – со своим сознанием в своём физическом теле – и говорим себе: Благодарим вас, Боги! Из возможности знать нечто о мире вы позволили нам так много, как это как раз полезно для нас. – Ибо если мы заглядываем за порог того, что является горизонтом нашего сознания, то в любой момент находимся перед опасностью перестать стремиться к достижению цели нашего человечества. Из того более ясного, более высокого состояния сознания, в котором мы находимся между смертью и новым рождением, когда имеем вокруг себя духовные миры и духовных существ, когда мы находимся в духе, нас должны были переместить в мир пространства, чтобы в мире пространства окутать нас миром, который мы не в состоянии выдерживать, пока не пережили время между рождением и смертью, время, в котором благодаря тому, что мы были удалены от духовного мира, что этот духовный мир в этот период не воздействовал на нас, что вокруг себя мы имели только материальные вещи, мы снова получили новый импульс к далёким целям идеала человечества. Ибо в продолжение всего периода, во время которого мы живём на Земле, во время которого мы своим сознанием не заглядываем в духовный мир, в нас теперь снова действуют прогрессивные божественные духи, в то время как им теперь не мешает наше сознание, в то время как им не мешает то, что мы пытались следовать Люциферу. И они снова вливают в нас так много силы, что, проходя через врата смерти, мы вновь можем продвинуться на некую часть к идеалу человечества.

Кроме того, этими словами я указал на тайну, стоящую позади бытия человека. И я полагаю, что будет хорошим пасхальным ощущением посмотреть на те отношения жизни, которые больше достигаются через внутреннее выхождение из тела, посмотреть на отношения между смертью и новым рождением и жизнью, которую мы получаем впоследствии в физическом теле. Тогда мы смотрим на эту жизнь между смертью и новым рождением и обнаруживаем водительство благих божественно-духовных существ, помогающих нам продвигаться вперёд. Как в нашем прошлом в духе мы почитали этих божественно-духовных существ, мы и теперь между рождением и смертью понимаем по поводу нашего бытия в теле, что оно дано нам богами как дар, чтобы боги

некоторое время без нашего в этом участия могли заботиться ради нас о нашем дальнейшем развитии. В то время как мы воспринимаем мир, в то время как мы мыслим в мире, чувствуем в нём, желаем в нём, в то время как мы накапливаем сокровища нашей памяти, чтобы иметь в физическом бытии целостное существование, позади всего этого, позади этой нашей сознательной жизни работают духовно-душевные существа. Они направляют дальше поток времени. Они отпустили нас в пространство, чтобы в этом пространстве мы имели как раз столько сознания, сколько боги считают полезным дать нам его, когда они позади нашего сознания хотят дальше направлять наши судьбы к великому идеалу человечества, к идеалу религии богов.

Если мы посмотрим на наше внутреннее – теперь на то внутреннее, которое нашим сознанием мы вовсе даже не можем созерцать и исследовать при обычных условиях жизни, – и попробуем пронизать себя ощущением: в тебе здесь живёт нечто, чего ты, конечно, не видишь с помощью обычных сил человеческой жизни, но что является твоим глубочайшим душевным, внутренним; если мы стремимся обнаружить это в себе, это более глубокое, скрытое в нас душевное и попытаемся затем обнаружить, как в этом душевном, которое мы сами не направляем, царят боги, господствует в нас бог: тогда мы получаем истинное чувство о правящем в нас божестве. В действительности, я хотел высказать сегодняшние слова не столько ради их теоретического содержания, сколько ради того, чтобы возникло такое чувство, такое истинно пасхальное чувство.

Если душа, глядя на то, что она представляет собой, когда в пространстве словно выходит из себя, наполняя пространство, может знать и обучаться: Я родилась из божественного, – то благодаря сказанному сегодня она может ещё углубить это знание тем, что обнаружит: со всем тем, что я знаю, со всем тем, что доступно моей душе в восприятии, мышлении, чувствовании и желании, я родилась из более глубокого душевного, из того душевного во мне, которое находится ещё у божественного, протекающего во временном потоке, но протекающего вместе с божественным. Мы можем обнаружить некое знание, которое может проявиться в ещё более глубоком смысле, чем можно было бы подразумевать вчера в конце нашего рассмотрения. В ещё более глубоком смысле мы можем сегодня как результат нашего рассмотрения представить это высказывание: Из бога мы родились. Ибо мы обнаруживаем, что эта душа вместе с

тем, что она может знать о себе самой, рождается из божественного в каждый момент времени, так что наше глубочайшее внутреннее мы можем в каждый момент наполнять этим: Из бога мы родились.

Ex deo nascimur.

ТРЕТИЙ ДОКЛАД

11 апреля 1914 года

Сегодня мы должны прежде всего обратить наше внимание на отдельные конкретные результаты оккультного исследования, которые, с одной стороны, могут ввести нас в существо человека, но, с другой стороны, показывают нам, что за сложное существо в действительности этот человек, который встраивается в мир. Но, кроме того, мы можем думать о человеке иначе, чем о встраиваемом в мир довольно сложном существе, если примем во внимание, что изначальный идеальный образ человека, тот, которого человек может достичь, когда он действительно приведёт к развёртыванию все лежащие в нём задатки, по сути, является содержанием религии богов, и что, собственно говоря, все духовные существа различных иерархий, с которыми можешь знакомиться в связи с человеческой природой, позволяют своим целям взаимодействовать, чтобы, исходя из всего космоса, построить человека как смысл (Sinn) этого космоса!

Во-первых, следует сказать, что теми восприятиями, которые человек получает от внешнего мира так, как они являются ему в его сознании, он на самом деле воспринимает собственно лишь малую часть того, что здесь обрушивается на него. В то время как человек находится в физическом мире и его органы чувств открыты, он своим рассудком, связанным с его мозгом и с его нервной системой, рассматривает мир и пытается объяснить себе, что таким образом здесь входит в человека, но в действительности лишь малая часть того, что сюда устремляется, достигает на самом деле человеческого представления, в сознание человека действительно вступает лишь малая часть. В свете и в цветах, в звуке и так далее содержится гораздо больше, чем человек осознаёт. Внешний материалистический физик в своём детском мировоззрении говорит о том, что позади цветов, позади света и так далее существуют материальные процессы – колебания атомов и тому подобное. Именно об этом можно лишь сказать – детское мировоззрение. Ибо действительностью является следующее.

Мы должны человеческое восприятие исследовать ясновидящим взором, ибо понимание по поводу отношения человека к окружающему миру, который ему предстаёт, может исходить только от этого наблюдения действительного процесса восприятия, хоть мы и остаёмся лишь на физическом плане. Нечто в высшей степени своеобразное

обнаруживается, когда ясновидчески наблюдаешь процесс восприятия. Скажем, нечто воздействует на наши глаза, мы воспринимаем свет или цвет, следовательно, в своём сознании мы имеем ощущение света или цвета: удивительное, что открывается теперь через духовное исследование $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ это то, что в человеческом существе выступает не только этот свет или цвет, но что здесь как следствие света и цвета одновременно с этим ощущением светового или цветового образа в нас выступает, я бы сказал, некий род светового или цветового трупa. Наши глаза вызывают в нас световое и цветовое ощущение. Итак, мы могли бы сказать: свет притекает и вызывает в нас световое ощущение, но созерцая глубже в нашем существе, мы обнаруживаем, что, в то время как свет находится в нашем сознании, наше человеческое существо наполняется чем-то, что должно умереть в этом человеческом существе, чтобы мы могли иметь ощущение света. Мы не можем иметь извне ни одного восприятия, ни одного ощущения, без того чтобы сквозь это ощущение как бы не протискивался некий род возникновения трупa, выступающего как следствие этого ощущения. Духовное исследование должно как раз сказать: когда я созерцаю в себе человека, я знаю, что сейчас он ощущает красное. Но я вижу, что этот красный цвет, живущий в его сознании, словно изливает из себя нечто, и, поскольку это втекло в его кожу и в границы его эфирного тела, всё его существо пронизывается чем-то, что существует в цвете как труп, что убивает нечто в человеке. Представьте только себе, что, поскольку мы стоим противостоим физическому миру и наши органы чувств открыты, мы собственно всегда воспринимаем в себя трупы всех наших восприятий как фантомы, но действенные фантомы. Нечто всегда умирает в нас, когда мы воспринимаем внешний мир. Это весьма своеобразный феномен. И духовный исследователь должен спросить себя: Итак, что же здесь происходит? В чём же причина этого крайне странного феномена?

Здесь необходимо рассмотреть, как это собственно соотносится с тем, что втекает здесь в нас в качестве света. За этим светом стоит как раз многое. То, что обнаруживает свет, является словно лишь форпостом того, что втекает в нас. За светом стоит, разумеется, не то волновое движение, о котором фантазирует внешняя физика, но за светом, позади всех восприятий, позади всех впечатлений стоит прежде всего то, что мы постигаем только тогда, когда духовнонаучно созерцаем мир посредством имажинации,

посредством созидательных образов. В то мгновение, когда мы всё увидели бы, восприняли бы всё, что живёт в свете или в звуке, или в тепле, мы позади того, что доходит до нашего сознания, восприняли бы творческую имагинацию и опять же в ней $\left[\begin{smallmatrix} E \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ проявляющуюся инспирацию, и в ней – интуицию. То, что доходит до нашего сознания в качестве светового и звукового ощущения, является как бы самым верхним слоем, как бы только пеной того, что проникает (heranschwingt) в нас, но живёт в том, что, если бы оно дошло до нашего сознания, могло бы стать в нас имагинацией, инспирацией и интуицией.

Итак, в действительности мы имеем только четвертую часть от того, что втекает в нас, действительно данное в восприятии, другие три части проникают в нас, не доходя до нашего сознания. То есть в то время как мы присутствуем и получаем цветное ощущение, в нас проникают, словно через поверхность цветного ощущения, творческая имагинация, инспирация и интуиция и погружаются в нас. Когда мы исследуем их более подробно, этих трёх последних непрошенных гостей, то обнаруживаем, что, если бы эти имагинация, инспирация и интуиция так, как они стремятся через чувственное ощущение протолкнуться в наш организм, действительно вошли бы в него, они воздействовали бы так, что ещё во время периода нашей физической земной жизни между рождением и смертью вызвали бы в нас такое одухотворение, которое я вчера обозначил как возможный результат соблазна Люцифера. Эти имагинации, инспирации и интуиции воздействовали бы на нас так, что в нас возник бы порыв оставить покоящимся всё, всё, что существует в нас в задатках ради нашего стремления к далёкому будущему, к идеалу человека, и мы захотели бы одухотвориться со всем тем, какие мы суть. Мы захотели бы стать духовными существами на той стадии совершенства, которой мы достигли до сих пор посредством нашей предыдущей жизни. Мы определённым образом сказали бы себе: Стать человеком – это для нас слишком большое напряжение, мы должны будем в таком случае пройти ещё трудный путь в будущее. Мы бросаем то, что ещё лежит в нас как возможности на пути к человеку. Мы охотнее бы стали ангелом со всеми несовершенствами, которые мы несём в себе, так как тогда мы непосредственно восходим в духовный мир, тогда мы одухотворяем своё существо. В таком случае мы, разумеется, стали бы менее совершенными, чем могли бы стать в

космосе по своим задаткам, но мы становимся духовными ангелоподобными существами.

Здесь вы снова увидите на примере, как важно то, что называют порогом духовного мира, и как важно существо, называемое Стражем Порога. Ибо здесь он уже стоит в точке, о которой я как раз сейчас говорил. Он впускает в наше сознание только само восприятие и не позволяет входить тому, что, вступив в наше сознание как имагинация, как инспирация и как интуиция, вызвало бы в нас непосредственное стремление к одухотворению такими, какими мы являемся, с отказом от всей следующей жизни человечества. Это должно быть скрыто от нас, перед этим дверь нашего сознания закрывается, но в нашу сущность это проникает. И в то время как это проникает в нашу сущность $\frac{F0}{2D}$ однако мы не можем осветить это светом нашего сознания, $\frac{F0}{2D}$ и в то время как мы вынуждены спустить это в тёмные подосновы нашего подсознания, с другой стороны в наше существо входят духовные существа, противником которых является Люцифер, и в нас теперь возникает борьба между Люцифером, который посылает сюда свою имагинацию, инспирацию и интуицию, и теми духовными существами – противниками Люцифера. И при каждом ощущении, при каждом восприятии мы всегда созерцали бы эту борьбу, если бы для внешнего процесса восприятия не был установлен порог духовного мира, перед которым не закрывается только ясновидящий взор.

Отсюда вы видите, что, собственно, разыгрывается во внутреннем человеческой природы. Результатом этой происходящей здесь борьбы является то, что я охарактеризовал как некий род трупа, частичного трупа в нас. Этот труп является проявлением того, что в нас должно стать полностью материальным, как минеральное включение, чтобы мы были не с состоянием это одухотворить. Если бы посредством борьбы Люцифера и его противников не образовывался этот труп, то вместо этого трупа мы имели бы в себе последствие имагинации, инспирации и интуиции и непосредственно поднимались бы в духовный мир. Этот труп образует тяжесть, благодаря которой благие духовные существа, являющиеся противниками Люцифера, прежде всего, сохраняют нас в физическом мире, сохраняют так, что мы словно закутаны в то, что должно бы возникать в нас как стремление к одухотворению, чтобы за этой оболочкой мы стремились к истинному идеалу человеческой природы, всяческому развитию задатков, которые могут быть в нас.

Благодаря тому, что таким образом это включение, подобное этому фантому трупa, образуется в нас, что мы, воспринимая, в некоторой степени всегда пронизываем себя чем-то, что одновременно является трупом, благодаря этому во время процесса восприятия мы убиваем в себе этот всегда возникающий порыв (*Drängen*) к одухотворению. И в то время как образуется это включение, возникает то, на что я неоднократно намекал, и важно осознавать это во всём его значении.

Видите ли, если вы смотрите в зеркало, то имеете перед собой оконное стекло, но через это оконное стекло вы бы видели насквозь, если бы оно не было покрыто отражающим слоем. Благодаря тому, что оконное стекло имеет отражающий слой, отражается то, что находится перед зеркалом. Если бы вы перед своим физическим телом стояли так, что переживали бы, как, кроме восприятий, входят также и имажинации, инспирации и интуиции, то в таком случае вы видели бы сквозь физическое тело и пережили бы такое чувство, что сказали бы себе примерно так: Я не хочу иметь никакого дела с этим физическим телом, я его совсем не замечаю, но такой, каков я есть, я поднимаюсь в духовный мир. Действительно, физическое тело находилось бы перед вами как стеклянное зеркало, не имеющее покрытия. Но теперь физическое тело пронизано этим трупом. Это подобно покрытию зеркала. И теперь всё, что падает на него, отражается, но только так, как мы имеем это в чувственных восприятиях. Благодаря этому возникают чувственные восприятия. Наш постоянный труп, который мы несём в себе, является отражающим покрытием всего нашего тела, и благодаря этому мы сами себя видим в физическом мире. Так сложно созерцает себя человеческое существо.

Возьмём другой случай, когда мы не только воспринимаем, но и мыслим. Когда мы мыслим, тогда ведь чувственные восприятия не присутствуют. Чувственные восприятия могут быть для этого *побуждением*, однако подлинное мышление не протекает в чувственных восприятиях, но протекает более внутренне. Когда мы думаем, своим истинным мышлением мы не производим впечатлений на наше физическое тело, но пожалуй – на наше эфирное тело. Но в то время как мы мыслим, всё, заключённое в мыслях, опять же не входит в нас. Если бы всё, заключённое в мыслях, входило в нас, тогда всякий раз, когда мы мыслим, мы прежде всего чувствовали бы, как пульсируют в нас одни только живые элементарные

существа, мы чувствовали бы себя всецело внутренне оживлёнными. В Мюнхене я однажды сказал: Если бы кто-либо пережил живые мысли, какими они являются, то он почувствовал бы себя в мыслях в таком хаосе, как в *неком* муравейнике $\begin{bmatrix} F0 \\ 2D \end{bmatrix}$ всё было бы жизнью. В человеческом мышлении мы не воспринимаем эту жизнь, потому что к нам в сознание, наоборот, от этого приходит лишь словно пена и как раз образует теньевые образы мыслей, всплывающие затем в нас как наше мышление. Зато в наше эфирное тело посылается то, что наполняет мысли живыми силами. Мы не воспринимаем живых элементарных существ, которые проносятся здесь, но мы воспринимаем в мыслях как бы только экстракт, нечто подобное оттенку. Но другое, жизнь, входит в нас и, входя в нас, в свою очередь пронизывает нас так, что в нашем эфирном теле вновь возникает борьба, теперь борьба между прогрессивными духами и Ариманом, ариманическими существами. И проявляется эта борьба в том, что мысли в нас развёртываются не так, как они развёртывались бы, если бы были живыми существами. Если бы они развёртывались так, как они действительно существуют, то мы почувствовали бы себя в жизни мыслесуществ: они передвигались бы туда-сюда – но это мы не воспринимаем. Зато наше эфирное тело, которое иначе было бы совсем прозрачным, становится как бы непрозрачным; я бы сказал, оно становится таким, каким примерно является дымчатый топаз, который наполняют тёмные слои, между тем как сам по себе кварц полностью прозрачен и чист. Итак, наше эфирное тело наполняется духовной темнотой. То, что в таком случае наполняет наше эфирное тело, является нашим сокровищем памяти.

Сокровище памяти возникает благодаря тому, что в нашем эфирном теле – благодаря упомянутым процессам – снова как бы отражаются мысли, но теперь отражаются во времени, вплоть до момента, именно до которого мы вспоминаем себя в физической жизни. Это отражённые мысли, которые мы имеем в памяти, мысли, отражённые из времени. Однако здесь, глубоко внизу в нашем эфирном теле, позади памяти, работают благие божественно-духовные существа, противником которых является Ариман, и здесь они создают, строят те силы, которые снова могут оживить то, что умерло в физическом теле через прежде охарактеризованные процессы. Итак, в то время как в нашем физическом теле создаётся труп, который и должен создаваться, так как иначе мы имели бы стремление

одухотвориться со всеми недостатками, которые мы несём в себе, из эфирного тела исходит нечто, возбуждающее жизненную силу. Так что теперь в будущем может быть оживлено то, что здесь было убито.

Но только теперь мы осознаём, какое значение имеет прошедшее и последующее. То есть, если бы мы изживали в нашем непосредственном настоящем времени имажинации, инспирации и интуиции, которые в нас проникают, то последовали бы за Люцифером и одухотворили бы себя. Но благодаря тому, что они выбрасываются в будущее, что в настоящее время они не проявляются, но сберегаются как зародыш для будущего, благодаря этому они снова приобретают свою истинную сущность. То, чем мы злоупотребили бы в настоящее время, мы используем в будущем, когда пройдем через врата смерти, для того, чтобы построить себе новую жизнь, исходя из духовного мира. То, что побуждало бы нас, если бы мы применили это в физическом мире, к одухотворению с нашими недостатками, после смерти в качестве сил побуждает нас снова отправиться в физическую земную жизнь. Настолько противоположно действуют вещи в разных мирах.

Так происходит с нашим мышлением. А теперь рассмотрим наше чувство. Конечно, то, что мы несём в себе как нашу эмоцию, наше чувство, как наше ощущение, это опять происходит не так, как собственно могло бы быть по всей своей внутренней сути. То, что мы несём здесь в себе как эмоцию, что осознаём как эмоцию, в действительности снова является лишь тенью того, что на самом деле живёт в нас, так как в нашей эмоции также живёт духовное существо. Если вы вспомните о том, что я сказал в первом докладе, то ощутите, что в этом живут духовные существа, которые в действительности лежат в основе всей планетной системы, только они не доходят до нашего сознания. Эмоция, насколько мы её знаем, доходит до нашего сознания, остальное остаётся вне нашего сознания. Что собственно это означает: остальное остаётся вне нашего сознания? На самом деле очень трудно, исходя из обычного языка, найти слова, которые это точно характеризуют. Как необходимо сказать: Воспринимание и мышление производят в нас нечто, что, по сути дела, подобно умерщвлению – разумеется, во время мышления через противодействие одновременно $\boxed{\begin{smallmatrix} F_0 \\ 5B \end{smallmatrix}}$ производится $\boxed{\begin{smallmatrix} F_0 \\ 5D \end{smallmatrix}}$ некий род возжигания к некоему будущему оживлению, – так же мы должны сказать: Каждая эмоция, находящаяся в нас, каждая эмоция,

выступающая в нас, в действительности рождается в нас не полностью, не полностью доходит до существования. Если бы всё, находящееся в нас, когда мы чувствуем, обнаруживалось, то живущее там, в эмоции, охватило бы нас совсем иначе, совсем иначе пронизало бы силами (*durchkraften*). То, что находится за эмоцией, что превращает эмоцию в живое существо (*Lebenwesen*), в живое существо, чью жизнь питает вся планетная система, это не обнаруживается непосредственно. Эмоция в свою очередь выходит из нас подобно тени того, чем она является в действительности. Это является причиной того, что $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ если с более глубоким ощущением человечности (*Menschheitempfindung*) настолько верно находишь вход в свой эмоциональный мир $\begin{matrix} F^0 \\ 2D \end{matrix}$ в отношении всякой эмоции ощущаешь в действительности нечто неудовлетворяющее. В отношении каждой эмоции ощущаешь, что она могла бы усилиться, она могла бы выступить сильнее. Именно в отношении эмоции получаешь нечто подобное скрытому переживанию: она могла бы нам передавать гораздо больше из того, что находится в ней, она утаивает нечто из того, что живёт в наших глубинах, что существует в глубине души и что выходит рождённым лишь наполовину.

Если же мы входим в нашу волю, во всё то, что может быть в нас желанием и волей, то здесь это существует точно так же, как и у эмоции, но только в более высокой мере. Только что здесь за волей стоит духовное существо (*Wesenheit*), основное существо, которое живёт собственно в Солнце. Не только то, что живёт в планетах, но то, что живёт во всём Солнце, живёт здесь в воле и вместе с тем внутри (*lebt da im Willen auch mit darin*). Но это скрывается. Воля рождается ещё гораздо меньше, чем эмоция. Воля пронизала бы нас совсем, совсем иначе, если бы всё, что в ней заключено, проявилось бы в нашем сознании. На самом деле обнаруживается только самая внешняя поверхность воли, только самый поверхностный образ пены (*Schaumgebilde*) воли. Остальное остаётся от нас скрытым. И почему, собственно говоря, в эмоции и в воле остаётся от нас скрытым весь мир? Потому что то, что от нас скрывается, мы не смогли бы выдержать, если бы это созерцалось, исходя из физического плана. С точки зрения физического плана это выглядело бы так, что мы захотели бы это отвергнуть, захотели бы отвернуться от этого.

То, что живёт в эмоции и в воле и является скрытым, – это будущая карма. Скажем, беря конкретный пример, что

мы имеем по отношению к кому-либо враждебное чувство. Конечно, то, что доходит до нашего сознания в этом враждебном чувстве, – это как раз только внешняя игра волн. Здесь внутри находятся силы, которые распростёрлись по всей планетной системе. Но остающееся скрытым от нас – это как раз то, что говорит нам: Через своё враждебное чувство ты возвращаешь в себе нечто несовершенное, которое ты должен исправить. – В то мгновение, когда всплыло бы то, что сосуществует здесь внизу, перед нами всплыла бы имажинация того, чем в карме должно быть возмещено враждебное чувство. И мы связали бы себя с Люцифером и Ариманом, чтобы отказаться от этого возмещения, так как судили бы с точки зрения физического плана. Но на физическом плане это скрывается от нас; Страж Порога скрывает это от нас по той простой причине, что о тех вещах, которые не проявлены в нашей эмоции и в нашей воле, мы можем судить только тогда, когда живём в духовном мире между смертью и новым рождением. Там мы стремимся к тому, к чему иначе мы бы никогда не стремились, там мы хотим, чтобы то, что соответствует враждебному настроению, действительно компенсировалось, потому что здесь мы имеем истинный интерес к содержанию религии богов, к совершенному идеалу человечества, который хочет сделать из нас совершенного человека. От него мы знаем, что через противопоставленное выравнивание должно быть возмещено то, что было вызвано враждебным чувством. Это должно оставаться сохранённым после смерти ради будущего, и только потом может обнаружиться то, что является нерождённым в наших эмоциях и в нашей воле.

Итак, вы видите, я представил вам, я бы сказал, четыре части ядра человеческой души. То, что от нашей эмоции пребывает нерождённым, живёт в астральном теле; то, что остаётся нерождённым от воли, живёт в «я». Итак, воспринимая внешний мир, мы имеем в себе нечто подобное физическому труп-фантому, который для нашего физического тела является в действительности отражающим слоем. Мы имеем в себе некое включение, как бы затемнение (Durchdunkelung) эфирного тела. Мы имеем в себе нечто в астральном теле, что не рождается в период между рождением и смертью, и мы имеем в нашей воле нечто, что в этот период не приходит к рождению. – Эти четыре части, которые человек несёт в себе, должны сохраняться для времени между смертью и новым рождением. Но это живёт в нас в качестве нашего душевного ядра с той же

достоверностью, с какой в растении находится зародыш для следующего года. Итак, вы видите, что мы можем говорить о душевном ядре не только в общем, но мы можем постигать это душевное ядро даже в его четырёхчленности. Если мы, скажем, имеем в себе некое ощущение, доставляющее нам главным образом изнутри неприятное чувство, если мы не вполне согласны с нашей жизнью, то это происходит вследствие того, что нерождённая часть ощущений оказывает давление на осознаваемую часть ощущений. Как же можно удерживать это давление? О, видите ли, это давление есть нечто такое, под угрозой чего человек, собственно говоря, находится постоянно. Ибо то, что я вам сейчас охарактеризовал, приводит нас к внутренней дисгармонии, поскольку это касается эмоции и воли, то есть того, что в действительности так верно представляет нашу внутреннюю душевную жизнь в смысле первого доклада. Если бы царило правильное созвучие между рождённой частью эмоции и воли и тем, что остаётся за порогом сознания, если бы сохранялось соответствующее соотношение, настоящая гармония, мы проходили бы через этот чувственный мир как удовлетворённые в чувственном мире и умелые люди. Здесь, по сути дела, заключается основа всех внутренних недовольств. Если кто-то имеет внутренние недовольства, то приходит это от давления неосознаваемой части чувствования и желания.

К изложенному я должен теперь добавить, что относительно всех этих обстоятельств, которые я сейчас охарактеризовал, сущность человека в ходе своего развития, разумеется, изменилась. Именно так, как я охарактеризовал эти вещи, это собственно происходит в наше время. Дело не всегда обстояло так. В древние времена развития человечества, скажем во время первоначальной персидской, египетской и древней индийской эпохи, это было иначе. Ну конечно, тогда точно так же проникали (flößen) внутрь восприятия, и в них содержались имажинации, инспирации и интуиции, но для древних времён эти имажинации, инспирации и интуиции не пребывали в людях настолько безрезультатно, как сегодня. Они не убивали так полностью внутреннее физическое человека, они не вколачивали никакого плотного минерального элемента, и это происходило оттого, что в эти древние времена, когда при определённых условиях приходили извне восприятия, с другой стороны, из эмоции и воли, всходило нечто. Когда, например, мы возвращаемся в древние времена египетской,

вавилонской культуры и там рассматриваем людей, то именно эти люди воспринимали совсем иначе. Они, как и мы, разумеется, противостояли внешнему чувственному миру, но их тело было ещё так организовано, что скрытые в чувственных восприятиях имагинации действовали ещё не полностью убивая, но они проникали в человека с определённой живостью. Но благодаря тому, что они проникали живыми, они вызывали в человеке отражение того, что ныне остаётся полностью скрытым для нас в «я» и в астральном теле. Духовные существа солнечного и планетной системы пробивались изнутри навстречу и до определённой степени отражали то, что оживлялось через имагинацию. Так что для представителя древней египетской, вавилонской культуры были даны определённые периоды воспринимания, когда он, если он направлял взор наружу, в физический мир, имел физические восприятия не только такими, какими их имеем мы, но и оживлёнными. Он знал, что за этим находится нечто, что изживает себя в имагинациях. Поэтому он и не был так безрассуден, чтобы по примеру наших современных физиков предполагать позади восприятий материальные колебания атомов, но он знал, что за этим существует жизнь, и из его внутреннего, излучаясь навстречу, всплывали образы живого звёздного неба, и даже Солнца. Особенно сильно это существовало во время персидской культуры, когда действительно при внешнем восприятии вспыхивало нечто подобное внутренней духовной солнечной силе – Аура Маздао!

Возвращаясь в ещё более древние времена, мы обнаруживаем это взаимодействие, эту встречу внутреннего и внешнего выраженной гораздо сильнее. Сегодня это уже невозможно, но тут может существовать некая замена, и здесь мы приходим к некоему моменту, когда мы, я бы сказал, исходя из самого предмета, действительно можем понять наши задачи внутри антропософского мировоззрения. Должна быть создана замена. С нашими восприятиями мы противостояем внешнему миру. Мы о нём думаем, когда некая часть этого мира остаётся скрытой от нас и действует на нас, убивая и затемняя. Но то, что здесь умерщвляется и затемняется, мы можем оживить благодаря духовной науке. И именно через оживление того, что обычно умерщвляется и затемняется, возникает такая наука, как она представлена в своём развитии через развитие Сатурна, Солнца и Луны в моём «Очерке тайноведения». Это знание о сатурническом, солнечном и лунном развитии имеет каждый человек, только

это находится в подосновах его сознания. Он не захотел бы быть земным человеком, если бы он созерцал это так сразу, без необходимой подготовки. Он захотел бы, чтобы Земля его вовсе не касалась и он мог бы закончить лунным развитием. Всё то, что мы можем получать в познаниях через духовную науку, проливает нам свет на то, что, проникая в нас, из развития прошлого остаётся от нас скрытым. Ибо то, что в имагинациях, инспирациях и интуициях живёт здесь снаружи в чувственных ощущениях и не входит, это в действительности, при рассмотрении этого через покров чувственных ощущений, является тем, что мы пережили в прошлом.

Несколько иначе происходит с тем, что живёт в нашем чувствовании и в желании. Человек может – и многие люди современности ведь имели стремление сделать это – сказать: О, какое мне дело до всего того, что здесь выдумывают или выдумывали эти хитрые головы о сверхчувственном мире. Я не воспринимаю такие представления. – Кто так говорит, тот никогда не имел понятия о том, почему собственно религии вошли в мировое развитие. Это ведь общее всех религиозных представлений, что они касаются вещей, которые человек не может воспринимать чувственно, что в религиозных представлениях человек должен наполнить себя чем-то, что он не может воспринять чувственно. Представления, приходящие от того, что можно воспринять чувственно, никогда не смогут для нашего чувствования и желания дать нам импульс, который является ударной силой после смерти. Чтобы могло действовать то, что является в нас нерождённым в нашей эмоции и в нашей воле, так как это ведь должно действовать после нашей смерти, для этого нам не нужны представления, которые мы можем усваивать через наши чувственные ощущения или через рассудок, связанный с мозгом – они нам ничем не помогут. Лишь только те представления, которые соответствуют тому, чего не существует внешне, которые, если мы их принимаем, делают нас благочестивыми, и благодаря которым мы смотрим в духовный мир, дают нам импульс, центробежную силу, в которой мы нуждаемся после смерти. Представлять религиозное означает: представлять то, что сейчас ещё не может действовать в нас, но что является действующей силой после смерти. С помощью религиозных представлений мы воспринимаем не одни лишь познавательные представления, но нечто, что может действовать после нашей смерти и что именно поэтому сейчас должно находиться в физическом

теле так, что тот, кто не стремится рассчитывать на такие действующие силы, может над этим смеяться и отклонять это своим материализмом. Однако, если он не пронизывает себя представлениями о сверхчувственном, он имеет лишь парализованную силу, которая способствует развитию того, что находится нерождённым в его чувствовании и желании.

Поэтому необходимо так часто подчёркивать: прошедшее озаряется ясновидящим сознанием. В настоящее время это снова обнаруживается также потому, что за покровом чувственного мира это существует как имажинация, инспирация и интуиция и воздействует на чувственный мир. Прежде это было дано человеку в качестве религиозной веры, чтобы люди не потеряли всю энергию (Schwungkraft) для периода после смерти, чтобы имели в душевном ядре кое-что, что может сохранить человека живым, даже когда он покинул физическое тело. Теперь наступило время, когда люди, исходя из понимания, из понимания духовной науки должны усвоить представления о сверхчувственных мирах. Поэтому надо всё время подчёркивать: Исследовать эти вещи в сверхчувственных мирах можно только будучи духовным исследователем. Но если они исследованы и сообщены, то очень глубоко в нашей душе есть нечто, что является тайным языком этой души и что может понять, постичь то, что разузнал духовный исследователь. И только тогда, когда имеют место предубеждения рассудка и чувств, то, что даёт духовный исследователь в качестве сверхчувственных представлений, рассматривается как бессмыслица, как глупость и как фантастика, но если это воспринимается, то это даёт нам энергию для душевного ядра, чтобы оно могло найти в космосе свои пути во все будущие времена. Исследовать содержание духовного мира всегда будут только те, кто прошёл эзотерическое развитие. Знать это содержание, проработать его внутренне в сознании, иметь его в идеях и понятиях, обладать им как достоверностью бытия души в духовном мире – это нечто такое, в чём люди будут нуждаться всё больше и больше как в необходимой духовной пище.

Это то, что показывает нам, как можно, исходя из обстоятельств, понимать миссию нашего антропософского движения. В древние времена это было именно так, что сознание оживлялось сверху и к этому сознанию снизу приходило навстречу содержание. Поэтому древние ещё имели непосредственное восприятие духовных миров, которое однако всё больше и больше затемнялось и

приглушалось. Если бы оно не приглушалось и не затемнялось, то человек не пришёл бы к полному осознанию своего «я». К полному осознанию своего «я» человек может приходиться только благодаря тому, что он в самой высокой мере образует внутри своего физического тела тот фантом-труп, о котором я говорил. В некоторой степени наше физическое тело будучи прозрачным существом должно быть полностью покрыто отражающим слоем, и только тогда, когда оно полностью покрыто, мы можем всецело ощущать себя так, что говорим: «я» есть «Я». Однако это полное покрытие образовывалось лишь долго и постепенно. Оно образовывалось в ходе развития человечества, и это образование было завершено в период, который приходится на Мистерию Голгофы. Тогда отражающий покров был готов. Прежде здесь всё ещё встречались верхнее и нижнее, здесь сходились в человеческом существе верхнее и нижнее. Но верхнее и нижнее, я бы сказал, были полностью вытеснены благодаря тому, что был завершён отражающий покров, и человек воспринимал из физического тела лишь отражение. Это произошло лишь тогда, когда событие Голгофы вошло в развитие человечества.

Что же собственно тогда произошло? Что ж, посмотрим очень тщательно на то, что тогда произошло! Представьте себе правильно этих древних людей во времена до Мистерии Голгофы, представьте себе это сознание! Тогда оживление приходило снаружи внутрь от имажинаций; изнутри восходили образы внечеловеческого (au^{F0}₆₂ßermenschlichen) духовного мира. Чем же являлись эти образы, которые тогда восходили в человеке? Как мы знаем, это было возможно в древние времена при приглушённом человеческом состоянии сознания. Те, кто осознавали эти вещи, кто в древние времена как посвящённые были в состоянии заглядывать в человеческую душу, когда в ней ещё жила эта встреча оживлённой имажинации извне и созерцания изнутри, они не говорили: Человек созерцает это самостоятельно, – но эти древние посвящённые говорили: Это в своём мире в человеке созерцает, например, Ягве или Иегова, как это происходило у древних иудеев. Бог мыслит в человеке. Как сегодня в нашем цикле развития мы, когда мыслим, говорим: Я думаю, – так те, кто знал эти вещи в древние времена, когда созерцания всплывали из духовного мира, говорили: Боги мыслят в нас. – Или когда в монотеизме признавали единство божественного: Ягве мыслит в человеке. Человек – это арена

божественных мыслей. – Люди осознавали себя наполненными, так что они говорили: Во мне мыслят Боги.

Но в человеческом развитии заложена необходимость того, чтобы всё это стало невозможным. Я бы сказал, в человеческой природе наступает мрак относительно созерцания, относительно мыслей Богов. Внутренний труп-фантом становится всё сильнее, всё значительнее. Пришло время, когда из человеческой природы навстречу Богам никакие мысли уже не всплывали. Тогда те божественные существа, о которых можно сказать, что они мыслили через человеческих существ, чувствовали, что их сознание – ибо их сознание ведь состоит из их мыслей – становилось всё более приглушённым, более сумеречным. И в этом божественном бытии возникло стремление открыть новую форму сознания. Люди приходят к другой форме сознания. Боги, создавая новую форму сознания, вместе с этим создали нечто существенное; для них с этим возникает нечто существенное. И для подразумеваемого теперь божественного существования, которое почувствовало, что его сознание затемняется, этим представшим здесь существенным был – Христос. Христос – это дитя Божества, которое вновь восстанавливает сознание Божества в человеческом существе. Так должно было существо Христа вступить в человеческое существо.

И мы должны осознать: воспринимая чувственный мир, мы постоянно включаем в себя умирание. Мы постоянно включаем в себя тьму и затемнение, мысля об этом мире. И, чувствуя и желая, мы оставляем включённым в себе нерождённое. Всё это находится внизу в подосновах нашего сознания, сюда мы позволяем втекать нашему умиранию и нашему ещё нерождённому, тому, что мы можем использовать только после того, как умрём. Но это было бы парализовано, если бы мы не смогли погрузить это в Существо, которое Божество родило для себя как Существо нового сознания, если бы мы не смогли дать этому втекать в Существо Христа.

Мы можем иметь это сознание, реально познавая через духовную науку смысл всей эволюции: Да, мы посылаем сюда вниз в подсознательные основы то, что умирает в нас. Но это умирание, которое мы всё больше и больше погружаем в своё собственное существо, воспринимает оживляющий нас Христос (*von dem uns entgegenlebenden Christus*). Христос оживляет в нас то, что в нас умирает, затемняется в нас, остаётся нерождённым. Мы даём умирать в нас внизу

(hinuntersterben) тому, что должно умереть, чтобы мы со всеми нашими задатками приблизились к истинному идеалу человечества. Но то, что мы вливаем в себя как умирание, мы вливаем в Существо Христа, так как со времени основания христианства Оно пронизывает человеческую эволюцию. И мы знаем, что остающееся в нас нерождённым, наши чувствования и желания, воспринимается субстанцией Христа, в которую это погружается после смерти.

Здесь в нас живёт Христос, с тех пор как Он пережил Мистерию Голгофы. В Христа мы погружаем умирание, имеющее место с каждым восприятием. И в сущность Христа мы погружаем затемнение при мышлении. В свет, духовный солнечный свет Христа мы погружаем наши затемнённые мысли. И когда мы проходим через врата смерти, погружаем в субстанцию Христа наши нерождённые эмоции и нерождённые желания. Если мы правильно понимаем развитие, то скажем об этом развитии: Мы умираем во Христе.

In Christo morimur.
(Во Христе умираем)

ЧЕТВЁРТЫЙ ДОКЛАД

Вена, 12 апреля 1914 года

Во втором прочитанном здесь открытом докладе я попытался в общих чертах, насколько это возможно именно в открытом докладе, охарактеризовать жизнь, как она протекает для человека между смертью и новым рождением. Тем, что там выступает нам навстречу, мы ещё займёмся более углублённо в двух последующих докладах, углублённо главным образом благодаря тому, что это должно предстать нам так, чтобы оно всё больше и больше проясняло жизнь и здесь в физическом мире. Но чтобы прийти к такому углублению изложения, необходима подготовка, которую надо было дать в трёх предыдущих докладах и с другой стороны в сегодняшнем. Именно эти доклады дают нам способ дальше углубить открытый доклад.

Я неоднократно тут или там говорил нашим друзьям, что человек, если он хочет познакомиться с духовными мирами и научиться понимать их – а в духовных мирах мы ведь живём между смертью и новым рождением, – во многих отношениях должен усваивать понятия и представления, которые вовсе нельзя получить из переживаний и опыта на физическом плане, но которые, если человечество их всё больше и больше будет усваивать, будут приобретать бесконечную важность, становящуюся всё большей как раз и для жизни на физическом плане. Сначала мы уясним себе разницу переживания в духовном мире и переживания на физическом плане, которая, собственно говоря, когда она выступает перед душой в первый раз, должна в высшей степени поражать и казаться странной, так что очень легко может случиться, что мы поверим в то, что понять такие вещи можно лишь с трудом. Но чем больше мы будем вживаться в духовную науку, тем скорее увидим, что такие вещи становятся для нас всё понятнее и понятнее.

Когда мы идём через физический план и позволяем воздействовать на себя переживаниям физического плана, нам, если мы размышляем об этом, ведь совершенно особо должно бросаться в глаза одно. Это тот факт, что на физическом плане мы имеем пред собой то, что мы называем реальностью, что мы называем бытием, существованием, действительностью. Можно сказать: чем менее духовен человек, тем больше он строит на том, что имеет перед собой на физическом плане как напрашивающуюся реальность. Иначе обстоит дело с тем, что мы стремимся усвоить на

физическом плане как наше знание, наше познание действительности. Прежде всего, мы, будучи детьми, вообще должны быть сначала воспитаны для развития способностей, чтобы овладеть знанием, познанием физического плана, и, кроме того, должны работать всё дальше и дальше. Приобретение познаний имеет предпосылкой духовную работу. Природа, то есть внешняя действительность, не даёт из себя самой то, что вложено в неё как мудрость, что вложено в неё как её закономерности. Мы должны овладевать знанием этой мудрости, этой закономерности. И ведь всё человеческое стремление к знанию состоит в том, чтобы из пассивно воспринятых переживаний и опытов активно овладевать тем, что как мудрость и как закономерность встроено в вещи. Дело обстоит совсем иначе, когда либо посредством упражнений, ведущих к духовному исследованию, либо, проходя через врата смерти, проходишь в духовный мир. Разумеется, связь человека с духовным окружающим миром не при всех обстоятельствах такова, какой я её сейчас опишу, но она такова в важные моменты, при важных переживаниях. Ведь даже во время нашей жизни на физическом плане происходит так, что мы не всегда изнуряем себя работой относительно познаний, но также прерываемся в этой работе. И то, что я сейчас опишу, тоже не является непрерывным принуждением в духовном мире, но временами в духовном мире это необходимо для нас.

Поразительно именно то, что человеку в духовном мире недостаёт не мудрости. В чувственном мире можешь быть глупцом, а в духовном мире, когда просто переносишься в этот духовный мир, мудрость в своей реальности так и притекает к тебе. Мудрость, то, чем мы с трудом овладеваем в физическом мире, что мы должны приобретать изо дня в день, если хотим её иметь, в духовном мире мы имеем так, как имеем вокруг себя природу в физическом мире. Здесь это всегда существует и существует с избытком. До некоторой степени мы можем сказать: Чем меньше мы овладели мудростью на физическом плане, тем обильнее эта мудрость устремляется к нам на духовном плане. Но теперь на духовном плане в отношении этой мудрости мы имеем определённую задачу.

В последние дни я вам говорил о том, что на духовном плане имеешь перед собой идеал человечества – содержание религии Богов. На духовном плане нельзя не иметь возможности использовать там своё желание (то есть теперь желание $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ чувствующее желание, желающее чувствование),

желание и чувствование таким образом, чтобы постоянно уменьшать мудрость, всегда непрерывно притекающую и существующую, подобно явлениям природы в физическом мире, чтобы от неё постоянно нечто отнимать. Необходимо иметь эту способность – всё больше и больше отнимать от мудрости, которая там выступает навстречу. Здесь, на физическом плане, мы должны становиться всё мудрее и мудрее, там мы должны стараться применять своё желание, своё чувствование так, чтобы всё больше и больше отнимать от мудрости, затемнять её. Ибо чем меньше мы там отнимаем от мудрости, тем меньше находим сил, чтобы пропитать себя этими силами таким образом, чтобы приблизиться как реальное существо к идеалу человечества. Это приближение должно состоять в том, чтобы мы всё больше и больше отнимали от мудрости. Отнимаемое здесь мы можем преобразовать в самих себе, так что преобразованная мудрость становится жизненными силами, которые приводят нас к идеалу человечества. Эти жизненные силы мы должны приобрести в этот период между смертью и новым рождением. Мы правильно идём навстречу новому воплощению только благодаря тому, что преобразовываем в жизненные силы обильно притекающую к нам мудрость. И когда мы снова приходим на Землю, мы должны иметь так много мудрости, преобразованной в жизненные силы, должны настолько уменьшить мудрость, чтобы получить достаточно жизненных сил, чтобы их хватило для пронизания организующими духовными жизненными силами наследственной субстанции, которую мы получаем от отца и матери. То есть мы должны от мудрости отнимать всё больше и больше. Когда истинного материалиста, вовсе не признающего реальности духа на физическом плане, снова обнаруживаешь после смерти, такой материалист, который во время своей жизни говорил: Ведь это всё глупость, что вы говорите о духе, ваша мудрость – это чистейшая фантастика, я её полностью отвергаю, я не ценю ничего другого, кроме описания того, что является внешней природой, – когда такого человека встречаешь после смерти, видишь, как мудрость притекает к нему настолько обильно, что он вовсе не может спастись. Дух притекает к нему отовсюду. В той мере, в какой он здесь не верил в дух, в той же самой мере он там повсюду омыт духом. Теперь перед ним стоит задача – преобразовать эту мудрость в жизненные силы, чтобы он мог в следующей инкарнации развивать физическую реальность. То, что он называл реальностью, он должен вызвать наружу

из этой мудрости, он должен уменьшить эту мудрость. Но она не хочет быть уменьшенной им, она остаётся такой, какая она есть. Он не готов сделать из этого реальность. Ему предстоит чудовищное наказание духа: до некоторой степени он не может спастись от духа и не может ничего реализовать от этого духа, поскольку в своей последней жизни здесь на физическом плане он строил лишь на реальности, полностью отрицая дух. Он всегда находится перед опасностью, что вовсе не сможет снова войти в физический мир через силы, которые сам вызвал. Он постоянно живёт в страхе: дух меня вытолкнет в физический мир, и тогда я буду иметь физическое бытие, которое отрицает всё то, что я признавал правильным в предшествующей жизни. Я буду вынужден позволить духу вытолкнуть меня в физическую реальность, я не сам доведу это до реальности.

Это, конечно, несколько поражает, но таковы факты. Чтобы, так сказать, задохнуться в духе после смерти и не найти в нём никакой реальности, той, какую только и почитал перед смертью, для этого перед смертью нужно быть истинным материалистом и отрицать дух. Тогда задыхаешься или утопаешь в духе.

Разумеется, это те представления, которыми мы всё больше и больше должны овладевать в ходе нашего занятия духовной наукой. Ибо если мы овладеваем такими представлениями, они и в физической жизни гармонично ведут нас дальше и до известной степени показывают нам, как обе стороны жизни должны дополнять и уравнивать друг друга. Мы основываем в себе инстинкт, как на самом деле уравнивать наше жизненное поведение.

В связи с физической и духовной жизнью я хотел бы привести ещё один случай. Возьмём теперь совершенно конкретный, отдельный случай. Допустим, что на физическом плане мы кого-то оклеветали. Не правда ли, я, стало быть, говорю об отдельных случаях. Если мы кого-то оклеветали, то это приходится на определённый момент времени. То, что я сейчас охарактеризую в качестве соответствующего в духовном мире, приходится между смертью и новым рождением снова на определённый момент времени. Итак, допустим, что в определённое время на физическом плане мы кого-то оклеветали, тогда во время нашего пребывания в духовном мире $\boxed{F_2^0}$ пусть мы вошли через инициацию или через смерть $\boxed{F_2^0}$ наступает момент, когда мы со своей душой в духовном мире всецело наполнены истиной, которую мы должны были бы сказать. Но эта истина, которая

мучает нас, эта истина стоит перед нами, мучая нас в той же мере, в какой мы отклонились от неё во время лжи. То есть стоит лишь солгать на физическом плане, чтобы вызвать в духовном мире некий момент времени, в котором нас мучают из-за соответствующей истины, противостоящей лжи, тем, что эта истина живёт в нас и обжигает нас, и мы не в состоянии её выдерживать. Наше страдание состоит главным образом в том, что мы осознаём – это истина. Но мы таковы, что эта истина не доставляет нам ни удовлетворения, ни радости, ни наслаждения, но мучает нас. Быть мучимым хорошими вещами, быть мучимым тем, о чём знаешь, что это должно бы возвышать, – это принадлежит к особенностям переживаний в духовном мире.

Например, стоит лишь однажды в жизни быть ленивым в каком-либо деле, в отношении которого от нас требовалось прилежание и обязательность, тогда в духовном мире наступает момент, когда в нас живёт прилежание, которое когда-то отсутствовало у нас. Оно, прилежание, присутствует, оно обязательно приходит и живёт в нас, если мы когда-то на физическом плане были так сильно ленивы. Затем наступает время, когда мы через внутреннюю необходимость должны непременно использовать в себе это прилежание. Мы полностью отдаёмся этому прилежанию и знаем, что оно является чрезвычайно ценным, но оно нас мучает, мы страдаем из-за него.

Или возьмём случай, который, пожалуй, меньше касается человеческого произвола, но касается других процессов жизни, которые, я бы сказал, больше происходят в подосновах бытия и связаны с ходом нашей кармы; возьмём такой случай, когда в физической жизни мы проходим через болезнь. Если мы в физической жизни прошли через некое заболевание, которое причиняло нам боли или тому подобное, то в духовном мире в какой-то момент времени мы переживаем противоположное настроение, противоположное состояние – настроение здоровья, здоровое существование. В той же мере, в какой нас ослабила болезнь, нас укрепляет это настроение здорового существования во время нашего пребывания в духовном мире. Это некий случай, который, как и другие вещи, которые были приведены, возможно, не только шокирует наш рассудок, но гораздо глубже проникает в соответствующее ощущение нашей души и смущает эту душу. Мы ведь знаем, что духовно-научные вещи всегда должны восприниматься вместе с ощущением. Но в данном случае мы должны обдумать следующее: мы должны себе

уяснить, что ведь здесь над связью между физической болезнью и укрепляющим нас здоровьем в духовном мире словно находится нечто подобное тени. Связь, правда, есть, но в груди человека есть нечто, что не может вполне согласиться с этой связью в чувстве, в эмоции. Это непременно должно быть добавлено. Но зато эта связь имеет ещё другое воздействие, если мы действительно её понимаем. И это воздействие можно охарактеризовать следующим образом.

Давайте допустим, что человек проникается духовной наукой, он серьёзно старается действительно воспринять в себя духовную науку – не так, как воспринимают какую-либо другую науку. Последнюю можно изучать теоретически, то, что она даёт, можно усваивать одними лишь мыслями, понятиями. Духовную науку никогда нельзя воспринимать только так. Она должна стать в нас духовной жизненной кровью. Духовная наука должна в нас жить и действовать, по сути, во всех понятиях, которые она нам даёт, она должна пробуждать в нас также ощущения и чувства (Gefühle). Для кого-либо, кто действительно приемлет духовную науку правильно (mit rechtem Ohr), в этой духовной науке нет ничего, что, с одной стороны, не возвышало бы, а с другой стороны, не позволяло бы заглянуть в бездны бытия, чтобы дать нам возможность ориентироваться как раз даже в этих безднах. Можно сказать: Кто правильно понимает духовную науку, тот с теми или иными чувствами повсюду также следует тому, что она говорит. Кто воспринимает в себя духовную науку, тот на самом деле преобразует свою душу уже в физическом мире просто благодаря тому, что духовно-научные понятия живут в нём, что он овладевает теми навыками представления, которые именно теперь были обозначены как необходимые в отношении духовной науки. Я ведь довольно часто обращал внимание на то, что изучение, серьёзное изучение самой духовной науки принадлежит к самым лучшим, самым энергичным упражнениям.

Итак, у человека, который таким образом вникает в духовную науку, постепенно выявляется нечто особенное. Такой человек, который, возможно, делает упражнения, возможно, даже не делает упражнения, чтобы самому стать духовным исследователем, но он лишь старается серьёзно понять духовную науку, такой человек, возможно, долго, долго не сможет думать о том, чтобы самому нечто созерцать ясновидчески. Когда-нибудь он это сможет, но это может

быть для него, пожалуй, пока далёким идеалом. Но кто действительно позволяет духовной науке в обозначенном смысле воздействовать на свою душу, тот увидит, что в его душе изменяются жизненные инстинкты, более бессознательные жизненные побуждения. Его душа действительно становится иной. При занятии духовной наукой не бывает, чтобы эта духовная наука не влияла инстинктивно на душу, не делала её иной, не давала ей другие симпатии и антипатии, словно пронизывая её светом, так что она чувствует себя увереннее, чем чувствовала прежде. Это можно заметить в любой области жизни; в любой области жизни духовная наука проявляется по-разному. Можно быть в жизни неумелым человеком и заняться духовной наукой, и хотя не делаешь ничего иного, кроме как проникаешься этой духовной наукой, увидишь, что становишься более умелым вплоть до приёмов. Не говорите: Я знаю очень неумелых антропософов, которые не стали достаточно ловкими! – Попробуйте поразмышлять о том, насколько они на самом деле ещё не пронизали себя внутренне духовной наукой, как это необходимо именно по их карме. Человек может быть художником, если овладеть до определённой степени искусством живописи. Занимаясь духовной наукой, увидишь, что то, на что сейчас было как раз указано, втекает в инстинктивное владение искусством живописи. Легче смешиваешь краски, идеи, которые хочешь иметь, приходят скорее. Или допустим, что являешься учёным, и необходимо заняться чем-либо научным. Иной, находящийся в этой ловушке, знает, какие часто требуются усилия, чтобы собрать литературу для решения какого-либо вопроса. Занимаясь духовной наукой, уже не идёшь, как прежде, в библиотеки и не берёшь сначала пятнадцать книг, которые не приносят никакой пользы, но сразу берёшь именно то, что нужно. Духовная наука действительно вмещивается в жизнь, изменяет инстинкты, закладывает в наши души движущие силы, которые встраивают нас в жизнь более умело.

Конечно, то, что я сейчас скажу, надо всегда рассматривать в связи с человеческой кармой. Человек подчинён карме при всех обстоятельствах жизни – это надо всегда принимать во внимание. Но вот с учётом кармы, однако, происходит следующее: допустим, что определённый род заболевания постиг того, кто охарактеризованным образом проник в духовную науку, и в его карме заключено, что он может быть исцелён. Разумеется, в карме может быть

заклучено, что болезнь нельзя излечить. Но, когда мы заболеваем, карма никогда не говорит так, что болезнь при всех обстоятельствах должна фатально принять какое-то течение – она может быть исцелена или же не может. Тот, кто уже проникся духовной наукой, получает некий инстинкт, укоренённый в его душе, который помогает ему, исходя из себя самого, противопоставить болезни для её ослабления соответствующее укрепляющее средство или то, что ему нужно. Переживаемое обычно в духовном мире как следствие болезни, кроме того, обратно действует на душу, поскольку находишься ещё в физическом теле – действует как инстинкт. Болезнь или предотвращают или же находят в себе пути к исцеляющим силам. Когда ясновидческое сознание находит правильные лечебные факторы для той или иной болезни, то происходит это следующим путём: такой ясновидящий получает возможность иметь перед собой картину болезни. Итак, допустим, что он имеет перед собой картину – это болезнь и она так и так, ослабляя, подходит к человеку. Благодаря тому, что выше упомянутый человек имеет ясновидческое сознание, ему в качестве отражения противостоит нечто иное – соответствующее настроение оздоровления и укрепление, которое просачивается из настроения. В таком случае то, что предстаёт ясновидящему по поводу человека, который был болен в физическом мире, в духовном мире происходит как выравнивание. Из этого он даёт свои советы. Даже не нужно быть полностью развитым ясновидящим, но это может инстинктивно выявляться из наблюдения картины болезни. Но то, что может вызывать это в ясновидящем сознании, что действительно выступает именно в духовном мире как выравнивание, – это есть нечто, принадлежащее к картине болезни, подобно движению маятника в одну сторону вслед за движением в другую сторону. Именно из этого примера вы видите, какова связь физического плана с духовным миром, и насколько плодотворным для образа жизни на физическом плане может быть знание, познание духовного мира.

Вернёмся ещё раз к тому, что сегодня было приведено в виде конкретного случая, что так же, как природа на физическом плане, в духовном мире нас окружает духовное, исполненное мудрости духовное, которое существует там всегда. Итак, если вы, в частности, ещё и понимаете это, тогда вам будет брошен свет на процессы духовного мира, которые чрезвычайно важны. В физическом мире мы можем проходить мимо вещей так, что рассматривая эти вещи,

говорим: Какова сущность этой вещи? Как всё-таки обстоит дело? Каков закон этого существования, этого процесса? Или же мы тупо проходим мимо и вообще не спрашиваем. На физическом плане мы никогда не научимся чему-либо разумному, если вещи, так сказать, не будут побуждать нас ставить познавательные вопросы, если вещи не будут задавать нам загадки, так, чтобы эти загадки возникали в нас. При одном лишь рассматривании вещей и процессов мы на физическом плане никогда не придём к направляющей саму себя душе. На духовном плане это снова по-другому. На физическом плане мы ставим вопросы вещам и процессам, и мы должны стараться исследовать вещи, выведывать, как мы можем, исходя из вещей, ответить на вопрос, который ставим себе. Мы должны исследовать вещи. На духовном плане положение таково, что вещи и существа существуют вокруг нас духовно; и вещи $\begin{matrix} F0 \\ 2D \end{matrix}$ они спрашивают нас, не мы спрашиваем вещи. Вещи спрашивают нас, они находятся здесь, процессы и существа, и мы стоим напротив них, и они непрерывно нас спрашивают. И теперь мы должны иметь возможность выхватывать из бесконечного моря мудрости то, что может давать ответы на вопросы, которые ставятся нам там. Мы должны искать ответы не из вещей и процессов, но исходя из нас, ибо спрашивают-то нас вещи, повсюду вокруг нас существуют спрашивающие вещи.

Притом учитывается ещё следующее: допустим, что мы противостояли бы какому-либо процессу или существу духовного мира, в действительности это противостояние заключается в том, что нам задаётся вопрос. Допустим, что вопрос задаётся. Мы стоим здесь со своей мудростью. Но мы не находим возможности развить такое желание, чувствующее желание, желающее чувствование, чтобы мы могли дать ответ, исходя из этой мудрости; несмотря на это мы знаем: ответы находятся в нас. Наше внутреннее происходит из бесконечной глубины, в нас существуют все ответы, но мы действительно не находим возможности дать ответ. И следствием этого является то, что в потоке времени мы несёмся мимо и существует возможность, именно в настоящий момент, опоздать дать ответ, потому что мы не приобрели себе способность, может быть из-за нашего предшествующего развития, стать зрелыми и уже в этот момент времени отвечать на эти вопросы. В отношении того, что мы должны были бы ответить, мы развивались слишком медленно: мы могли бы ответить только позже. Но возможность не повторяется - мы её упустили. Мы не

воспользовались никакими возможностями. Так мы проходим мимо вещей и процессов, не давая им ответ. Такие переживания мы постоянно испытываем в духовном мире. Происходит таким образом, что в жизни между смертью и новым рождением мы стоим перед неким существом, которое нас спрашивает. Теперь, когда оно нас спрашивает, мы не принесли это до сих пор через наши земные жизни и промежуточные духовные жизни. Мы должны пройти мимо, должны войти в следующую инкарнацию. Следствием этого является то, что мы вновь через благих Богов, только вне нашего сознания, должны получить импульс к последующему земному воплощению, чтобы в следующий раз мы снова не прошли мимо того же вопроса. Таковы связи.

Я часто упоминал, что чем дальше мы возвращаемся в развитии человечества, тем больше обнаруживаем, что люди не обладали современным состоянием духа, а имели на физическом плане некий род ясновидения. Из приглушённого, грезящего ясновидения развилось наше современное созерцание вещей. И чем на более примитивной элементарной ступени душевного развития мы находим людей, тем более мы находим их мышление и чувство всё ещё родственными с первоначальным ясновидением. Хотя настоящее ясновидение – я подразумеваю примитивное, атавистическое ясновидение – возникает всё реже, но однако, если иметь в виду простые деревенские состояния, обнаруживаешь всё-таки людей, которые сохранили нечто от прежних времён, так что находишь отзвуки времён прежнего ясновидения. Это ясновидение показывает нам, пусть только в приглушённой, подобной сновидению форме, поскольку это ведь созерцание духовных миров, своеобразия, которые при развитом ясновидении вновь предстают нам, вот только как раз в этом случае это нам предстаёт не приглушённо, подобно сновидению, но ясно и отчётливо. Духовная наука показывает нам, что человек, каким он является сейчас в современном цикле времени, когда он проходит через жизнь между смертью и новым рождением, в настоящее время должен всё больше и больше непрерывно давать ответ спрашивающим существам. Ибо от того, может ли он дать ответ, зависит его истинное прогрессивное развитие, его приближение к идеалу Богов совершенного человека. Как сказано, раньше люди превращали это в сказочное (Traumhafte), и остаток этого сохранился в многочисленных мотивах сказок и легенд. В народе они возникали всё меньше. Но эти мотивы сказок и легенд рассказывают нам в

таком случае примерно следующее: Тот или иной встречает некое духовное существо, которое всё снова и снова задаёт ему вопросы, и он стоит перед ним и должен ответить. Но он осознаёт, что должен ответить до определённого удара колокола или чего-то иного. То, что могли бы назвать мотивом вопрошания сказок и легенд, очень распространено. В прежнем сновидческом ясновидении это было тем же самым, что теперь снова появляется в духовном мире в той форме, как я здесь охарактеризовал. Вообще то, чем характеризуется духовный мир, во всех случаях может быть путеводной нитью для правильного понимания мифов, легенд, сказок и тому подобного и для того, чтобы поставить их на своё место, которое им принадлежит. Это как раз некая точка, где видишь, что повсюду, даже в духовной культуре современности, развитие до определённой степени стоит перед воротами духовной науки. Это очень интересно, что книга, во многих отношениях прекрасная по своему намерению, а именно книга моего покойного друга Людвиг Лайстнера (Ludwig Laistner) «Загадка сфинкса», неудовлетворительна потому, что, если она должна быть удовлетворительной, то мотивы этого вопроса, которые Людвиг Лайстнер особенно обстоятельно излагает, необходимо было бы изложить, исходя из духовно-научного знания, поскольку автор кое-что должен был бы знать о вхождении духовно-научной истины в предмет (in die Sache).

Итак, когда мы ставим перед собой именно охарактеризованные перечисленные случаи, мы видим, что это определяется чем-то совершенно определённым в поведении (in dem Verhalten) в духовном мире. В духовном мире это не определяется собиранием познания, как здесь на физическом плане. Здесь вопрос в том, чтобы даже сокращать эти познания, а именно преобразовывать силу познания в силу жизни. Исследователю нельзя находиться в духовном мире в том смысле, как это может быть в физическом мире – там это было бы очень неуместно. Ибо там можешь знать всё $\begin{bmatrix} F \\ 2D \end{bmatrix}$ всё существует вокруг тебя. Здесь вопрос в том, чтобы можно было развивать волю и ощущение в отношении знания, в отношении познания, так чтобы из всего богатства своего желания в отдельном случае вынести именно то, благодаря чему можешь использовать мудрость, иначе задохнёшься или утонешь в мудрости. Итак, в то время как здесь в физическом мире это определяется мышлением, там в духовном мире это определяется соответствующим развитием воли, ощущающей воли, воли,

которая из мудрости готовит, формирует реальность, воли, которая становится творческой силой, в некотором роде созидательной силой. Мы имеем там дух, как здесь имеем природу; но наша задача – привести дух к природе. Из теософской литературы первой половины XIX столетия сохранилось прекрасное изречение Этингера (tinger), жившего в Мурхардте (Murrhardt) в Вюртемберге, который в своём собственном спиритуальном развитии был настолько продвинут, что в определённые периоды вполне сознательно мог быть помощником духовных существ, то есть душ, которые не находятся на физическом плане. Он запечатлел удивительное изречение, прекрасное и очень верное: Природа и природная форма есть конец духовной творческой силы. – То, что я развил, исходя из самого духовного мира, заключено в этом изречении. В духовном мире творческая сила стремится к тому, чтобы возвыситься до реальности то, что пока бурлит и волнуется в мудрости. Как здесь выведываешь мудрость из физической реальности, так там делаешь это наоборот. Из мудрости необходимо создавать задачи, реальности, переживать в реальности то, что существует там в мудрости. Конец божественных путей – это сформированная действительность.

И таким образом мы видим, что это зависит от пронизанного волей чувствования, от пронизанной эмоцией воли, которая преобразуется в творческую силу, созидательную силу, которую мы должны там, в духовном мире, использовать так же, как здесь, в физическом мире, мы должны напрягать себя в своём исследующем мышлении, чтобы достичь мудрости в физическом мире.

Так вот дело в том, чтобы для этой возможности в духовном мире мы правильно развивали чувствование и мышление, чтобы мы уже здесь, на физическом плане, готовили себя к этому неким способом, который соответствует современному циклу времени. Ибо всё происходящее в духовном мире между смертью и новым рождением, является следствием того, что происходит в физическом мире между рождением и смертью. Правда, то, что существует в духовном мире, как мы видели, является настолько иным, что мы должны усвоить совершенно новые представления и понятия, если хотим понять духовный мир. Но всё же оба взаимно связаны как причина и следствие. Связи между духовным и физическим мы понимаем только тогда, когда мы их действительно познаём как связи причины и следствия. Подготавливать себя мы должны в физическом

мире. Поэтому я хотел бы сейчас немного коснуться вопроса: Насколько правильно мы готовимся на физическом плане в современном цикле времени, чтобы иметь достаточный внутренний импульс в духовном мире – будь это через инициацию, или пусть мы вошли через врата смерти, – чтобы действительно иметь духовную действенную силу извлечь из данной мудрости то, в чём мы нуждаемся, чтобы извлекать (herauswandeln) реальности из текущей, волнующейся мудрости? Откуда к нам приходит такая сила? Повсюду это определяется тем, что мы рассматриваем такие вещи для нашего цикла времени. В те времена, когда люди думали таким образом, что возникали самые первые изначальные источники названных сюжетов преданий, тогда это происходило иначе. Но откуда в современном цикле времени к нам приходит такая душевная сила?

Чтобы приблизиться к ответу, я хотел бы привлечь следующее. Можно знакомиться с различными философиями и можно у философов согласно их способу искать, как они приходят к идее бога. Разумеется, должны быть такие философы, которые имеют достаточную духовную глубину, чтобы как раз позволить миру убедиться, что можно говорить о божественном, которое пронизывает мир. В XIX столетии необходимо лишь взять Лотце, который в своей философии религии старался создать нечто, согласованное с его остальной философией. Однако, можно было бы взять и других философов, которые были как раз действительно достаточно глубокими, чтобы в некоторой степени тоже иметь религиозную философию. У всех этих философов обнаружишь некое своеобразие, совершенно определённое своеобразие. Конечно, эти философы, мысля, проникают со своими соображениями из физического плана к божественному; они размышляют, исследуют по-философски и приходят к тому, как это происходит именно у Лотце, что явления и существа мира удерживает вместе божественная основа, которая всё проплывает и всё приводит к определённой гармонии. Но когда подробнее останавливаешься на таких религиозных философиях, то они всегда имеют некое своеобразие. Приходишь как раз к одному божественному существу, которое всё насыщает и наполняет, и когда более детально всматриваешься в это божественное существо, в этого бога, постигаемого философом, то это примерно тот бог, которого древнееврейская или в особенности христианская религия называют Богом-Отцом, есть Бог-Отец. К этому может

приходить философия. Она может рассматривать природу и быть достаточно глубокой, чтобы не отрицать тупо материалистически всё божественное, она может приходить к божественному, но приходит в таком случае к Богу-Отцу. Если прослеживаешь философов, то можешь совершенно точно показать, что вообще одна лишь философия как мыслящая философия не может привести ни к чему иному, кроме как к монотеистическому Богу-Отцу. Когда у отдельных философов, например у Гегеля и других, появляется Христос, то он происходит не из философии – это можно обнаружить, – он заимствован из позитивной религии. Люди знали, что позитивная религия имеет Христа, тогда они могли о нём говорить. Разница в том, что Бога-Отца можно найти в философии, Христа посредством мыслящего рассмотрения не найдёшь никакой философией. Это совершенно невозможно.

Я хочу посоветовать вам принять во внимание это положение и хорошо над ним поразмышлять. Если его правильно понимаешь, оно приведёт вас к довольно значительным глубинам человеческого исследования и душевному поиску (Seelenstreben). Но это, разумеется, связано кое с чем, что в христианской религии выразилось даже очень символично и образно, а именно с тем, что связь этого другого Бога, Христа, с Богом-Отцом воспринимается как связь Сына с Отцом. Это очень знаменательно, хотя и является лишь символом. Интересно, что, например, Лотце с этим вовсе ничего не смог сделать. Само собой разумеется, что этот символ нельзя брать буквально, – говорит Лотце,

F 0
2 D

 ибо не может быть один бог сыном другого бога, – полагает он. Итак, всё-таки в этом символе есть нечто примечательное. Между отцом и сыном есть нечто такое, как связь причины и следствия. Ибо в отце определённо можно искать причину сына. Не было бы сына, если бы не было отца. Но необходимо принять во внимание ту особенность, что именно тот человек, который при случае имеет сына, несомненно, имеет также возможность никого не иметь – он может быть без сына. В таком случае он был бы тем же человеком. Причиной является человек А, следствием является человек В, сын. Но следствие может и не появиться, следствие есть свободный поступок, следствие следует из причины как свободный поступок. Поэтому, когда изучаешь причину, и она постигается в связи со своим следствием, необходимо не только спрашивать о сущности причины, ибо этим ещё ничего не сделал, но однако необходимо спросить,

действительно ли причина служит причиной – и в этом всё дело. Что ж, вся философия имеет такую особенность, что она следует за нитью мысли, развивает один член из другого, то есть словно последующее ищет уже в предыдущем. Как философия она имеет такое право. Но при этом никогда не придёшь к тому отношению, которое получается, когда принимаешь во внимание, что причина отнюдь не нуждается в том, чтобы быть причиной. По своей сути причина в своём существе может быть тем же самым, вызвала ли она как причина что-либо или нет. В существе причины это ничего не изменяет. И в символе Бога-Отца и Бога-Сына нам представлен этот глубокий смысл: Христос присоединяется к Богу-Отцу как свободное творение, как творение, которое не прямо следует из него, но которое как свободное деяние располагается рядом с предшествующим творением; кроме того, его могло бы и не быть; стало быть, оно дано миру не потому, что Отец должен был дать миру Сына, но Сын дан миру благодаря милости, свободе и любви как свободное деяние, которое даётся свободно в своём творении. Поэтому никогда нельзя таким же способом поиска истины, каким, подобно философам, приходят к Богу-Отцу, прийти также и к Богу-Сыну, к Христу. Чтобы прийти к Христу, необходимо философскую истину дополнить истиной веры, или – поскольку время веры всё больше и больше идёт на убыль – дополнительно учитывать другую истину, приходящую через ясновидческое исследование, которое должно развиваться тоже как свободный поступок сначала в человеческой душе.

Поэтому необходимо сказать: как из устройства природных процессов доказывают, что вообще есть Бог, так никогда внешне по цепи причин и следствий не докажешь, что есть Христос. Христос существует и может пройти мимо человеческих душ, если они из себя самих не ощутят силу сказать: Да, это Христос. Активно поднять себя к импульсу истины – это означает познавать Христа в Том, Который существовал как Христос. К другим существам, находящимся в сфере Бога-Отца, мы можем быть принуждаемы, когда мы вообще приступаем только к мышлению и последовательно его применяем, ибо быть материалистом и одновременно отрицать бога – означает быть нелогичным. Религиозная философия в смысле Лотце, и какой вообще может быть религиозная философия, возникает так, что к этому божественному религиозной философии нас можно принуждать с помощью мышления. Но никогда подобным образом через одну только философию нас нельзя привести

к признанию Христа. Это должно быть нашим свободным поступком. В таком случае здесь может быть лишь двойное: либо извлекаешь окончательный вывод веры, либо начинаешь с исследования духовного мира с помощью духовной науки. Последний вывод веры извлекаешь, когда говоришь, как русский философ Соловьёв: Да, относительно всех философских истин, приобретаемых человеком о мире так, что он принуждаем своей логикой, человек не пребывает ни в какой свободной истине. Существует как раз именно высокая истина, которая нас не принуждает, являющаяся нашим свободным поступком – высочайшая истина веры. Высочайшее достоинство для Соловьёва заканчивается в том, что он говорит: Высокая истина, которая признаёт Христа, – это та истина, которая творит ради свободного поступка и не принуждает. – Для духовного исследователя и для того, кто понимает духовную науку, в свою очередь возникает знание. Но это активное знание, оно поднимается от мышления к имажинации, инспирации и интуиции, становится внутренне творческим и в творчестве вживается в духовные миры и благодаря этому становится подобным тому, что мы должны развивать, независимо от того, входим ли мы в духовный мир через инициацию или через смерть.

Мудрость, которая нам навязывается на Земле, в духовном мире мы имеем в изобилии, как здесь на физическом плане мы имеем явления природы. То, от чего это зависит в духовном мире, существует, чтобы мы получали импульс, силу создавать что-либо, исходя из этой мудрости, творить через неё реальность. Свободное творчество, исходя из мудрости, духовное действие как поступок – это то, что должно жить в нас в качестве импульса. Мы можем это иметь только в том случае, если найдём правильное отношение ко Христу. Христос – это то Существо, которое нельзя доказать посредством внешней логики, связанного с мозгом рассудка, но который обнаруживается, реализуется в нас, в то время как мы приобретаем духовное знание. Так же как духовная наука присоединяется как свободное деяние к другой науке, так подходит и знание о Христе, как только мы приближаемся к тому миру, в который мы входим через духовное исследование, или в который мы вступаем, проходя через врата смерти. В то мгновение, когда в современном цикле времени мы хотим благословенным (*segensvollen*) образом войти в духовный мир, то есть, когда мы умираем в физическом мире, нам необходима такая связь с миром, какой мы её приобретаем, если правильно относимся ко

Христу. Бога, который, так сказать, является Богом-Отцом христианской религии, мы можем обрести через рассмотрение природы, мы можем его обрести через рассмотрение, которое даётся нам, когда мы живём в физическом теле. Правильно понять Христа вне традиции, вне предания, исходя чисто из самого познания, возможно только посредством духовной науки. Она вводит в области, в которые человек вступает через смерть, через ту смерть, которая является символической смертью, выходом из физического тела, чтобы познать себя в душе вне тела, либо другую смерть – прохождение сквозь врата смерти. Мы правильно наделяем себя импульсами, которые нам необходимы при прохождении врат смерти, когда находим правильное отношение ко Христу. Чтобы мы нашли с ним связь в тот момент, когда происходит покидание физического тела, пусть, когда мы вступаем на путь духовнонаучного развития, пусть при действительном прохождении через врата смерти, в то мгновение, когда происходит умирание, покидание физического тела, $\begin{bmatrix} F_0 \\ 2D \end{bmatrix}$ это зависит от того, правильно ли в современном цикле развития мы стоим против того существа, которое пришло в мир. Бога-Отца мы можем найти, будучи живыми. Христа мы находим, когда правильно понимаем это вхождение в дух, это умирание. Во Христе мы умираем.

In Christo morimur.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД

Вена, 13 апреля 1914 года

Теперь мне надлежит ещё раз поговорить о процессах между смертью и новым рождением, но уже используя те представления, которые мы смогли получить в четырёх последних докладах. Конечно, вследствие того, что мы должны были излагать это с некоторой краткостью, иное из обширной темы можно было лишь обозначить, иное, что, пожалуй, не вытекает из наглядного изложения, должно быть выработано. Однако то, что наши антропософские друзья найдут сегодня всё-таки не вполне завершённым, проявится затем в ходе дальнейшего познания духовной науки.

Если человек прошёл через врата смерти, то он оставил своё физическое тело; физическое тело передано элементам Земли. Иначе говоря, о нём можно было бы также сказать: физическое тело выделилось из сил и законов, которые между рождением и смертью пронизывают его из собственного человека и являются иными законами, нежели только химические и физические законы, во владение которых оно как физическое тело переходит затем после смерти. Ведь с точки зрения физического мира для человека само собой разумеющимся является воззрение: От человеческого существа на физическом плане остаётся то, что принадлежит этому физическому плану. Это принадлежащее физическому плану теперь и будет передано физическому плану. Но для самого человека и для всего понимания духовного мира во внимание принимается точка зрения, которую должен был принять умерший, человек, прошедший через врата смерти. Для него оставление физического тела означает внутренний процесс, душевный процесс; для близких и родственников покойного то, что происходит после смерти с физическим телом – внешний процесс. Внутреннее человека, человечески-душевное умершего человека ведь уже не проявляется внутри того, что было покинуто в качестве мёртвых остатков. Но для самого человека, прошедшего через врата смерти, всё-таки нечто связано с уходом тела. Внутреннее душевное переживание таково: ты вышел из своего физического тела и оставил после себя это физическое тело.

На самом деле с точки зрения физического плана, я бы сказал, чрезвычайно трудно описать соответствующим образом то, что здесь происходит в душевных глубинах человека. Ибо это некий внутренний процесс, который по

сути дела содержит нечто чрезвычайно обширное, нечто чрезвычайно значительное. Это некий внутренний процесс, который, по сути, длится ведь недолго, но для всей человеческой жизни имеет универсальное значение. Теперь, если бы я захотел охарактеризовать содержание представляющего (Vorstellungsinhalt), того, что здесь происходит с душой, то содержание представляющего, которого ещё нельзя, конечно, касаться в открытом докладе, ибо оно слишком сильно поразило бы общественное мнение – но и для этого, возможно, придёт время, – если бы я захотел охарактеризовать внешний, то есть теперь духовно представляющий внешний процесс, которым, так сказать, начинается жизненный путь, протекающий между смертью и новым рождением, то мог бы сказать, что прошедший через врата смерти имеет чувство (Gefühl): Теперь ты находишься совсем в других отношениях с миром, чем это было до сих пор, и всё это прежнее отношение, которое ты имел с миром, является, собственно говоря, обратным, радикально перевёрнутым. В действительности, если бы хотели охарактеризовать то представляющее, что здесь переживается, его надо было бы охарактеризовать следующим образом. Надо было бы сказать: До своей смерти человек жил на Земле, в это время он привык стоять на твёрдой, материальной Земле, видеть на этой материальной Земле существование минерального, растительного и животного царств, горы, реки, облака, звёзды, Солнце и Луну, и благодаря своей собственной точки зрения и благодаря своим имеющимся в физическом теле способностям для него стало привычным представлять себе всё это так, как это непременно себе всё-таки представляешь, несмотря на то, что через учение Коперника (Copernikanismus) знаешь, что это по сути дела внешний образ: там, наверху, существует голубой небосвод, подобный некоему плоскому небу, на нём существуют звёзды, по нему ходят Солнце и Луна и так далее, и сам вместе с тем, что показывает тебе Земля для восприятия, находишься тоже внутри в этой оболочке, в этом полом шаре, в центре, на Земле.

Нас сейчас касается не то, что это некий внешний образ, что мы сами лишь через ограниченность наших способностей образуем себе этот голубой круг, но то, что мы ведь совсем ничего не можем видеть, кроме этого. Мы видим как раз то, что является таким именно через ограниченность наших способностей, видим только голубой шар как образованный над нами небосвод. Если же человек прошёл через врата

смерти, то первое, что он должен $\boxed{\begin{smallmatrix} F0 \\ 2D \end{smallmatrix}}$ это образовать представление своей души: теперь ты вне этого голубого шара, в котором ты был. Ты смотришь на него извне, но так, как если бы он сжался в звезду. Сначала не осознаёшь тот звёздный мир, в который ты собственно простираешься, но пока осознаёшь только то, что покинул, осознаёшь, что покинул сферу своего сознания, которую имел в физическом теле, что покинул то, в пределах чего позволяли видеть человеческие способности, которые были созданы в физическом теле. Реально, но духовно, произошло нечто подобное тому, как это должно было бы происходить, если бы цыплёнок, находящийся внутри скорлупы, осознанно переживая, разрушил бы эту скорлупу и потом эту разрушенную скорлупу, в которую был заключён до сих пор, свой прежний мир, увидел бы вместо изнутри снаружи. Конечно, это представление в свою очередь майя, которая проходит здесь через человеческую душу, но необходимая майя. Как сказано, то, что прежде было для нас содержанием нашего сознания, сжато в звезду, вот только то, что можно было бы назвать засиявшей космической мудростью, простирается, исходя от этой звезды.

Эта засиявшая космическая мудрость является той же самой, о которой я говорил вчера в последнем докладе и о которой сказал, что мы имеем её в изобилии. Она теплится и сверкает нам навстречу, как от некой огненной звезды. Теперь она не голубая, как небосвод, но теперь она является огненной, красновато загорающейся, и от неё излучается в пространство изобилие мудрости, которое, однако, нам сначала показывает - оно в себе очень подвижно - то, что можно было бы назвать картиной воспоминания нашей последней земной жизни. Все события, которые мы, притом, будучи сознающими, прошли между рождением и смертью вместе со своим внутренним душевным переживанием, выступают перед нашей душой, но так, что мы знаем: Ты всё это видишь, потому что звезда, засверкавшая здесь перед тобой, является фоном, который через свою внутреннюю деятельность способствует тому, чтобы ты мог видеть всё то, что простирается как картина воспоминания. Это сказано больше с точки зрения имагинации. С точки зрения имагинации пережитое говорит примерно о том, что тот, кто прошёл через врата смерти, отныне всецело наполнен мыслью: Да, ты утратил своё тело. Теперь, в духовном мире, твоим телом является исключительно воля. Волевая звезда, звезда, чьей субстанцией является воля, - это твоё тело. И

эта воля разгорается теплом и, как большую картину, отражает тебе в мировые дали, в которые ты теперь сам излился, твою собственную жизнь между рождением и смертью. И ты обязан условиям, что можешь задержаться внутри в этой звезде, что ты можешь из мира извлечь и впитать всё то, что ты как раз извлёк и впитал из мира на физическом плане. Ибо эта звезда, эта волевая звезда, образующая теперь фон, $\boxed{F_0}$ это духовное твоего физического тела, эта волевая звезда есть дух, который пропитывает и пронизывает силами (durchkraftet) твоё физическое тело. То, что как мудрость засияло тебе, – это деятельность, подвижность твоего эфирного тела.

Проходит время – ведь это было уже охарактеризовано и в открытом докладе, – длящееся собственно лишь несколько дней, когда имеешь впечатление: жизнь развёртывается как картина воспоминания. Наши мысли, ставшие нашими воспоминаниями во время жизни на Земле, здесь словно развёртываются в этой картине воспоминания, которая ещё раз приближается к нашей душе. И мы можем сохранять её настолько долго, насколько имеем сил бодрствовать в физическом теле при нормальных условиях. Это конечно не зависит от того, как долго мы когда-либо бодрствовали в аномальных условиях; это зависит от того, какие силы мы имеем в себе, чтобы именно удерживать себя бодрственным. У одного эти силы таковы, что он едва может прободрствовать одну ночь, без того чтобы его одолела усталость; другой, не уставая, выдерживает дольше. От меры этих сил зависит, какой срок нужен человеку, чтобы справиться с этой картиной воспоминания. Однако вполне отчётливо также внутренне осознаёшь, что благодаря тому, что на заднем плане существует волевая звезда, в этой картине воспоминания присутствует то, чего мы достигли в последней земной жизни; что в ней присутствует то, от чего мы стали более зрелыми и что, так сказать, вынесли за порог смерти как некую прибыль относительно того, что мы имели при вступлении в наше рождение как нечто незначительное. То, что мы можем обозначить как некий плод последней жизни, это мы ощущаем так, как если бы это не оставалось таким, каким оно было во время картины воспоминания, но как если бы оно удалялось, как если бы оно уходило, как если бы оно входило в будущие времена и исчезало во временах будущего.

Сегодня я преимущественно буду говорить о том, как обстоят дела с жизнью между смертью и новым рождением у

таких людей, которые достигли нормальной продолжительности жизни и умерли в нормальных условиях. Для исключительных случаев подробности будут сказаны завтра.

Итак, наш жизненный плод удаляется, когда мы достигли этого момента, и в душе мы знаем: этот плод некоторым образом существует, но мы отстали от него. Осознаешь, что пребываешь в некоем более раннем моменте времени, а жизненный плод быстро удаляется, так что он раньше прибывает к более позднему моменту времени, и мы должны следовать за ним – за этим жизненным плодом. Сказанное мной сейчас, что существует это внутреннее переживание, и что жизненный плод пребывает во вселенной – это мы должны правильно представлять себе, ибо это то, что составляет фундамент для нашего сознания $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ для начала нашего сознания после смерти. Ведь наше сознание всегда должно некоторым образом чем-то побуждаться. Когда мы утром просыпаемся, наше сознание заново возбуждается – во время сна мы находимся в бессознательном состоянии – возбуждается через погружение в физическое тело и благодаря тому, что нам противостоят внешние вещи, благодаря тому, что нечто воздействует извне. В условиях непосредственно после смерти это сознание возбуждается благодаря тому, что мы можем внутренне почувствовать и пережить то, что является плодом нашей последней жизни, чего мы достигли и что завоевали. Это присутствует, но присутствует вне нас. Благодаря тому, что мы можем почувствовать и пережить наше наивнутреннейшее земное существо вне нас, мы имеем первую вспышку нашего сознания после смерти, в этом оживляется это сознание.

Затем начинается период, когда нам необходимо развивать душевные силы, которые во время жизни на физическом плане, по сути дела, должны были оставаться неразвитыми, потому что все они использовались для организации физического тела и того, что к нему относится $\left[\begin{smallmatrix} F_0 \\ 2D \end{smallmatrix} \right]$ всей физической жизни, душевные силы, которые во время физической жизни должны быть родственны чему-то другому. После смерти эти силы должны постепенно пробуждаться. Уже в те дни, во время которых мы переживаем картину воспоминания, мы можем отметить такое пробуждение душевных способностей. Когда картина воспоминания постепенно отходит и затемняется, то происходит это собственно потому, что мы в течение этих дней уже развиваем те силы, которые хоть и лежат в основе

способности воспоминания, но не осознаются во время физической жизни, а не осознаются именно потому, что мы должны их как раз преобразовывать во время этой физической жизни, чтобы иметь возможность создавать воспоминания. Последнее обширное воспоминание, которое мы имеем после смерти в форме картины, оно должно сначала отойти, оно должно постепенно затемниться, потом из затемнения развивается то, что до смерти мы не могли осознавать. Ибо если бы мы осознавали это до смерти, то никогда не смогли бы образовать в себе силы воспоминания. Силы, которые во время затемнения воспоминания картины жизни развиваются теперь в душе наружу, преобразовались в эту способность вспоминать. Эти силы до смерти переместились в силу воспоминания, а теперь они выходят, преодолевая возможность вспоминать земные мысли привычным способом. Эта словно преображённая в духовном сила памяти пробуждается в нас как первая духовно-душевная сила, которая после смерти выходит из человеческой души так, как выходят душевные силы у подрастающего ребёнка в первые недели жизни. Между тем как эта душевная сила созревает, для нас как раз обнаруживается, что за мыслями, которые были лишь теньными образами, в то время как мы находились на физическом плане, находится живое, что в мыслительном мире существует жизнь и ткань. Мы обнаруживаем, что то, что мы имели внутри физического тела как нашу мыслительную картину, есть лишь только теневой образ, и что в действительности это некая сумма, некая область распространения элементарных существ. Мы видим, как словно затухают наши воспоминания, и видим, как взамен из всеобщей космической мудрости пробуждается целое множество элементарных существ.

Вы могли бы спросить, мои дорогие друзья: Значит, это от нас всё-таки не уходит после смерти для того, чтобы мы преодолели именно силу воспоминания и получили затем нечто другое? Это не уходит от нас, так как после смерти мы имеем взамен достаточную компенсацию. Вместо того чтобы, как в жизни, мы вспоминали свои мысли, после смерти мы замечаем, что эти мысли, которые мы имели в жизни в качестве мыслей памяти, для нас выглядят лишь так, как воспоминания. О, это сокровище памяти во время жизни, оно является чем-то иным, нежели одним лишь сокровищем памяти! Когда мы выходим из физического тела, тогда видим всё это сокровище памяти как живое присутствие, тогда оно

налицо. Каждая мысль живёт как элементарное существо. Теперь мы знаем: Ты мыслил во время своей физической жизни, и тебе явились твои мысли. Но между тем как ты пребывал в заблуждении, ты образовывал себе мысли и создавал исключительно элементарных существ. Это то новое, что ты добавил ко всему космосу. Теперь существует нечто, что было рождено тобой в духе (in den Geist hinein), теперь перед тобой всплывает то, чем в действительности были твои мысли. Сначала в непосредственном созерцании учишься познавать, чем являются элементарные существа, потому что сначала учишься распознавать тех элементарных существ, которых создал сам. Это важное впечатление первого периода после смерти, когда имеешь картину воспоминаний. Однако картина воспоминаний начинает жить, действительно жить, и начиная жить, она преобразуется исключительно в элементарных существ. Теперь она некоторым образом показывает свой истинный облик, и её исчезновение состоит в том, что она становится чем-то совсем иным. Если мы, например, умерли шестидесяти или восьмидесяти лет, нам теперь уже не нужна сила воспоминания для какой-либо мысли, которую мы имели на двадцатом году нашей жизни, ибо она присутствует как живое элементарное существо, она ждёт, и нам не нужно вспоминать её. Ибо если бы мы умерли, например, на сороковом году нашей жизни, то возраст этой мысли был бы только двадцать лет – и мы отчётливо увидели бы это в ней. Эти элементарные существа сами говорят нам, как долго они существуют с тех пор, как их образовали. Время становится пространством. Оно стоит перед нами, между тем как живые существа показывают свою собственную временную сигнатуру. Для этих условий время становится непосредственным настоящим.

От этих наших собственных элементарных существ, которыми мы были окружены уже в жизни и которых видим в смерти, мы вообще узнаём природу элементарного мира и благодаря этому готовимся при постепенном созерцании понимать и таких элементарных существ внешнего мира, которых создали не мы, но которые существуют вне нас в духовном космосе. Через наше собственное элементарное творение мы узнаём других. Представьте-ка себе, как на самом деле бесконечно отличается эта жизнь между смертью и новым рождением от земной жизни. Первое, что происходит после рождения, – это то, что человек ещё не узнаёт сам себя. То, что он переживает как совсем малое

дителя, это с ним переживают другие. Он рождён, и другие, его родители, созерцают это рождённое. После смерти прежде всего созерцаешь, понимаешь, не сам себя, но созерцаешь своё рождённое как некий внешний мир. То, что находится снаружи, что родилось в момент смерти, созерцаешь сам. Как верно то, что человек, вступая в бытие через физическое рождение, имеет перед собой непонятный ему внешний мир и в действительности является существом, которое лишь для других барахтается и плачет и даже смеётся, так после смерти, после рождения для духовного мира, он, будучи мёртвым для физического мира, прежде всего таков, что сам начинает существовать в окружении, которое сам себе породил и сам себе воздвигает вокруг себя, потому что породил его. Человек породил мир, тогда как его, когда он рождается в физическом, порождает мир. Так это происходит с нашими мыслями и с тем, что из мыслей становится воспоминанием, сокровищем памяти.

Иначе это происходит с тем, что принадлежит нашей эмоциональной сфере и нашей волевой сфере. Здесь в первом докладе я изложил, что принадлежащее нашей эмоциональной и нашей волевой сферам в действительности ещё не родилось в нас в своём полном существовании, что воля и эмоция в определённом отношении представляют собой нечто, не пришедшее к своему полному рождению. В особенности это обнаруживается после смерти, ибо воля и эмоция, поскольку они пронизывают физическое тело, ещё существуют после смерти. Так что человек некоторое время спустя, после того как удалась волевая звезда с плодами его последней земной жизни, живёт, стало быть, в элементарном мире, который его окружает, и которому он сам, так сказать, задаёт основной тон благодаря своим преобразованным воспоминаниям. Человек живёт внутри этого мира, которым является он сам в том смысле, как я сейчас изложил, так, что он знает: Да, твоя эмоция и твоя воля ещё живут в тебе, они имеют теперь вид воспоминания, некий род связи с последней земной жизнью. Это продолжается в течение десятилетий. Находясь в земной жизни между рождением и смертью, мы наслаждаемся и страдаем, мы живём увлечениями и развиваем волевые импульсы благодаря тому, что в своём теле мы несём чувствующую и желающую душу. Но никогда не бывает так, чтобы через тело могли обнаружиться все силы, находящиеся в эмоции и в воле. Если даже человек достиг самого преклонного возраста, то умирает он всё-таки так, что мог бы

ещё наслаждаться, мог бы ещё страдать, мог бы ещё развивать волевые импульсы. Но только то, что находится в душе в возможностях чувствования и желания, должно быть преодолено. Пока это не преодолено полностью, до тех пор мы имеем чувственную связь с последней земной жизнью. Мы словно смотрим назад на эту последнюю земную жизнь. Я не раз использовал тривиальное выражение, называя это неким родом отвыкания от связи с физической земной жизнью. В природу этой силы, которую необходимо здесь преодолеть, для преодоления которой по сути дела необходимы десятилетия, в природу этой силы очень скоро проникает тот, кто хоть немножко становится истинным духовным исследователем, ибо она в действительности относительно легко открывается духовному исследованию.

Когда мы засыпаем каждый день, пережив события дня, и проводим время между засыпанием и пробуждением, тогда своим душевно-духовным мы находимся вне своего тела. Мы возвращаемся, потому что в душевно-духовном имеем стремление к этому возвращению, потому что мы действительно жаждем своего тела. Мы непременно жаждем своего тела, и тот, кто может осознанно переживать пробуждение, знает: Ты хочешь пробудиться и ты должен хотеть пробудиться. Именно сила притяжения в направлении к телу существует в душевно-духовном. Эта сила притяжения постепенно должна угасать, должна быть совсем преодолена. Это продолжается десятилетия. Это время, когда мы постепенно преодолеваем нашу связь с последней земной жизнью. Происходит это благодаря тому, что в отношении переживаний после смерти в период, протекающий таким образом, как я это только что охарактеризовал, мы на самом деле должны переживать всё на кружном пути через нашу земную жизнь.

Теперь, после того как были прочитаны предшествующие доклады, я в состоянии описать вам многие отношения более подробно, чем прежде, когда я вынужден был описывать скорее в виде обзора, ибо для подробного описания вначале всегда необходимо ввести понятия.

Допустим, что мы оставили на Земле некоего человека, а сами прошли через врата смерти. Итак, мы находимся в том периоде времени, когда мы усвоили способность видеть элементарных существ и почувствовать себя самих, так что мы знаем: Наши земные плоды удалились. Но мы ещё связаны с нашей последней земной жизнью. Допустим, что мы, пройдя через врата смерти, оставили человека, который

был нам очень дорог. Значит, теперь после смерти мы, свыкаясь с нашими собственными элементарными творениями, постепенно приходим к тому, чтобы созерцать элементарных существ других людей, теперь мы можем освоиться с созерцанием мыслей других людей как элементарных существ. На наших собственных элементарных существах, также и на других людях, которых мы оставили, мы постепенно учимся видеть то, о чём он думает, что живёт в его душе в мыслях, – мы это видим. Ибо это проявляется на элементарных существах, которые предстают перед нашей душой в мощных имажинациях. Таким образом, в этом отношении мы теперь можем иметь гораздо большую связь с внутренним соответствующего человека, чем мы имели её с ним в физическом мире. Ибо пока мы сами были в физическом теле, мы ведь не могли созерцать мыслительное другого человека – теперь мы это можем. Однако, мы словно нуждаемся в эмоциональном воспоминании – пожалуй, прошу обратить внимание на это слово – эмоциональное воспоминание, эмоциональная связь с нашей собственной последней земной жизнью. Мы как бы должны чувствовать так, как чувствовали в теле, и эта эмоция должна в нас слышаться, тогда оживляется связь, которую иначе мы имели бы только в виде некоего образа, как его являют нам мысли другого. Итак, живую связь на кружном пути мы получаем через наши эмоции. И таким образом это происходит собственно со всем.

Вы видите, что это высвобождение из некоего состояния, и это высвобождение можно охарактеризовать тем, что говоришь: Это некий период, когда мы ещё должны получать силы из нашей последней земной жизни, чтобы прийти к живым отношениям с нашим духовным окружением. Мы ещё должны быть связаны с этой земной жизнью. Мы любим души, которые мы оставили, чьё душевное содержание предстаёт нам как мысли, как элементарные существа, но мы любим их, потому что мы сами ещё живём любовью, которую мы развили к ним во время нашей земной жизни. Конечно, неприятно, если я, пожалуй, позволю себе использовать такое выражение, но некоторые из вас меня поймут, если я скажу: Земная жизнь – то есть не мыслительная жизнь – земная жизнь как чувственное и пронизанное волевым импульсом душевное содержание, с которым мы ещё связаны, она становится неким родом электрического коммутатора, связывающего собственную индивидуальность с тем, что вокруг нас духовно омывает нас волнами. Это

подобно электрическому коммутатору $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ мы воспринимаем всё на кружном пути через последнюю земную жизнь. Но только относящееся к нам в духовном мире мы воспринимаем через то, что было в последней земной жизни чувствованием и желанием. Теперь действительно происходит так, что, продолжая жить во времени, мы чувствуем себя, как некий род кометы времени. Наша земная жизнь ещё присутствует здесь как ядро, но ядро развивает в ближайшее будущее некий род хвоста, переживаемого нами. Мы ещё связаны с нашей земной жизнью, поскольку она наполнена эмоцией и волей. Во внутреннем нашей души из этого переживания должно рождаться, как я вам это охарактеризовал, нечто, что не является теперь непосредственно эмоцией и волей. Ибо душевные силы, развиваемые нами здесь в физическом мире, $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ силу чувствования, как мы имеем её именно в физическом мире в качестве эмоциональной силы, силу воли, как мы имеем её в физическом мире в качестве волевой силы, $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ мы имеем в этой форме благодаря тому, что живём именно в физическом теле. Когда душа уже не живёт в физическом теле, она должна теперь развивать другие способности, которые во время физической жизни лишь дремлют, она должна, в то время как в ней годами действует ещё отзвук эмоции и воли, из этой связи вызвать созревание (herausreifen) того, что она может использовать теперь для духовного мира и в таком отношении, которое я обозначил, сказав, что это нечто подобное чувствующему желанию или желающему чувствованиею. О нашей эмоции и о нашей воле мы знаем, что они находятся в нашей душе. Однако от таких эмоции и желания, какими они находятся в нашей душе, мы здесь, после смерти, собственно говоря, ничего не имеем, они должны постепенно затемняться и приглушаться; и они делают это именно спустя годы. Но во время этого приглушения и затемнения из эмоции и воли должно развиться нечто, от чего мы имеем кое-что после смерти.

Наши мысли живут снаружи как элементарные существа. От какой-либо эмоции и от какой-либо воли, как они жили в нас, мы бы ничего не имели для этого мира, которым являемся мы сами, и который существует снаружи. Мы должны постепенно развивать некую волю – и мы её, впрочем, развиваем, – которая исходит от нас и струится и катит волны туда, где существуют наши живые мысли. Она пронизывает их, потому что на волнах воли плывёт эмоция, которая в физической жизни существует только в нас. На волнах воли плывёт эмоция, там снаружи волнуется и бурлит

море нашей воли и по нему плывёт эмоция. То есть она плывёт тогда, когда воля наталкивается на элементарное мыслесущество, затем через это соударение воли с элементарным мысле-существом происходит возгорание эмоции, и мы воспринимаем как реальную действительность духовного мира это отражённое образование нашей воли.

Я скажу так: Допустим, что в духовном мире есть некое элементарное существо. Когда мы выходим из состояния, которое вначале должны пережить, тогда наша воля, которая теперь выходит из нас, пробивается к элементарному существу. Там, где она наталкивается на элементарное существо, она отражается: теперь она возвращается не в качестве воли, теперь она возвращается как эмоция, которая в этом море воли откатывается к нам. В качестве эмоции, которая в этом потоке воли возвращается к нам, живёт наше собственное существо, излитое в космос. Благодаря этому элементарные существа становятся для нас реальными, благодаря этому мы постепенно всё больше воспринимаем то, что действительно существует вне нас снаружи в духовном внешнем мире.

Но из нас должна выйти ещё одна сила, которая пока дремлет в гораздо более глубоких слоях души, чем чувствующее желание или желающее чувство: творческая душевная сила, являющаяся внутренним духовным светом, которая должна озарять духовный мир, чтобы мы не только созерцали живых действующих объективных мыслесуществ, плавая на волнах чувств, возвращающихся здесь в море нашей воли, но чтобы мы духовным светом освещали также этот духовный мир. Из нашей души в духовный мир должна исходить творческая духовная сила света. Она пробуждается постепенно.

Видите ли, мои дорогие друзья, пока мы живём в физическом теле, от чувствующего желания и желающего чувствования мы имеем в себе, по крайней мере, я бы сказал, дифференцированную сестринскую пару чувствование и желание. Мы должны это разъединять, между тем как оно является единством, когда мы прошли через врата смерти. Эта творческая душевная сила, которую мы как душевный свет излучаем наружу в духовное пространство – если я могу воспользоваться здесь выражением «пространство», ибо это собственно не пространство, но эти отношения необходимо определённым образом привести к пониманию благодаря тому, что выражаешься образно, – этот душевный свет дремлет в нас глубоко внизу, потому что он связан с тем, о

чём мы в жизни ничего не должны и не можем знать. Во время жизни на физическом плане в нас очень глубоко внизу дремлет то, что потом тоже освобождается как свет и затем освещает и озаряет духовный мир. То, что из нас здесь излучается, должно быть преобразовано и использовано во время нашей физической жизни для того, чтобы наше тело действительно жило и могло сохранять в себе сознание. Но в нашем физическом теле эта духовная сила света действует совсем внизу, под порогом сознания, как сила, организующая жизнь и сознание. Мы не можем вносить её в земное сознание, иначе мы лишили бы наше тело силы, которая должна его организовывать. Теперь, когда мы не должны заботиться о теле, она становится духовной силой света и всё пронизывает лучами, озаряет, освещает и сверкает – эти слова означают реальную действительность.

Так постепенно мы втягиваемся в работу, чтобы в духовном мире так же возник родной дом и чтобы переживать этот духовный мир как реальность, как мы здесь переживаем в качестве реальности физический мир. Мы постепенно втягиваемся в работу, чтобы в духовном мире в качестве своих товарищей действительно иметь также человеческие души умерших, поскольку они реально живут в духовном мире. Мы живём среди душ так же, как здесь в физическом теле живём среди тел. И между тем как всё больше и больше продвигаешься вперёд к подлинному внутреннему духу духовной науки, кто-то, возможно, захочет утверждать, что после смерти мы не встречаемся снова со всеми людьми, с которыми мы жили; такое утверждение для того, кто глубже вникает в вещи, является таким же безрассудным, как для физического плана было бы безрассудным утверждение, что, вступая через рождение на эту Землю, мы не обнаруживаем на ней никаких людей. Люди точно так же существуют вокруг. Для знатока духовной жизни это то же самое, как если бы кто-то сказал: Ребёнок вживается в мир, но он не видит людей. Это очевидная бессмыслица. Точно такая же бессмыслица, когда говорят: Когда мы вживаемся в духовный мир, мы не находим снова все те души, с которыми мы были связаны, и не обнаруживаем существ высших иерархий, которых мы постепенно узнаём, равно как и здесь на Земле минералы, растения и животных. Однако есть разница в том, как мы узнаём здесь в физическом мире: в то время как мы видим и слышим вещи, возможность видеть их и слышать приходит через органы чувств от внешнего мира. В духовном мире, мы

знаем, эта возможность приходит от нас, когда то, что мы можем назвать душевным светом, свечением души (Seelenleuchte), излучается из нашей души и освещает, озаряет и просвечивает вещи.

Так мы вживаемся в тот период, который можно назвать первой половиной жизни между смертью и новым рождением. Вживаясь в этот период, мы переживаем два состояния, о которых я также говорил в открытом докладе, один период, который продолжается как раз годы, в котором, как я охарактеризовал, благодаря излучению силы нашего душевного свечения, мы связаны с духовным миром, в котором мы, стало быть, созерцаем то, что существует в духах и душах вокруг нас. Затем это затемняется и мы чувствуем: Ты уже всё меньше можешь развивать силу своего душевного свечения, в духовном смысле ты должен становиться всё сумеречнее и темнее. В связи с этим ты всё меньше видишь духовных существ. Это всё больше и больше происходит так, что, чередуясь, на смену приходит время, когда ты говоришь себе: Здесь, вокруг тебя существуют духовные существа, но ты становишься всё более одиноким, ты имеешь только своё собственное душевное содержание, и это душевное содержание становится богаче в той мере, в какой прекращается возможность освещать здесь снаружи существ. Есть периоды духовного общения и периоды духовного уединения, когда в душе, однако, присутствует всё последующее переживание того, что пережил в периоды духовных общений, – это чередуется, одно сменяется другим. Так мы вживаемся в духовный мир: духовное общение – духовное уединение. В периоды духовного уединения мы узнаём: То, что ты ещё пережил вокруг себя в духовном мире, это ведь всё присутствовало, обо всё этом ты знаешь, но теперь в твоём внутреннем существуют только отзвуки этого. Можно было бы сказать: В периоды духовного уединения присутствуют воспоминания. Однако если пользуешься такими словами, подходишь к делу неправильно. Поэтому я попытаюсь изобразить вам это ещё с другой стороны.

Это происходит не так, как если бы в духовном мраке, в котором не имеешь никакого общения, вспоминал бы о том, что пережил прежде в духовном мире, но как если бы в каждое мгновение сиюминутно мог это породить – это непрерывное внутреннее творчество. Однако знаешь: между тем как снаружи существует внешний мир, ты должен существовать сам с собой и творить, и творить. То, что ты

творишь, – это мир, который бушует снаружи вокруг тебя по ту сторону берега твоего собственного существа.

Но живя таким образом дальше в первой половине жизни между смертью и новым рождением и приближаясь к середине периода между смертью и новым рождением, чувствуешь, что жизнь в уединении становится всё богаче, а обзоры духовного окружения становятся всё короче и сумеречнее, пока не приближается период в середине между смертью и новым рождением, который я пытался представить в моей последней мистерии «Пробуждение души» как мировую полночь, когда человек в глубине своей души имеет самую интенсивную жизнь, но уже не имеет творческую душевную силу для освещения своего духовного окружения, когда бесконечные миры из нашего внутреннего определённым образом могут внутренне духовно наполнять нас, но мы ничего не можем знать о другом бытии в качестве нашего собственного бытия. Это середина в переживаниях между смертью и новым рождением – мировая полночь.

Теперь наступает период, когда в человеке возникает стремление к позитивной творческой силе. Ибо хотя мы имеем в качестве внутренней жизни нечто бесконечное, в нас пробуждается стремление снова иметь внешний мир. Условия духовного мира от условий физического мира отличаются тем, что, в то время как в физическом мире стремление является пассивной силой – если мы имеем нечто, к чему стремимся, то это нечто является тем, что нас побуждает, – в духовном мире как раз наоборот. Здесь стремление становится творческой силой, оно превращается в то, что теперь в качестве нового вида душевного света может дать нам внешний мир, внешний мир, который, однако, всё-таки является внутренним миром, когда нам открывается взгляд на наши прежние земные инкарнации. Теперь они лежат, простираясь перед нами, освещённые светом, рождённым, исходя из нашего стремления. В духовном космосе есть сила, которая, исходя из стремления, может осветить и дать пережить нам этот ретроспективный обзор. Но для этого в нашем современном цикле времени необходимо одно.

Я говорил вам, что всё это время первой половины жизни между смертью и новым рождением мы колеблемся между внутренней и внешней жизнью, между уединением и духовным общением. Условия духовного мира прежде всего таковы, что каждый раз, когда в этом духовном мире мы снова возвращаемся в это уединение, мы всегда вновь в

нашей внутренней деятельности проводим перед нашей душой то, что пережили во внешнем мире. Благодаря этому существует сознание, которое простирается тоже с колебаниями бесконечности через весь духовный мир. Колебания снова стягиваются в уединение.

Но мы должны сохранять в себе одно, что должно оставаться в наличии, независимо от того, простираемся ли мы в огромном духовном мире или возвращаемся. Прежде чем произошла Мистерия Голгофы, было возможно благодаря силам, с которыми человек был связан с древних времён, иметь крепкую тесную связь с «я», не утрачивать этой связи с «я», то есть, в истекшей земной жизни постоянно отчётливо удерживать это как воспоминание: на Земле в этой жизни ты был «я». Это должно было простираться сквозь периоды уединения и общения. До Мистерии Голгофы об этом заботились через унаследованные силы. Теперь об этом можно заботиться только благодаря тому, что с тем, что мы отделили от себя как наше земное достояние (Erdengut) и что мы, удаляясь, ощутили сразу при покидании физического тела, что с ним остаётся связанным наше душевное осуществление, душевное осуществление, которое мы можем иметь благодаря тому, что Христос излит в ауру Земли. Это бытие, пронизанное субстанциональным Христа, есть то, что в настоящее время при переходе из физической жизни к смерти даёт нам возможность сохранять воспоминание о нашем «я» вплоть до мировой полуночи, несмотря на всё простираемое в духовный мир, несмотря на всё стягивание в уединение. До тех пор простирается импульс, исходящий из силы Христа, чтобы мы не разрушили (verheeren) сами себя. Но затем, исходя из стремления, новая духовная сила должна пробудить наше стремление к новому свету. Эта сила существует только в духе, в духовной жизни.

Мои дорогие друзья, в физическом мире есть природа и пронизывающее эту природу божественное, из которого мы рождаемся в физическом мире. Есть импульс Христа, который существует в земной ауре, то есть в ауре физической природы. Но сила, подходящая к нам в мировую полночь, чтобы наше стремление осветило всё наше прошлое, она есть только в духовном мире, есть только там, где не может жить тело. И импульс Христа привёл нас вплоть до мировой полуночи, и мировую полночь душа пережила в духовном уединении, потому что душевный свет не может теперь засиять из нас самих $\begin{matrix} \text{F} & \text{0} \\ \hline & \text{2D} \end{matrix}$ наступила мировая тьма; до тех пор нас вёл Христос, теперь же из мировой полуночи, из нашего

стремления, выходит духовное, создавая новый мировой свет, наполняя всё наше собственное существо свечением, благодаря которому мы вновь схватываем себя в мировом бытии, благодаря которому мы снова пробуждаемся в мировом бытии. Духа духовного мира, пробуждающего нас, мы узнаём его, когда из мировой полуночи сияет новый свет, излучаясь над совокупностью наших прежних человеческих жизней (*über unsere verflossene Menschheit*). Во Христе мы умерли - через Духа, через бестелесного Духа, которого называют техническим термином «Святой Дух», то есть живущий вне тела, без ослабления духа, живущего в теле, ибо это подразумевается под словом «святой», через этого Духа нас пробуждают в нашем существе из мировой полуночи.

Итак, через Святого Духа мы пробуждаемся в мировой полуночи.

Per spiritum sanctum reviviscimus.
(Через Духа Святого воскресаем).

ШЕСТОЙ ДОКЛАД

Вена 14 апреля 1914 года.

В этом моём последнем докладе я хотел бы продолжить то, на чём мы вчера остановились. Остановились мы на том, что я позволил себе назвать «великим часом мировой полуночи духовного бытия между смертью и новым рождением», тем часом мировой полуночи, когда человеческое внутреннее переживание становится самым интенсивным, а то, что мы можем назвать духовным общением, связь с духовным внешним миром, достигает самой низкой степени, так что в определённом отношении во время этого часа мировой полуночи духовного бытия вокруг нас существует духовная тьма. Но было сказано, что в нас снова действует стремление к внешнему миру, что это стремление становится активным благодаря духу, действующему в духовном мире, и что это стремление порождает из нас новый душевный свет, так что для нас становится возможным увидеть внешний мир совершенно особого рода. Этот внешний мир, который мы видим в таком случае, является нашим собственным прошлым, как оно протекало через прежние инкарнации и промежуточные периоды между смертью и новым рождением, и которое мы обзираем теперь как внешний мир, оглядываясь на то, что мы получили от мирового бытия и чем наслаждались, и на то, что мы остались должны этому мировому бытию. Особенно тогда, когда мы имеем этот ретроспективный взгляд на наши прежние переживания, нам с большей интенсивностью выступает навстречу двойное. Мы наслаждались – это является нам словно через духовное созерцание – этим и тем, то и это нам было подарено в радости и наслаждении бытия. Мы можем обзирать всё то, что когда-то было радостью и наслаждением бытия. Но мы обзираем это так, что нам оно является словно в своей духовной ценности, что нам это является относительно того, каким оно сделало нас.

Возьмём конкретный случай. Мы оглядываемся на что-то, что выпало нам в жизни нашего бытия в истекшее время как наслаждение, как удовлетворение. Затем мы чувствуем: то, что ты имел от этого наслаждение, не является чем-то прошедшим, хоть и лежит во времени позади, но оно не является чем-то абсолютно прошедшим. Это нечто такое, что продолжает своё воздействие во всех временах, продолжает так, что ждёт того, что мы из этого сделаем.

Если мы имели удовлетворение, наслаждение, то мы чувствуем в себе (мы переживаем это непосредственно в своём душевном бытии во время этого обратного созерцания): Это должно в тебе стать силой, силой твоей души, и этой силе твоей души ты можешь позволить действовать в тебе двояким образом. Теперь в этом духовном бытии после мировой полуночи, в котором ты находишься, ты имеешь две возможности. Духовный мир просто даёт тебе способности претворить в жизнь одну из этих возможностей. Ты можешь это прошлое наслаждение, это прошлое удовлетворение преобразовать в себе в способность, так что благодаря былому наслаждению развиваешь в своей душе определённую силу, которая сделает тебя способным для того или иного, благодаря чему ты что-либо создашь в мире, пусть самое малое, пусть великое, имеющее ценность для мира. Это одно. Вторым является то, что ты можешь себе сказать: Итак, я имел наслаждение, я доволен этим наслаждением, я хочу наслаждение внести в свою душу и подкрепляться тем, что в прошлом я имел это наслаждение. Если со многим, чем мы наслаждались, что нас удовлетворяло, мы добьёмся такой возможности, тогда это приведёт к тому, что в своём внутреннем мы создадим силу, в которой мы постепенно выродимся, задохнёмся. И самым важным, чему мы можем научиться в духовном мире, является то, что через наше наслаждение, через то, что нас удовлетворяет, мы, кроме того, становимся должниками мирового бытия. Перед нашим духовным взором предстаёт перспектива задохнуться в последствиях удовлетворений и наслаждений, если мы не решимся в подходящий момент времени из прошедших удовлетворений, из былых наслаждений создать способности, которые могут породить в жизни весьма ценное. Отсюда вы снова видите, что духовное и то, что происходит на физическом плане, находятся во взаимодействии.

Кто в смысле вчерашнего доклада всё больше и больше проникается познаниями духовной науки, у кого эта духовная наука перейдёт в инстинктивную жизнь его души, тот также и в отношении наслаждений и в отношении удовлетворений, которые он имеет на физическом плане, до известной степени разовьёт как побуждение внутренней совести настроение: Ты не можешь только ради себя самого мириться с каким-либо наслаждением, радостью и удовольствием, – но он пронизет это удовольствие неким родом чувства благодарности в отношении вселенной, в отношении

духовных сил вселенной. Ибо он узнает, что через каждое наслаждение, через каждое удовлетворение он становится должником вселенной. Легче всего и увереннее всего мы справляемся с преобразованием наслаждений и радостей духовного рода. Правда такие наслаждения и удовольствия, которые могут быть удовлетворены только через телесные органы или вообще только благодаря тому, что человек на физическом плане носит при себе тело, тоже находятся перед нами в указанном периоде времени между смертью и новым рождением как нечто, что необходимо преобразовать, если мы не хотим постепенно до известной степени в этом задохнуться. Мы чувствуем необходимость преобразования, но мы также чувствуем, что необходимы многие инкарнации, чтобы между этими инкарнациями мы всё снова находились в духовном мире и, наконец, смогли достичь преобразования. Кроме того, в духовном мире мы находим ещё кое-что другое. Мы находим, что такими наслаждениями, такими радостями, которыми полностью словно захватывается наше духовно-душевное, и наслаждение, удовлетворение принимают недостойный человека, я не хочу сказать животный характер – ибо радость и наслаждение могут принимать недостойный человека характер, – что фактически такими наслаждениями мы в нашем современном цикле человечества причиняем бесконечную боль определённым существам духовного мира, которые выступают нам навстречу уже тогда, когда мы как раз вступаем в духовный мир. И вид этой боли, которую мы причиняем в духовном мире определённым существам, является таким чудовищно ошеломляющим, впечатляющим, пронизывающим нашу душу такими силами, что мы довольно плохо справляемся с гармоничным формированием связей для следующей инкарнации.

В противовес этому при рассмотрении иного, переживаемого нами на Земле в боли и страдании, на духовном плане обнаруживается, что перенесённые на физическом плане боли и перенесённые страдания продолжают действовать и так пронизывают на духовном плане нашу душу силами, что эти силы становятся силами воли, и благодаря этому в душе мы становимся сильнее и имеем возможность преобразовать эти силы в моральную силу, которую в свою очередь мы можем затем принести с собой на физический план, чтобы не только иметь определённые способности, благодаря которым мы можем создавать нечто полноценное для окружающего мира, но

чтобы иметь также моральную силу характерно изживать эти способности.

Такие и многие другие переживания мы имеем непосредственно после духовного полуночного часа бытия. Мы почувствуем и переживём, чего мы стали достойны благодаря нашему прошедшему бытию, мы почувствуем и переживём, к каким способностям мы можем прийти в будущем. Затем после некоторого времени дальнейшего проживания в духовном мире из тьмы сумерек духовного окружения выступает отчётливое созерцание уже не только нашей собственной истекшей жизни, но главным образом всего человеческого, что было связано с этой жизнью, а именно всего того человеческого, которое было связано с этой жизнью более близко. С нами в духовные отношения вступают люди, с которыми мы имели то или иное отношение на прежних ступенях бытия. Не то чтобы раньше духовное общение с этими людьми не имело места – мы всегда переживаем себя вместе с людьми, которые нам были близки в жизни, в гораздо большем периоде между смертью и новым рождением, – но теперь, в то время как мы снова встречаем этих людей после полуночного часа духовного бытия, в этих людях отчётливо и ясно выступает то, в чём мы провинились перед ними или в чём они провинились перед нами. Мы переживаем теперь не просто созерцание: так ты находился с этими людьми между этим и тем временем – это мы имели и раньше, – но эти люди становятся для нас выражением того, каким является возмещение прежних переживаний. Мы видим в людях, так как они выступают перед нами, благодаря каким переживаниям на физическом плане мы можем ради прошлого создать возмещение того, что мы остались им должны или тому подобное. Мы, так сказать, стоя перед душами людей, созерцаем причины, которые в будущем станут следствиями отношений, которые мы имели с людьми в прошлом. Конечно, мы осознаем это гораздо лучше, если возьмём по возможности конкретный единичный случай. Итак, допустим, что мы оклеветали одного человека. Теперь наступает время, когда в духовном мире нам дана возможность, чтобы мы терзались из-за истины, противостоящей нашей лжи. Но мы терзаемся благодаря тому, что отношение к человеку, которого мы оклеветали, в охарактеризованное теперь время меняется, как только мы видим этого человека – а мы духовным взором будем видеть его довольно часто, – и он становится причиной того, что в нас восходит противостоящая нашей лжи истина, которая

мучает нас. Благодаря этому из наших глубин всплывает стремление: с этим человеком внизу на Земле ты должен снова встретиться, ты должен что-то сделать, что исправит несправедливость, которую ты, солгав, допустил. Ибо здесь в духовном мире нельзя исправить то, что было создано твоей ложью; здесь в космосе ты можешь только получить полную ясность о последствии лжи. То, что таким образом было создано на Земле, в свою очередь должно быть и компенсировано на Земле. Узнаёшь, что в себе самом ты нуждаешься в уравнивании сил, которые могут возникнуть только тогда, когда снова получишь земное тело. Благодаря этому в нашей душе возникает стремление: ты должен получить земное тело, предоставляющее возможность совершить такое деяние, благодаря которому компенсируются несовершенства, которые ты вызвал на Земле, иначе, когда ты снова пройдёшь через смерть, этот человек вновь появится перед тобой и вызовет мучение истиной. Вы видите всю духовную технику, как в духовном мире создаётся в нас стремление осуществить кармическое выравнивание для того или иного.

Эти выравнивания происходят и через другие предпосылки; но я должен был бы перечислить, конечно, тысячи и тысячи конкретных случаев, если бы захотел раскрыть всё, что принимается во внимание для этого значительного кармического вопроса. Возьмём, например, следующий случай. Допустим, что мы находимся в периоде, который следует за полуночным часом бытия, то есть в духовном мире, что мы оглядываемся на определённые радости, которые мы имели, и говорим: Мы можем последствия этих переживаний преобразовать в способности, которые мы можем потом проявить, когда вновь обретём тело. Да, но тогда может произойти следующее. Мы можем заметить: когда в твоём нынешнем положении ты теперь превращаешь для себя эти прошлые переживания в способности, тогда тебе мешают определённые элементарные существа. Это может быть так. Эти элементарные существа не позволяют прийти к тому, чтобы ты действительно овладел этими способностями. Теперь можно спросить себя: Что же делать? Если я исполню желание этих элементарных существ, которые сюда подходят и которые не могут допустить, чтобы во мне возникли эти способности, тогда я не смогу сформировать в себе эти способности. Но эти способности мне необходимо сформировать. Я знаю, что в следующей инкарнации я

действительно смогу оказать услугу определённому человеку, которому я могу оказать услугу, только в том случае, если я буду иметь эти способности. В таком случае, как правило, решают так, что овладевают этими способностями. Но вместе с тем наносят вред этим элементарным существам, которые здесь существуют повсюду. Они чувствуют, что они определённым образом нами атакованы. Главным образом тогда, когда происходит то, что как раз было сказано об усваивании нами определённых способностей, они чувствуют себя благодаря этому помрачёнными в своём бытии так, как если бы у них было взято нечто от их собственной мудрости. Одним из часто наступающих последствий в таком случае является то, что мы, когда вновь рождаемся, находим на Земле одного человека или несколько человек, одержимых этими элементарными существами, и обнаруживаем внушённые им против нас особо враждебные намерения.

Подумайте о том, как глубоко это позволяет нам всматриваться в человеческое переживание и как основательно оно учит нас постигать человеческую жизнь, действительно овладевать правильным инстинктом и правильно вести себя на физическом плане. Но это не обуславливает того, чтобы мы всегда, когда уже находимся на физическом плане, говорили: Что ж, тогда я вынужден был защищать себя. Благодаря этому я породил себе этих врагов, теперь я должен дать им свободу действия. Конечно, может наступить случай, когда это хорошо $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ дать им свободу действий, но может также наступить и другой случай: когда мы даём им свободу действий, эти враждебные элементарные существа, действующие через того или иного человека, с избытком создают себе благодаря тому, чего они достигают теперь на физическом плане, компенсацию того, что у них до определённой степени было отнято ради нашей собственной защиты $\begin{matrix} F_0 \\ 2D \end{matrix}$ они переходят предел того, что у них было отнято. И следствием этого стало бы то, что от них нельзя спастись, когда вновь в соответствующее время вступаешь в поток времени между смертью и новым рождением, что за определённые способности они здесь определённым образом кое-что уничтожили бы.

Мир становится всё сложнее и сложнее, когда мы реально знакомимся с ним. Но это в действительности вовсе не может нас удивлять. Из кармической связи между жизнью на Земле и жизнью между смертью и новым рождением я отметил бы ещё только отдельные случаи. Так следовало бы отметить случай, когда у какого-то человека, скажем, из-за

болезни смерть наступила раньше, чем она наступает при нормальной человеческой жизни. В таком случае человек проходит через врата смерти так, что он, будучи приведён к смерти болезнью, в действительности, однако, сохраняет в себе некоторые силы, которые он изжил бы, если бы прожил нормальную человеческую жизнь. Эти силы, которые таким образом остаются у человека как остаточные силы, которые он ещё мог бы использовать, если бы не погиб раньше, – они остаются. И для духовного исследования, когда исследуешь жизнь после смерти, обнаруживается, что эти силы дополнительно устремляются к силам воли и к эмоциональным силам человека и усиливают, укрепляют их. Так что такой человек в состоянии использовать после полуночного часа бытия то, что ему благодаря этим силам подводится до полуночного часа бытия, таким образом, что он вступит в земное бытие более сильным человеком, более энергичным и с характером в своём волевом существе, чем он вступил бы, если бы не нашёл такую раннюю смерть. Но то, что это должно произойти именно так, связано с прежней кармой, и, конечно, было бы большой глупостью, если бы кто-либо поверил, что через искусственное вызывание ранней смерти он достиг бы того, что было изображено – тогда бы он этого не достиг. Чего достигают таким искусственным вызыванием ранней смерти, это вы найдёте описанным в моей «Теософии», поскольку по поводу этого необходимо получить разъяснение. Кроме того, я указал на случай, когда человек находит безвременную смерть через несчастный случай. Если его через несчастный случай вырывают из переживаний физического плана, для которого у него ещё достаточно сил, чтобы достичь преклонного возраста, то ему снова остаётся такой остаток сил, который ему добавляется уже так, что после прохождения полуночного часа бытия он может использовать то, что к нему здесь притекает, для своих интеллектуальных сил, для своих познавательных сил. Через духовное исследование обнаруживаешь, что великие изобретатели часто являются именно такими людьми, которые в прежних инкарнациях погибли из-за несчастного случая.

В таких случаях мы видим, что, если мы хотим рассматривать такие вещи действительно с пониманием, мы должны, конечно, ознакомиться с тем, что точка зрения в духовном мире действительно становится иной, чем она может быть в физическом мире. Вам будет становиться всё более понятным, что для понимания духовного мира

необходимо вносить новые представления и понятия, потому что духовные миры являются чем-то совсем иным, нежели физический мир. Поэтому никто не должен удивляться, если нечто, что характеризуется из духовных миров, вначале предстаёт так, что, применяя понятия физического мира для того, что характеризуется, ощущаешь вещи неудовлетворяющими. Например, является фактом, который духовное исследование подтверждает во многих случаях, что тот, кто умирает настроенным материалистически и оставляет после себя близких родственников, которые тоже настроены материалистически, сначала претерпевает в духовном мире определённое лишение. Если он прошёл через врата смерти, не имея духовного образа мыслей, и хочет посмотреть на своих любимых на Земле, то, если в их душах совсем нет никаких духовных мыслей, он не в состоянии непосредственно смотреть на них; он знает о них только до того момента, когда он прошёл через врата смерти. Что они переживают внизу на Земле в настоящий момент, этого не может видеть его духовный взор, поскольку в их душах не присутствует духовная жизнь, ибо только духовная жизнь бросает свет вверх, в духовные миры. Такой человек должен в таком случае ждать, пока в духовном мире в нём самом не пробудятся силы, чтобы видеть вещи совершенно ясно. То есть, чтобы видеть: эти души, которых он оставил там внизу, настроены материалистически, поскольку они охвачены Ариманом. Если бы он пережил это непосредственно после смерти, то не смог бы этого перенести. Надо сначала вращать в эту одержимость Ариманом материалистически настроенных душ, потом можно начинать созерцание этих душ, пока они тоже не прошли через врата смерти и сами затем не освободились в духовном мире от своего материалистического образа мыслей. Только тогда позже переживёшь с ними связь.

Кто-то мог бы сказать: Да, но это, однако, вовсе неутешительные отношения, которые ты здесь изображаешь как протекающие после смерти. Да, мои дорогие друзья, когда мы так говорим, мы исходим как раз из представления, полученного на физическом плане. Это не является представлением, которое уже пронизано пониманием духовных миров. Умерший приходит между рождением и смертью к моменту, когда он говорит себе: О, как это было бы безутешно (trostlos) сразу после смерти видеть эти души, когда они настроены материалистически! Насколько лучше однако для всех этих душ, что они вначале проходят это

время испытания! Если бы это было не так, они утратили бы сами себя, они не смогли бы достичь того, что должно быть достигнуто. – Точка зрения сразу становится совсем иной, когда вещи мира рассматриваешь с духовной стороны, и наступает время, когда у людей возникает необходимость уже на физическом плане действительно добывать понимание для истин духовной науки.

Поэтому духовная наука и появляется теперь в мире, поскольку развитие человечества делает необходимым, чтобы это проникновение духовных миров и условий их существования всё больше и больше жило в душах – сначала инстинктивно, а потом сознательно. Я хочу сообщить вам нечто чисто формальное, чтобы вы видели, как всё больше и больше будут приходить к тому, чтобы уметь и о жизни на физическом плане иметь истинное суждение только через постижение законов духовного бытия, нечто чисто формальное, что однако является чрезвычайно важным. Обращая внимание на природу, мы видим удивительное зрелище, что повсюду от зародышей используется лишь малое количество для продолжения аналогичной жизни, но огромное количество зародышей погибает. Мы обращаем внимание на множество, огромное количество существующих в море зародышей рыб. Лишь небольшое количество их становится рыбами – другие погибают. Мы смотрим на поле и видим чудовищное количество зародышей зерновых. Только немногие снова станут зерновыми растениями, другие погибнут как зёрна злаков, когда их используют для питания людей и для другого. В природе должно производиться гораздо больше того, что действительно становится плодом в, так сказать, равномерно утекающем потоке бытия и снова прорастает. Так это происходит в природе, ибо там в природе господствуют порядок и необходимость, чтобы то, что таким образом утекает из своего, принадлежащего ему и основанного в себе самом потоке бытия и плодоношения, использовалось, использовалось так, чтобы это служило другому продолжающемуся потоку бытия. Существа не могли бы жить, если бы все зародыши действительно плодоносили и приходили к таящемуся в них развитию. Должны существовать зародыши, используемые для того, чтобы определённым образом основывать почву, исходя из которой могут развиваться существа. Только кажется, согласно майе, что кое-что пропадает, в действительности, однако, ничто не пропадает внутри творения природы. В этой природе царит дух, и то, что, как кажется, что-то пропадает из утекающего

потока развития, основано мудростью духа, это духовный закон – и эти вещи мы должны рассматривать с точки зрения духа. И тогда мы уже приходим к тому, насколько имеет своё полное право на существование то, что нечто, как кажется, выводится прочь из утекающего потока мирового события. Это имеет духовную основу; поэтому также, поскольку мы ведём духовную жизнь, это может иметь значение на физическом плане.

Мои дорогие друзья, возьмём вполне понятный нам конкретный случай: о нашей духовной науке необходимо читать открытые доклады. Они читаются перед публикой, которая собирается как раз просто благодаря объявлениям. В таком случае происходит нечто подобное, как с зёрнами злаков, которые лишь отчасти используются в утекающем потоке бытия. Не надо пугаться того, что при известных условиях перед многими, многими людьми, как кажется без разбору, могут проводиться потоки спиритуальной жизни, и что тогда лишь немногие выделяются и вступают в эту спиритуальную жизнь, становятся антропософами и идут вместе с текущим потоком. В этой области, кроме того, происходит так, что эти рассеянные зародыши проникают во многих из тех, кто, например после открытого доклада, уходят и говорят: Что за дикую бессмыслицу болтал здесь этот человек! Рассматривая непосредственно относительно внешней жизни, это, скажем мы, подобно зародышам, которые погибают в море как зародыши рыб; но с точки зрения более глубокого исследования это не так. Души, пришедшие сюда через свою карму, затем уходят и говорят: Что за дикую бессмыслицу болтал здесь этот человек! – они пока не созрели воспринять истину духа, но их душам необходимо в нынешней инкарнации почувствовать, как к ним веет (heranschwingen) то, что как сила находится в этой духовной науке. И всё же это остаётся в их душах, они могут продолжать так ругаться, но в качестве силы это остаётся в их душах для их следующей инкарнации, и в таком случае зародыши не потеряны – они находят пути. Бытие в отношении духовного подлежит одинаковым законам, прослеживаем ли мы это духовное в природном порядке, или в том случае, который мы привели как наш собственный случай.

Но теперь допустим, что мы хотели бы перенести вещи на внешнюю материальную жизнь и сказали бы: Что ж, точно так же это совершается во внешней жизни. Да, мои дорогие друзья, это происходит именно так, как я только что описал F 0
2 D

мы идём навстречу будущему, когда это будет выявляться всё больше! Производят всё больше, основывают фабрики, не спрашивая: Сколько нужно? – как это было когда-то, как это устраивал в деревне портной, который шил одежду только тогда, когда она была заказана. Тогда был потребитель, который указывал, сколько необходимо произвести, теперь же производят для сбыта, товары складываются – как можно больше. Производство работает полностью по принципу, по которому создаёт природа. Природа переносится в социальный порядок. В настоящее время это всё больше распространяется. Однако здесь мы вступаем на поприще материального. Во внешней жизни не применим духовный закон, потому что он имеет ценность только для духовного мира, и возникает нечто весьма удивительное. Здесь, среди нас, мы ведь можем говорить о таких вещах. Мир с радостью не будет сегодня оказывать нам в этом никакого понимания.

Итак, сегодня производят для сбыта, не считаясь с потреблением, не в смысле того, что было изложено в моей статье «Духовная наука и социальный вопрос», но всё, что производится, складывается на складах и посредством денежного рынка, а потом ждут, сколько купят. Эта тенденция всё возрастает, пока она не уничтожится сама собой – если я сейчас скажу следующее, то вы поймёте, почему. Благодаря тому, что этот род производства вступает в социальную жизнь, на Земле в социальной связи людей возникает совершенно то же самое, что возникает в организме, когда таким образом возникает карцинома. Совершенно то же самое – канцерогенез, образование карциномы, рак культуры, карцинома культуры! Такой канцерогенез видит тот, кто духовно видит социальную жизнь; он видит, как повсюду в социальных язвенных образованиях возникают страшные задатки. Это большая забота культуры, которая возникает для того, кто видит жизнь. Это то страшное, что так тягостно действует и что само приведёт к тому, чтобы словно взывать о лечебном средстве для мира против того, что так сильно приближается и что будет становиться всё сильнее, в том случае, если бы смогли подавить весь энтузиазм духовной науки, если бы смогли подавить то, что может открывать уста для духовной науки. То, что на своём поприще распространения духовных истин должно быть в своей сфере, созданной природой, становится раковым образованием, если охарактеризованным образом вступает в культуру.

Увидеть это и затем оказывать помощь будет возможно только тогда, когда духовная наука охватит сердца, пронизет души. И когда понимаешь эти вещи, хотелось бы иметь всё самое сильное воодушевление, чтобы вложить его в свои слова, чтобы обратить внимание наших современников – многие это могут понять, – какому времени навстречу мы идём! Эти вещи можно увидеть только тогда, когда ознакомишься с разными существующими точками зрения: один раз для одного поля бытия, в другой раз – для другого. Навстречу тому, кто в переживании находится между полуночным часом бытия и новым рождением, выступает эта другая точка зрения, ибо он сам, создавая, должен возникнуть из этой другой точки зрения.

Когда человек сформировал тенденцию к исполнению кармы относительно ближе всего стоящих к нему переживаний, тогда перед его душой выступают дальнейшие переживания, которые стоят уже дальше. Религиозная община, другие объединения, к которым принадлежал, которые затем переживаешь так, что они показывают: теперь, чтобы не быть односторонним, ты должен в следующей инкарнации совершить то или иное. – Короче, эта жизнь потом протекает так, что хотя она и чередуется ещё между духовным общением и духовным уединением, но в основном она идёт к тому, что строится прообраз для новой земной жизни, пока чисто духовно.

Задолго до того, как нисходишь к этой земной жизни, строишь из духовного мира духовно-эфирный прообраз, несущий в себе силы, которые можно было бы назвать духовно-магнетическими силами, притягивающими к родительской паре, о которой чувствуешь: для меня есть признаки наследования, чтобы я мог вступить в новую земную жизнь. Я уже указывал, что нормальный момент времени – это тот, когда мы имеем чувство: мы соединяемся с тем, что удалилось в качестве нашего жизненного плода последней земной жизни. Но человек не всегда доходит до этого. Тогда наша жизнь протекает так, что мы вполне чувствовали бы связь между телесным и духовным, если бы мы дошли до этого момента, но человек чаще всего вступает в бытие раньше. Большинство людей являются духовно преждевременно рождёнными, и это выравнивается лишь позже благодаря тому, что мы имеем такие переживания, в которых мы постоянно гармонично вновь сливаемся с плодами наших прежних земных жизней.

Но одно является наиболее важным. Вчера я это изложил: тогда, когда стремление к внешнему миру должно быть наибольшим, так как мы вступили в уединение больше всего – в полуденный час духовного бытия, тогда это является тем, что в действительности бурлит и волнуется и живёт только в духовных мирах, здесь присутствует дух, который подступает к нам и претворяет наше стремление в некий род душевного света. До этого момента мы должны сохранять связь с нашим «я». Мы должны как бы хранить одно воспоминание: На Земле ты был этим «я». Это «я» должно оставаться для тебя как воспоминание. Возможность этого в нашем цикле времени зависит от того, что Христос внёс в земную ауру силу, которая иначе не была бы принесена из земной жизни, силу, которая даёт нам возможность сохранять воспоминание вплоть до полуночного часа бытия. Будучи разорванным, это стало бы бездной, которая в середине между смертью и новым рождением превратила бы наше бытие в нечто негармоничное, если бы Импульс Христа не прошёл через земной мир. Задолго до наступления часа мировой полуночи мы забыли бы, что мы были неким «я» в последней жизни. Мы чувствовали бы связь с духовным миром, но забыли бы себя. И это достигнуто тем, что мы на Земле сейчас действительно так сильно развиваем наше «я». Со времени Мистерии Голгофы стало необходимо, чтобы мы всё больше и больше приходили к этому осознанию «я». Однако, всё больше и больше приходя на Земле к осознанию своего «я», мы расходуем силы, которые нам необходимы после смерти, чтобы мы действительно не забыли себя вплоть до полуночного часа бытия. Для того, чтобы мы могли сохранять это воспоминание, мы должны умереть во Христе. Так должен там присутствовать Импульс Христа: Он вплоть до полуночного часа бытия сохраняет для нас возможность не забыть наше «я».

Затем в полуночный час бытия Христос подходит к нам. Итак, мы сохранили воспоминание о нашем «я». Если мы вносим его в полуночный час бытия до того, как к нам подступает Святой Дух и даёт нам обратный просмотр и связь с нашим собственным внутренним миром как с неким внешним миром, если мы сохранили эту связь, тогда отныне Святой Дух может вести нас вплоть до нашего нового воплощения, которого мы можем достичь благодаря тому, что сформировали в духовном мире свой прообраз. Но теперь в действительности вещи происходят ведь не так, что некоторым образом делаешь только всё самое необходимое.

Ибо, как маятник не находится в покое, но раскачивается, чтобы снова отклониться в другую сторону, и как правильно то, что так происходит, так же это происходит и с духовной жизнью. Импульс Христа оснащает нас не только такой силой, чтобы мы едва нашли присоединение (Anschluß^{F 0}_{6 2}), но при определённых условиях он даёт нам так много, что если бы к нам не подошёл Дух, импульс Христа мог бы нас перебросить на ту сторону. Конечно, с воспоминанием мы не смогли бы найти присоединение, но нас перебросил бы импульс Христа. Это имеет своё огромное значение, что мы воспринимаем от Христа такой импульс, который переходит самую необходимую границу, для человека, когда он развивается в направлении будущего, это становится всё более необходимым. Уже теперь необходимо, чтобы человек во время своей земной жизни в известной мере не только узнал всё самое необходимое о Христе, но чтобы Импульс Христа как мощный импульс проник в его душу так, чтобы он его ещё перебросил на ту сторону через полуночный час бытия. Ибо благодаря этому через Импульс Христа усиливается Импульс Духа, и Импульс Духа через вторую половину жизни между смертью и новым рождением мы несём сильнее, чем мы пронесли бы его в противном случае, если бы не было Импульса Христа.

То, что у нас остаётся от Импульса Христа, укрепляет Импульс Духа. Иначе Дух был бы только духом, и он перестал бы действовать после нашего рождения. Когда мы пронизываем себя Импульсом Христа, Импульс Христа усиливает Импульс Духа. И благодаря этому в нашу душу может быть внесён такой Импульс Духа, который потом, когда мы вступаем в земную инкарнацию, является силой, которую мы не расходует в земной инкарнации, как обычные силы, которые мы несём с собой через рождение. Я ведь это уже подчёркивал, что силы, которые мы приносим из духовного мира, мы преобразуем в нашу внутреннюю организацию. Но получаемое таким образом как излишек, как прибыль, когда Импульс Христа усиливает Импульс Духа, мы вносим в бытие, и во время земного переживания это уже не нуждается в преобразовании. Для земного развития, чем дальше мы идём навстречу будущему, тем всё больше и больше будут необходимы люди, которые через своё рождение во время новой инкарнации вносят в земную жизнь нечто от пронизания Импульсом Христа и духовным Импульсом. Дух должен действовать сильнее, так, чтобы он действовал не только вплоть до рождения и всё из духовной

жизни переносилось во внутренние организующие силы, чтобы нам оставалось лишь немного сознания, которое нас обучает познанию по поводу нашего физического окружения и по поводу того, чем может овладеть рассудок, который связан с мозгом. Если бы мы, будучи людьми, развиваясь навстречу будущему, не приносили с собой мало-помалу избыток в духе, возникающий описанным образом, тогда человечество на Земле пришло бы к тому, что во время земной жизни уже ничего не подозревало бы о существовании духа. Тогда во время земной жизни воцарился бы только недуховный дух, Ариман, и люди могли бы знать только о чувственно-физическом мире, который воспринимают с помощью органов чувств, и о том, что можно постичь с помощью рассудка, связанного с мозгом. Однако в дальнейшем развитии человека все эти вещи некоторым образом переживают некое формирование именно теперь, когда человечество стоит перед опасностью лишиться Святого Духа.

Но оно его не лишится. Духовная наука будет стражем того, чтобы человечество не лишилось этого Духа, того Духа, который подходит к душе в полуночный час бытия, чтобы оживить в ней желание увидеть во всей своей ценности саму себя в своём прошлом. Нет, духовная наука всё больше, всё настойчивее должна говорить об Импульсе Христа, чтобы дух во всё большем количестве людей всё больше и больше входил через рождение также и в физическое бытие, и чтобы в этом физическом бытии всё больше возникало людей, которые чувствовали бы: Я, конечно, имею в себе силы, которые должны быть преобразованы в организующие силы, но здесь в моей душе вспыхивает нечто, не нуждающееся в преобразовании. Дух, который существует только на стороне духовного мира, от него я нечто взял с собой в этот физический мир, несмотря на то, что я живу в своём физическом теле. Дух будет тем, кто ведёт человека к созерцанию того, о чём говорит Теодора в моей драме-мистерии «Врата посвящения», что люди будут созерцать эфирный облик Христа. Сила духа, которая таким образом войдёт в тела, будет давать сведения духовному взору для созерцания и понимания духовных миров. Вначале их необходимо будет понять, потом с помощью понимания начнёшь их созерцать. Ибо созерцание наступит, потому что дух так овладеет душой, что она внесёт этот дух в тело, и дух действительно засверкает в её земной инкарнации: дух будет вспыхивать вначале немного, а затем больше. И если, с одной

стороны, мы можем сказать: Духом, Святым Духом нас воскрешают в великую полночь бытия, $\begin{bmatrix} F^0 \\ 2D \end{bmatrix}$ то, с другой стороны, глядя на то, что совершает дух в земном развитии для будущего, мы должны сказать: Даже в физическом теле всё больше и больше будет воскрешаться Святым Духом лучшее души, то, что открывает перспективу в духовные миры. Воскреснув Святым Духом в полуночный час бытия, человек также будет воскрешён, когда он живёт в своём физическом теле, когда он вживается в физическое бытие. Он внутренне очнётся, когда Святой Дух воскрешает его от сна, в котором иначе он был бы охвачен одним только созерцанием чувственного мира и рассудком, связанным с мозгом. Посредством одного только чувственного созерцания и посредством рассудка, связанного с мозгом, люди всегда бы спали. Но светить в этот человеческий сон, который иначе, всё больше затемняя, охватывал бы человечество в направлении будущего, светить в этот сон в человеке Дух будет даже во время физического бытия. Среди умирающей духовной жизни, среди духовной жизни на физическом плане, умирающей через одно лишь чувственное созерцание и через рассудочный мир, человеческие души будут воскрешены Святым Духом и в физическом бытии.

Per spiritum sanctum reviviscimus.